

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.И.Дубинин

**Немецкий литературный язык
позднего средневековья**

юго-западный ареал

Издательство «Самарский университет»
2000

ББК 81.2 Нем
Д 792

С.И.Дубинин. *Немецкий литературный язык позднего средневековья юго-западный ареал.* - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. - 200 с
ISBN 5-86465-172-9

Монография посвящена проблемам ареальной истории немецкого литературного языка конца XV - середины XVI вв. Исследование базируется на плюрицентрической концепции полигенезиса общенемецкого литературного языка. В центре внимания находится позднесредневековая письменно-языковая традиция юго-запада немецкой языковой области (регионы Эльзаса, Бадена, Вюртемберга, Швейцарии и части Передней Австрии), рассматриваемая через призму «канцелярских языков» и «языков печатников». Большое внимание уделяется реконструкции культурной и языковой ситуации, а также лингво-ареальной специфики этой уникальной языковой зоны и выявлению узальных черт юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка.

Для филологов-германистов, интересующихся историей немецкого языка, а также историков-медиевистов.

Под редакцией канд. филол. наук, доц. *А.И.Волокитиной*

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *Н.И.Филличева*,
д-р филол. наук, проф. *В.Н.Федорцова*

Д $\frac{4602020103 - 062}{6К4(03) - 2000}$ 7 - 2001

ISBN 5-86465-172-9

© С.И.Дубинин, 2000
© Издательство «Самарский университет», 2000

Содержание

Введение	5
Глава 1. Историческая география юго-запада XV-XVI веков	11
1.1. Динамика политико-административной карты	15
1.2. Особенности социально-экономического развития	23
1.3. Историко-культурная ситуация	30
1.4. Литературный ландшафт	38
Глава 2. Лингво-ареальная специфика юго-запада	45
2.1. Аспекты субареального членения	48
2.2. Реконструкция функциональной парадигмы немецкого языка юго-запада: субстандартные формы	52
2.3. Некоторые аспекты дифференциации территориального варианта немецкого литературного языка юго-запада	57
2.3.1. К определению понятия «территориальный вариант литературного языка»	58
2.3.2. Специфика социального и функционально-стилистического варьирования	62
2.4. Ареальная база и узус письменно-литературного языка юго-запада	65
2.4.1. Система и распределение ареальных признаков	66
2.4.2. Юго-западный узус в «метаязыковом измерении»	71
Глава 3. «Канцелярские языки» и узус немецкого письменно-литературного языка юго-запада	75
3.1. Стратификация деловой письменности и канцелярские узусы юго-западного ареала	78
3.2. Прагматика и диапазон варьирования региональных черт в деловой письменности	83

3.2.1.	Документы региональных организаций (Швабский союз)	84
3.2.2.	Памятники городского права	87
3.2.3.	Факторы адресата и отправителя корреспонденции	89
3.2.4.	Своеобразие частной переписки	92
3.3.	Деловая проза и «libri chronici»	96

Глава 4. Печатники и немецкий письменно-литературный язык юго-западного ареала 103

4.1.	Период 1470 - 1510-х годов	106
4.1.1.	Парадоксы практики первопечатников	109
4.1.2.	Проблемы соотношения языка рукописи и первопечатного текста	113
4.1.3.	Юго-западный узус в переизданиях инорегионального текста	114
4.1.4.	Региональный узус в переизданиях стереотипного текста	117
4.2.	Период 1520 - 1550-х годов	124
4.2.1.	«Языки печатников» и юго-западный территориальный вариант литературного языка	127
4.2.2.	Юго-западный узус в ведущих жанрах печати 1520-х годов	129
4.2.3.	Региональные изоглоссы в рукописных/печатных текстах «homines litterati» крайнего юго-запада	135
4.2.4.	Цюрихские печатники и язык швейцарской Реформации	139

Заключение 149

Библиография. Источники. Приложение 155

Введение

И

стория немецкого литературного языка, как относительно молодая дисциплина в диахронической лингвистике, расширяет аспекты своих исследований. В качестве основного направления утвердилось изучение становления общенациональной литературной нормы, а также качественных изменений в характере дифференциальных признаков литературного языка. Однако необходимая полнота исторического описания литературного стандарта, раскрытие причин прерывистости и замедления его развития требует разработки новых подходов.

Особое значение приобретает рассмотрение тенденций и альтернатив его становления на начальном этапе (конец XV - середина XVII вв.), когда закрепляется региональная основа литературного языка. В данный период немецкий литературный язык представлен преимущественно в *письменно-литературной* форме.

При этом одним из перспективных направлений исследований становится *региональный* (ареальный) подход. Его возникновение связано с длительной дискуссией о территориальной основе немецкого литературного идиома и изучением его регионального варьирования, которое проявляется как важнейшее онтологическое свойство на раннем этапе формирования «предстандарта» (конец XV века) в наличии конкурировавших и взаимодействовавших территориальных вариантов литературного языка (здесь и далее - **ТВЛЯ**): восточно-среднегерманского, юго-восточного, юго-западного, нижнегерманского.¹ Они обеспечивали относительное единство письменной коммуникации в условиях формирования нового культурного пространства и языковой ситуации этой чрезвычайно динамичной переходной эпохи, получившей название Позднее Средневековье.²

Региональный подход базируется на *плюрицентрической* концепции полигенезиса общенемецкого литературного языка, главный тезис которой В.Беш

¹ Использование понятия «предстандарт» в контексте данной работы, посвященной языковой ситуации XV-XVI вв., когда еще не сформировались контуры общенемецкой литературной нормы (стандарта), условно и не носит терминологического характера. Несомненно, что спор о «прародине» литературного языка отразил и идеологическое противостояние лингвистов ГДР и ФРГ 1950-80-х гг.

² Вынесенное в заглавие работы понятие «позднее Средневековье» является для нас не только хронотопом, но и методологическим тезисом, исходя из положения Ж. Ле Гофа о «долгом Средневековье». [7, С.5] «Постсредневековье» в Германии характеризовалось трансформацией феодальных отношений и инерцией многих явлений в лингво-культурной ситуации.

предварительно сформулировал следующим образом: «Der Weg ... läuft über einen Ausgleich verschiedener Schreibdialekte auf plurizentrischer Grundlage. Es ist meist komplizierter und kommt in der Regel erst spät zum Ziel. ... Da die deutsche Geschichte durch Plurizentrismus gekennzeichnet ist, waren die Auffassungen über sprachlich maßgebende Normzentren lange sehr kontrovers.» [47, S.980, 986]

Несмотря на признание большинством германистов плюрицентрической концепции, чаще разрабатывалась прежняя схема: доминирование восточно-среднемецкого при активной роли юго-восточного варианта, распространение которых обуславливало через интеграцию, вытеснение и выравнивание постепенное формирование общенемецкого стандарта. Применение плюрицентрического подхода привело на этом фоне к интересным результатам, главным из которых стала корректировка модели прямолинейного развития литературного языка (Ausstrahlungstheorie) на базе восточно-среднемецкого ареала: «...unsere neuhochdeutsche Schriftsprache [ist] in der Grundlegung *eine ostmitteldeutsch-ostoberdeutsche Allianz*, in der *weiteren Entwicklung* eine Angelegenheit fast aller bedeutenden Sprachlandschaften.» (курсив мой. - С.Д.) [44, S.349]

Как отмечал в дальнейшем В.Беш: «Die Einigung der deutschen Schriftsprache ist demnach, so darf man eines auf eine Formel bringen, nicht das Werk einer Landschaft, vielmehr sind an ihr eine Reihe anderer Sprachlandschaften *wesentlich beteiligt, gestuft nach Intensität und Anteil.*» (курсив мой. - С.Д.) [45, S.326] При этом, как полагает Э.Скала, роль упомянутых «других территорий», в первую очередь южно-немецкой не сводилась к «донорской функции»: «Die Rolle des Südens wird nicht auf bloße "Zuschüsse" reduzieren lassen»; так как еще в XV веке восточно-среднемецкий узус сам выступал как «реципиент» в отношении южно-немецкого влияния. [106, S.105]

Подводя промежуточный итог развернувшейся с 1950-х годов дискуссии в рамках модернизированной «теории выравнивания», К.Шульте отмечала: «Der Blick sollte für alle Sprach- und Schreiblandschaften offen gehalten werden, damit sich die Forschung nicht der gleichen jahrelangen Ausschließlichkeit, wie es mit der mittel-/ostmitteldeutschen Landschaft geschehen ist, dieser neuen fest umgrenzten Landschaft annimmt.»¹ [102, S.54]

И.Райфенштайн, называя традиционную концепцию формирования общенационального литературного языка, концентрирующую внимание только на проблемах становления нормы, «телеологичной», предложил разрабатывать и «истории региональных вариантов языка»: «In Anlehnung an Fragestellung der

¹ При этом исследовательница намекает на позицию Р.Щюцайхеля в отношении активности западно-среднемецкого ареала в процессе сложения общенемецкого литературного языка, который также отмечал гетерохронность процесса развития ранненововерхненемецких письменно-литературных форм в отдельных регионах. [103, S.91] См. подробнее: R.Schützeichel. Mundart, Urkundensprache und Schriftsprache. Zum Anteil der Rheinlande an der Entwicklungsgeschichte des Neuhochdeutschen. Bonn, 1960.

Landesgeschichte sehe ich die Aufgabe einer Regionalsprachgeschichte darin, die Entwicklung der sprachlichen Kommunikation innerhalb einer relativ abgrenzbaren Region, das heißt innerhalb einer engeren Kommunikationsgemeinschaft, als einen relativ eigenständigen Prozess zu verstehen und darzustellen». [95, S.326-330]¹

Презумпция «ведущих ТВЛЯ» в рамках целевой модели генезиса стандарта наталкивается также на определенные противоречия в культурно-генетическом плане, поскольку история литературного языка исследует не только языковые структуры, но и базируется на фактах его «внешней истории»² и признает обратимый характер его развития на раннем этапе (в частности, его ареальной базы). Действительно, преувеличение роли восточно-среднемецких земель на фоне «пассивного» Altland не во всем соответствует исторической действительности XV-XVI веков (развитие литературы, книгопечатания, гуманистической культуры, реформационного движения, экономико-политической ситуации в других регионах). [103, S.71]

Новейшие отечественные исследования также отражают возросший интерес к изучению ранее считавшихся «окраинными» ТВЛЯ.³ Как представляется, разработка ареального подхода может быть продолжена в нескольких направлениях: 1) детальная корректировка роли отдельных ТВЛЯ в формировании и распространении общенационального стандарта, 2) реконструкция локальных моделей ТВЛЯ и их сопоставление, что позволило бы уточнить характер их конкурентно-интегративных отношений в конкретных ареалах, 3) создание исторических очерков отдельных ТВЛЯ.

Изучение истории отдельных ТВЛЯ (квази-автономных языковых систем?) как достаточно уникального явления немецкого языка важно, по мнению Н.Н.Семенюк, и в аспекте типологии германских литературных языков. [31, С.74] Рефлексы влияния позднесредневековых ТВЛЯ очевидны также в национальных вариантах современного немецкого литературного языка в Австрии и Швейцарии, а также в его территориальных разновидностях внутри собственно немецкого ареала, хотя эти феномены изучаются лингвистами лишь в синхронном плане.

Одним из уникальных культурно-исторических и языковых ареалов периода формирования общенемецкого литературного стандарта был **юго-запад**. В

¹ И.Райфенштайн предлагает создание свода историй «региональных письменных языков», поскольку, по его мнению, этот аспект не нашел достаточного воплощения в свособразном «компендиуме» современной немецкой исторической лингвистики - Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch, O.Reichmann, St.Sonderegger. Berlin - New York, 1984 - 1985. Halbbände 1-2. [95, S.325]

² См. в частности концепцию Г.Эггерса, рассматривающего развитие немецкого литературного языка в первую очередь как средства коммуникации в сфере культуры (Kultursprache). [55, S.7-25]

³ См., например.: Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М., 1997.

XIV-XV веках этот ареал (Westoberdeutsch) занимал восьмую, а к концу XIX - началу XX века примерно десятую часть области распространения немецкого языка. (См. Рис. 1)¹ Историки языка традиционно определяют его наряду с северо-западом как: «...jene Landschaften, die nicht aktiv an der Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache beteiligt sind.» [44, S.337]

Новейшие исследования констатируют необходимость преодоления стереотипного взгляда на развитие ТВЛЯ юго-запада как противоположную общенемецким тенденциям *via negativa*: «Neuerdings zeigen sich auch positive Ansätze, die einen Beitrag und Beteiligung des Westoberdeutschen an der Herausbildung der deutschen Schriftsprache ... miteinbeziehen.» [116, S.18] При таком подходе ТВЛЯ юго-запада выступает как объект самостоятельного и многоаспектного изучения. Однако существующая традиция лингвистического исследования данного ареала сложилась в основном в аспекте исторической диалектологии.

По нашему мнению, роль позднесредневекового юго-запада, отличавшегося значительной культурной динамикой, нельзя определить как абсолютно пассивную и периферийную на начальном этапе истории литературного стандарта, особенно в социолингвистическом плане.

Целью данного исследования является рассмотрение ареальной специфики немецкого юго-запада, функциональной парадигмы языка в контексте локальной языковой ситуации, их влияния на местный письменно-литературный идиом, а также определение структурных (лингвистических) отличительных признаков юго-западного ТВЛЯ и их презентации в наиболее важных функциональных сферах местной письменной коммуникации.

Беря за основу ситуацию ранней стадии развития общенемецкого «пред-стандарта», мы вынуждены уточнить ее существующие датировки (1500-е – 1600 гг. у В.Беша или 1470-е – 1520-е гг. у М.М.Гухман) [47, S.969; 16, С.5-10] в связи с культурно-исторической спецификой рассматриваемого ареала.² В качестве левой границы периода выступают 1470-80-е гг., связанные с возвышением двух ведущих территориально-политических образований региона – Швейцарии и герцогства Вюртемберг, а в качестве правой – 1550-е гг. (завершение Реформации и начало активного распространения общенемецкого письменно-литературного языка). Именно этот, охватывающий примерно три четверти века период, связан с упрочением ТВЛЯ юго-западного типа, хотя анализ отдельных явлений неизбежен и за этими рамками.

Очерк истории юго-западного ТВЛЯ еще не написан. Впрочем, уже в конце XIX века А.Социн одним из первых наметил его социолингвистические параметры. [108, S.163-275] Попытку систематизации ареальных черт

¹ См. подробнее: W.Wegstein. Die sprachgeographische Gliederung des Deutschen in historischer Sicht // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin – N.York, 1985. 2 Halbband. – S.1759-1764.

² См. также: P.Wiesinger. Zur Periodisierung deutscher Sprachgeschichte aus regionaler Sicht // Festschrift für J.Erben. Tübingen, 1990.

юго-западного письменного узуса можно найти в ставших классическими работах по ранненововерхненемецкому языку **В.Мозера** (1882-1951) [85; 86], но отправной точкой для нас при построении концепции данной работы стали положения отечественной германистической школы.

Это в первую очередь многоаспектная концепция истории западногерманских литературных языков, изложенная в работах **М.М.Гухман** (1904–1989), **В.Н.Ярцевой** (1906–1999), **С.А.Миронова** (1910–1998), а также **Н.Н.Семенюк**, **Н.И.Филичевой**, **Н.С.Бабенко**. Эта традиция успешно развивается и в более широком сопоставительном плане.¹ Из концептов зарубежных историков языка для нас наиболее приоритетными являются те, которые акцентируют в диахронии *диатопическое* (территориальное) и *диастратическое* (социальное) «измерения» немецкого литературного языка (Фр. Маурер, Г.Эггерс, В.Беш, Н.Р.Вольф, Э.Скала, Г.Штопп, Г.Шиб).

Рассматривая историю юго-западного ТВЛЯ как неотъемлемую часть общенемецкого процесса сложения литературного стандарта, мы придерживаемся традиционного выделения в качестве доминант этого процесса действие факторов «языков канцелярий», «языков печатников», роли ранних нормализаторов и литературной традиции.² В рамках данной работы мы ограничиваемся лишь двумя первыми факторами как наиболее существенными в рассматриваемую эпоху, определяемую часто как «период смены средств коммуникации» (*Medienwechsel*).³ (См. Гл. 3. и 4.)

При оценке социо-культурных параметров юго-западного ТВЛЯ (См. Гл.1) мы также акцентируем в первую очередь положения, разработанные отечественной медиевистикой по региональным вопросам социально-политической истории немецкоязычных государств (М.М.Смирин, Ю.К.Некрасов), урбанистики (А.Л.Ястребицкая), экономики (Н.В.Савина, В.Е.Майер) и национально-государственному своеобразию Австрии (М.А.Полтавский) и Швейцарии (А.Н.Чистозвонов).⁴ По вопросам регио-

¹ См., например, Т.Г.Логутенкова. Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода. Тверь, 1993.

² В ситуации прерывистости письменно-литературной традиции явным преувеличением был бы акцент на тезисе «*Südwestdeutsche Schriftsprache als Ausklang des klassischen Mittelhochdeutschen*», не смотря на устойчивость культурной и письменной традиции эпохи Штауфенов и поэтического средневерхненемецкого языка на швабской основе в данном регионе в XIV-XVI вв. (См. 1.3. - 1.4.)

³ Не случайно, что 2000 год был объявлен в ФРГ «Годом И.Гутенберга» - «человека тысячелетия», 600-летие которого отмечает филологическая общественность. (См. юбилейный сайт в Интернете: www.gutenbergdigital.de)

⁴ Назовем лишь наиболее крупные монографические исследования, где отмечается своеобразие немецкого юго-запада: Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года. М., 1961. Смирин М.М. К истории раннего калитализма в германских землях. М., 1969. Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV-

нальной истории немецкой литературы и культуры XV-XVI вв., к сожалению не слишком разработанным в отечественной науке, важное место уделяется положениям, выдвинутым **Б.И.Пуришевым** (1903-1983), а также А.Н.Немиловым, М.Ю.Реутиным, В.М.Володарским. В этих исследованиях немецкий юго-запад предстает как внутренне не единый, интегративный и достаточно динамический ареальный феномен.

Необходимым компонентом работы является также рассмотрение общей лингво-ареальной специфики юго-запада в диахронии. (См. Гл.2) В отечественной германистике также накоплен ценный опыт методологии ареально-исторических исследований (В.М.Жирмунский, С.В.Смирницкая, Е.Р.Сквайрс).¹

Наконец, важным аспектом является вопрос об источниках языкового материала. Здесь мы исходим не только из очевидного источниковедческого принципа *репрезентативности текстового материала* в ведущих сферах письменности юго-запада XV-XVI веков, но и из общих приоритетов ранневерхненемецкой письменной традиции, впервые намеченных в исследованиях В.Мозера и в известной хрестоматии А.Гетце «Frühneuhochdeutsches Lesebuch» (1-е изд. 1920 г.). Несомненно, что необходимо критическое отношение к корпусу из примерно 30 авторов и источников, которые В.Мозер считал «образцовыми» для юго-запада [86, S.6-8], а также к выделенной С.Зондерэггером группировке текстов для швейцарского субареала [113, S.18-20] и к корпусу источников «Грамматики ранненоверхненемецкого языка» [51], которые для нас также являются важными ориентирами.

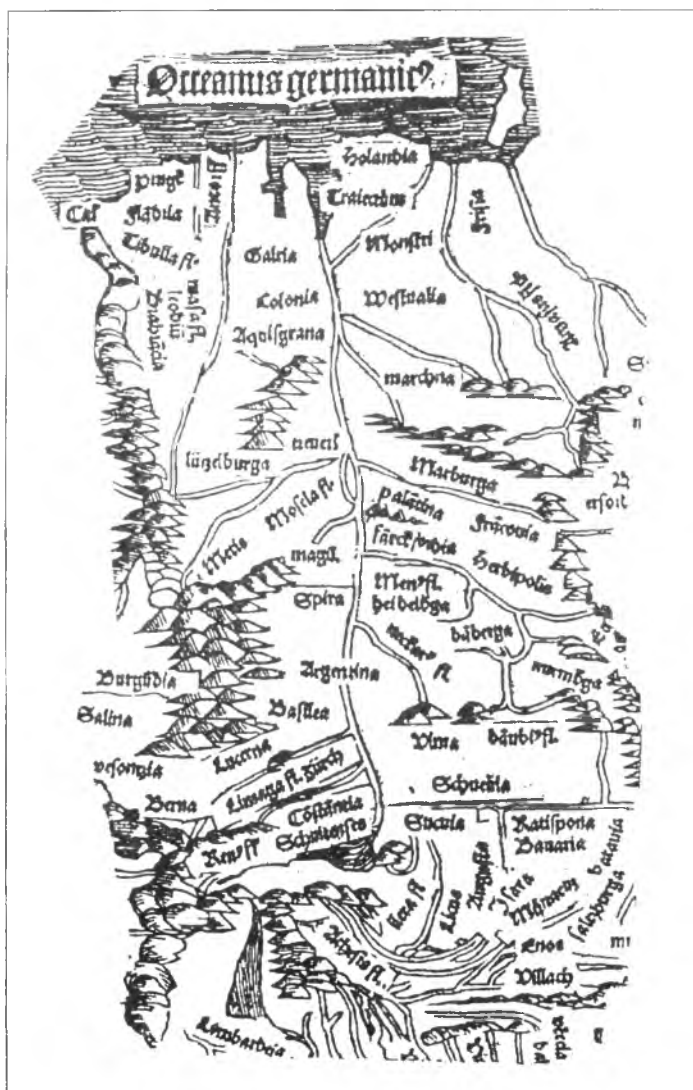
Идеальной, видимо, была бы ситуация составления «юго-западной хрестоматии».² Поэтому мы опирались при создании нашей выборки и на разнообразные по принципам составления сборники ранненоверхненемецких источников под редакцией упомянутого А.Гетце, Г.Кеттмана, Г.Хегера, И.Шмидта и Г.Филиппа (См. **Источники**), выделяя в них тексты юго-западной локализации, которые таким образом были бы репрезентативны и на общенемецком фоне XV-XVI веков. (См. также 2.3.2.)

Автор выражает благодарность рецензентам профессору *Нинель Ильиничне Филичевой* (кафедра германского языкознания МГУ) и профессору *Валентине Николаевне Федорцовой* (кафедра немецкого языка СамГПУ) за критические замечания и ценные рекомендации, а также Немецкому Бюро Академических Обменов (DAAD) и Фонду Дж. Сороса (Московское представительство) за спонсорскую поддержку исследовательской работы над монографией.

XVI вв. Л., 1979. Савина Н.В. Южно-немецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI веке. М., 1982. Некрасов Ю.Н. Реформация и крестьянская война в германских землях XVI века как раннебуржуазная революция. Вологда, 1984. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995.

¹ См., например, Смирницкая С.В. Ареальная специфика рейнско-мозельского региона. Л., 1988.

² См. уникальный опыт в отношении среднего востока Германии: J.Erben. Ostmitteldeutsche Chrestomatie. Berlin, 1961.

Глава I

Историческая география юго-запада XV-XVII веков

Н

ри исследовании юго-западного ТВЛЯ необходимым условием является рассмотрение специфики историко-географических процессов в регионе, которые имели гетерохронный характер. По образному замечанию А.Л.Ястребицкой, экономика, политика и культура позднесредневековой Германии находились «в точках разной высоты», что обуславливало неравномерность процессов исторического развития в отдельных ареалах. [34, С.23]

Действие природно-географических факторов, переходность и симбиотичность экономико-политических и социо-культурных процессов, отличавшее эпоху трансформации феодальных отношений конца XV - начала XVI вв., кризис лишённой социально-политической опоры централизма, который не был следствием якобы экономической отсталости юго-запада - вот далеко не полный круг проблем, на которые нужно ориентироваться при характеристике исторической географии рассматриваемого ареала. При этом сложно и достаточно условно можно разделить и гипотезировать обще-немецкие и региональные тенденции и процессы.

Очевидно, что немецкий юго-запад ощутил на себе сдвиг, перенос эпицентра экономического и социо-культурного развития из Средиземноморья на северо-запад, который испытала вся позднесредневековая Европа. [19, С.12] Переломным событием и кульминацией рассматриваемой эпохи при этом являлась Реформация как многоаспектное религиозное, социально-политическое и культурное явление.

1.1. Динамика политико-административной карты

Политико-административная карта юго-запада в рассматриваемый период отличалась противоречивым сочетанием центробежных и центростремительных процессов, что привело к складыванию здесь системы территориального мелкoderжавного централизма.

С распадом в конце XIII века герцогства Швабия, уходом с политической арены швабской императорской династии Штауфенов и переделом их владений на юго-западе возникли различные политико-территориальные образования в составе Священной Римской Империи, которая впервые упоминается как государство в середине XV века. Она не являлась также «национальным комплек-

сом», так как включала славянские и романские земли. Еще до конца XVI века в обыденном сознании немцев под «империей» понималась только южная Германия. Как квази-государство империя реально представляла собой лишь относительно устойчивый союз территориальных владений - микрогосударств, своеобразной моделью которого выступал рассматриваемый ареал.

Немецкий император
целует туфлю папы
(гравюра, 1520-е гг.)

Крупнейшим и наиболее самостоятельным было графство Вюртембергов, динамично консолидировавшееся с XIV века в районе Среднего Неккара под властью этой швабской династии и получившее в 1495 году благодаря усилиям Эберхарда V (1450-1496) статус герцогства, развиваясь по типу сословной монархии. Прирейнские земли занимали маркграфство Баден и Эльзас, представлявший собой пестрый конгломерат феодальных владений, городов и церковных земель.

Герцог
Эберхард V Вюртембергский

С вступлением в 1438 г. Габсбургов на императорский престол географически близкий к Австрии юго-запад стал зоной их активных притязаний, как с целью реализации имперского централизма, так и для сплочения своих династических владений и усиления австрийского абсолютизма (стратегия *Haustmachtkönigtum*). Регион стал индикатором роста общеимперского влияния Габсбургов.

Впрочем, в ослаблении территориальной княжеской власти на юго-западе были также заинтересованы баварские герцоги. Основными векторами общегосударственной политики Габсбургов на юго-западе можно считать укрепление имперской системы, а также противоборство со Швейцарией и Францией в этом стратегически важном регионе Европы.

По юго-востоку Вюртемберга, в южном Бадене и в Эльзасе находились их старые наследные земли (*Vorlande*), объединенные в лоскутное образование - **Переднюю Австрию** и контролируемые имперским наместником в г. Энзисгейм (южный Эльзас) и частично из Фрейбурга (Брейсгау). В системе австрийских владений Передняя Австрия выделялась в привилегированный округ, находившийся в совместной юрисдикции с Тиролем в составе Верхней Австрии и управляемый из Инсбрука. Первоначально принадлежавшие тирольской ветви Габсбургов переднеавстрийские земли (более двадцати разнообразных владений - города, сеньории, графства, фогтства) были в 1490 году переданы императором Фридрихом III своей династии (правители - эрцгерцоги и будущие императоры Максимилиан I, затем Карл V и Фердинанд I), что приостановило их распад.¹

Опорой императорской власти на юго-западе являлись многочисленные здесь имперские города (около 100), подвластные территории (*reichsunmittelbare Gebiete*) и эльзасские *Reichsdörfer*, духовные и часть мелких феодалов (особенно малоземельное имперское рыцарство). Данные типы территориальных владений отражали сохранившуюся именно на юго-западе с эпохи Штауфенов старую систему феодальной власти (лены, патримониальные владения и т.п.).

Имперское рыцарство юго-запада образовало свой делившийся на кантоны «швабский округ» (узаконенный статус лишь с 1577 г.), хотя территориально-политически оно утратило свои позиции в противоборстве с княжеской властью.² К 1560-м гг. рыцарство окончательно лишилось иллюзий относительно своего «имперского предназначения».

¹ Правитель переднеавстрийских земель **Зигмунд Тирольский** (1427-1496), двоюродный брат императора Фридриха III, отдавал часть из них в залог бургундскому и баварскому герцогам. Крупнейшими из переднеавстрийских территорий являлись ландфогтства Верхний Эльзас и Зундгау, ландграфства Брейсгау и Форарльберг. (См. **Рис. 2**) В середине XVI века Передняя Австрия расширила свои владения за счет присоединения Констанца и земель в Эльзасе.

² Примером княжеского произвола против рыцарства явилось убийство в 1515 г. Ульрихом Вюртембергским своего шталмейстера Ганса фон Гуттена, кузена Ульриха фон Гуттена, вызвавшее антикняжеские настроения части дворянства. Однако участие швабского рыцарства в восстании Франца фон Зиккингена против князей в 1522-23 гг. закончилось поражением.

Убийство Ганса фон Гуттена
(гравюра на дереве, Аугсбург,
1517 г.)

Имперские полисы, например, юго-восточной Швабии, среди которых выделялись темпами роста «города-мастерские» Аугсбург и Ульм, а также города района Боденского озера, контролировавшие значительные территории, имели практически статус автономных княжеств. Хотя города юго-запада еще в XIV веке потерпели поражение в ходе борьбы за власть с князьями (Швабский союз городов, эльзасский Декаполис), они оставались, несмотря на постоянное соперничество, важнейшей экономико-политической силой в регионе.

Обширные духовные владения на юго-западе (епископства Аугсбургское, Страсбургское, Базельское, Констанцское, а также частично владения епископов Шпейера и Кура, епархии, монастыри и аббатства, орденские земли) обладали особой автономией, подчиняясь более Риму, чем императору. Однако их влияние на города уменьшалось¹. Примечательно, что границы юго-западных Kirchenprovinzen не совпадали с территориально-политическим членением. Большая часть территорий епархий юго-запада входила в Майнцское архиепископство, игравшее важную роль в позднесредневековой Германии. Майнцкий архиепископ (кардинал-примас) имел титул рейхсканцлера - главного государственного чиновника.

¹ Епископы Страсбургский, Аугсбургский и Констанцкий вынуждены были из-за противостояния с городами перенести свои резиденции соответственно в Цаберн, Диллинген и Меерсбург.

Специфика **Вюртемберга** выражалась в активизации герцогского партикуляризма, ослаблении сословно-представительской власти (земельный ландтаг), территориальной экспансии (в частности, в пограничных Бадене и Пфальце).¹ Основные усилия герцогской власти направлялись на освобождение от зависимости от Австрии (герцогство в 1503-1546 гг. входило в имперский лен), на подавление имевших влиятельную позицию в ландтаге имперских городов, феодалов-сторонников Габсбургов, на развитие «княжеских» городов (в основном малых, которые преобладали среди примерно 150 полисов герцогства).

Герцог Ульрих Вюртембергский

Однако усиление герцогских сепаратистских устремлений и деспотии привело к изгнанию императором Ульриха Вюртембергского (годы правления 1487-1550) и введению продолжительного габсбургского наместничества эрцгерцога Фердинанда I (1519-1534 гг., император в 1556-1564 гг.), отмеченного политикой «австризации»². В 1546-47 годах после поражения Вюртемберга на стороне протестантского Шмалькаденского союза герцогство было занято имперскими войсками. Лишь к концу XVI века наследникам Ульриха удалось освободиться от австрийской зависимости, а правление Фридриха I (1593-1608 гг.) было даже отмечено попытками введения

¹ Существовали также экстерриториальные владения Вюртемберга в Эльзасе, Лотарингии и французском Мемпельгарде.

² В предисловии к общеперскому своду законов («Каролина», 1530-е гг.) император Карл V именовался «герцогом Вюртемберга и князем Швабии». См. подробнее: Н. Puchta. Die Habsburgische Herrschaft in Württemberg 1520-1534. München, 1964.

герцогского абсолютизма. Прямая централизованная герцогская власть (столица Штутгарт) базировалась на окружной системе администрации с 52 городскими центрами.

Своеобразным антиподом Вюртемберга выступал чрезвычайно раздробленный Эльзас, делившийся на Верхний и Нижний и насчитывавший до 40 только феодальных владений, что лишало его самостоятельной роли в делах империи. Здесь отсутствовали общеземельное управление и территориальная княжеская власть, а сословия находились в прямом имперском подчинении. На севере Эльзаса (г. Гагенау) находилось также габсбургское фогтство.

В плотной урбанистической структуре Эльзаса особое место занимал имперский вольный город Страсбург¹ – «неофициальная столица» области, организация управления которой имела ассоциативный характер (общесловный, региональные союзы). Это давало шансы упрочению здесь позиций Габсбургов, которые опасались притязаний Франции на эти земли. Южный Эльзас традиционно тяготел к связям с их давним противником – Швейцарией, в состав которой вошли эльзасские Базель (в 1501 г.) и Мюльгаузен (в 1515 г. с ограниченными правами).

Менее заметную роль на юго-западе играло маркграфство **Баден**, подверженное после упадка местной герцогской династии Церингеров постоянным переделам (окончательный раздел в 1535 г. на Баден-Баден и Баден-Дурлах) и территориальным потерям. При значительной урбанистической плотности здесь преобладал земледельческий уклад. Маркграфство, находившееся в значительной зависимости от Австрии и Баварии, представляло собой чересполосицу с габсбургскими доменами.

Совершенно особое место на политической карте юго-запада занимала **Швейцария**, территориальную основу которой составил союз освободившихся с конца XIII века из-под власти Габсбургов земель. «Покорение» Швейцарии было ключевым вопросом о власти Габсбургов и судьбах территориальной системы на юго-западе. Как самостоятельное конфедеративное государство «Союз 10 земель» завоевал в 1499 году фактическую независимость от империи, подтвержденную Базельским договором 1511 года и оказывал значительное сдерживающее влияние на политику Австрии на юго-западе. В Швейцарии отсутствовала иерархия феодально-княжеской власти, были сильны общинные традиции (Markgenossenschaft) и влияние городов (особенно Цюриха и Берна), а «земли» имели разнотипное управление.

К концу XVI века государственное оформление конфедерации еще не было завершено. Она представляла собой лишненное столицы лабильное образование разных по статусу кантонов и территорий (alte Stadt- und Landorte, zugewandte Orte, Untertanenlande), представители которых составляли сове-

¹ Этот дополнительный автономный статус имели на юго-западе также Базель (до 1501 г.) и Констанц (до 1548 г.).

щательное собрание (Tagsatzung) при решающей роли «старых земель», что уже не соответствовало меняющимся политико-экономическим реалиям в «Союзе». В начале XVI века Швейцария почти на треть увеличила свои владения за счет вступления в конфедерацию Базеля¹, Шафгаузена (1501 г.) и Аппенцелля (1513 г.) («Союз 13 земель»). Ее дальнейшее расширение шло в основном за счет романо-язычных территорий на юге.² (См. Рис. 3)

Попытки первых Габсбургов создать на юго-западе разными способами квази-имперские органы централизации имели относительный успех: во всех случаях лидерство оставалось на стороне местной сеньориальной олигархии.

Так, например, Швабский союз с центрами в Ульме и Аугсбурге, который был задуман как межсословное объединение соперничавших между собой князей, городов и рыцарства с целью проведения имперской политики и упорядочения территориальных властей, просуществовал в 1488-1534 гг. только как военно-карательный орган. Несмотря на успехи в Вюртембергской кампании 1519 года против герцога Ульриха и в Крестьянской войне 1525 года, он не стал общегосударственным институтом, перейдя к 1520-м гг. под контроль Баварии.

В рамках неудавшейся имперской реформы рубежа XVI века Максимилиана I в 1500-1512 гг. на юго-западе были образованы два судебно-административных округа. Более крупный *швабский округ* (центр в Ульме) включал Вюртемберг и большую часть Бадена. Округ, устав которого был утвержден лишь в 1563 году, пытался объединить (в основном в судебно-военном аспекте) территориальные власти, в том числе духовных сеньоров и около 30 городов. В его сейме, который не обрел реальной силы, доминировал вюртембергский герцог. *Верхнерейнский округ* включал Эльзас, часть Бадена и некоторые земли Пфальца. В окружное деление не входила Передняя Австрия и отдельные территории в Вюртемберге и Бадене (kreisfreie Gebiete).

В имперском централизме экономически были заинтересованы крупные города юго-запада, которые Габсбурги политически всячески поддерживали. Не случайно, они неоднократно в конце XV и в XVI веке избирались центрами проведения рейхстагов.³ Примечательно, что в германском сейме как высшем органе имперско-сословного представительства, значение которого

¹ Территория Базельского епископства вошла в состав конфедерации лишь в 1579 г. на правах zugewandter Ort.

² Наиболее значительные из них Граубюнден, Валлис, Во, Фрейбург и Женсва. Швейцария приобрела также в 1510-е гг. экстерриториальные владения в империи – упомянутый эльзасский Мюльгаузен и вюртембергский Роттвейль.

³ Например, в 1497 г. Линдау, в 1498 г. Фрейбург, в 1507 г. Констанц. Но чаще всего Аугсбург – «Nebenresidenz» Максимилиана I, крупнейшие банкиры которого Фуггеры и Вельзеры были кредиторами императоров: в 1500, 1518, 1530, 1547-48, 1550-51, 1555, 1559, 1566, 1582 гг.

с конца 1480-х гг. возросло, территориальные властители юго-запада были с XIV века лишены участия в высшей коллегии курфюрстов.

Имперская реформа, базировавшаяся на интегративной «княжеской модели», не создала реальных органов по типу централизованной абсолютной монархии, сохранив тройственность власти в регионе (имперские/придворно-габсбургские/княжеские структуры) и реально сплотив лишь наследные переднеавстрийские владения Габсбургов на юго-западе.

Последующие события Реформации (условные рамки 1517-55 гг.), Крестьянской войны, религиозный раскол 1520-50-х гг. и конфессиональные войны, охватившие юго-запад, усилили сепаратизм князей, которые с принятием протестантизма выгодно увеличили за счет секуляризации духовных владений свои вотчины. Например, активно поддержал Реформацию в своих владениях из соображений политического реванша Ульрих Вюртембергский. Позиции имперских городов в герцогстве к 1550-м гг. были значительно ослаблены.

Однако в Бадене протестантизм победил только в северной части, а также лишь среди четверти населения Эльзаса, в основном в городах, т.к. Реформация отвечала их социально-политическим интересам в борьбе за суверенитет (т.н. Ratsreformation). Однако Габсбурги всеми силами и довольно успешно укрепляли католичество в подвластных юго-западных территориях. В 1540-е гг. контрреформация была поддержана ими в Аугсбурге, Ульме и других городах, имперские привилегии которых были ограничены.

Крестьянская война не перешагнула границ Швейцарии, которая, однако, являлась ее «политическим тылом», поддерживая и давая убежище инсургентам. Хотя конфедерация не подверглась разорению в ходе крестьянских волнений, произошел ее религиозно-политический раскол на два противоборствующих лагеря: 7 сельских - католических кантонов, заключивших союз с Габсбургами, и 5 городских - протестантских кантонов, что ослабило единство страны (особенно сложная ситуация возникла в «подвластных землях» со смешанным управлением) и затормозило ее развитие.

Конец XVI века был отмечен общим ослаблением и дроблением имперской власти Габсбургов в стране и на юго-западе. Их интересы еще раньше переместились в восточные владения. В Передней Австрии управление на время (1564-1595 гг.) перешло непосредственно от императора к представителям династии,¹ проводившим относительно независимую политику.

Итогом территориально-политического развития юго-запада XVI века следует признать незавершенность процесса формирования региональных властей по типу *institutionalisierte Flächenstaaten*. За исключением Вюртемберга и Швейцарии как, впрочем, уже обособленного национально-

¹ Фердинанд II Тирольский (1529-1595), второй сын императора Фердинанда I.

государственного образования, мелкодержавные конституэнты политико-административной карты региона представляли собой разнородные неустойчивые квази-государственные конгломераты.

Примечательно также, что юго-запад явился в рассматриваемую эпоху зоной формирования национально-государственных объединений трех немецкоязычных народностей: собственно немецкой, германо-швейцарской и отчасти австрийской, обладавших различной этнодинамикой и типологией. По мнению М.А.Полтавского, опережающим развитием отличалась в данный период австрийская народность. [27, С.47; 28]

1.2. Особенности социально-экономического развития

Значительное на фоне позднесредневековой Германии социально-экономическое развитие юго-запада не было однородным, обнаруживая зависимость от физико-географических факторов. Важнейшими старыми экономико-географическими зонами являлись верхнерейнская, южно-швабская (т.н. Оберланд между Дунаем и Боденским озером), швабско-вюртембергская и швейцарская, различавшиеся как в доминировавшей аграрной, так и в бурно развивавшейся городской сферах.

Основу верхнерейнской зоны составлял вытянутый в равнинном левобережье между Рейном и Вогезами хорошо освоенный Эльзас. Соседние Баден и Вюртемберг занимали пронизанное малыми реками Швабское нагорье, лесистый Шварцвальд и часть холмистого и плодородного Оберланда, где располагались также переднеавстрийские владения¹. Для гористой швейцарской зоны были характерны контрасты между сельскими (внутренняя Швейцария) и городскими районами.

Находясь на стыке густонаселенных и развитых регионов Центральной Европы, рассматриваемый ареал отличался двойкой зависимостью от внешних и внутренних факторов. Феодално-раннекапиталистический дуализм, многоукладность, развитие товарно-денежных отношений проявились здесь в своеобразных формах экономического местничества.

В аграрной сфере юго-запада преобладало мелкое сеньориальное землевладение, аренда и рента, манипулирование условиями которых составляло основу доходов землевладельцев, а также территориальной власти, поскольку

¹ В названиях южно-швабских местностей традиционен компонент «**Gau**» (от germ. ***ga-awjo** «обводненные, плодородные земли», затем «племенные, аллодиальные территории»): Альгау, Клеттгау, Брейсгау, Тургау, Зундгау и др.

ку закрепощение выступало здесь в форме местного подданства.¹ Продуктивность сельскохозяйственного производства стимулировалась его интегрированностью в городскую сферу (ярмарочная торговля, переработка, ремесленное сырье). Однако в целом в аграрном секторе региона, основу специализации которого составляли товарное зернопроизводство, технические культуры для ткачества, виноделие, молочное животноводство (особенно в Швейцарии, где к тому же сохранилось значительное общинное землевладение, а прослойка крупных землевладельцев сформировалась лишь в XVI веке), раннекапиталистические элементы подвергались стагнации в условиях территориально-феодальной системы.

Развивавшаяся в городах торговля как второй важнейший экономический вектор юго-запада также испытывала давление феодальных отношений. Выгодное транспортное положение региона (альпийские перевалы, судоходные реки - Дунай, Рейн, Неккар и Ааре и развитая дорожная система) стимулировали рост транзитной торговли из средиземноморского района: генуэзской (через Базель-Страсбург) и венецианской (через Аугсбург-Ульм). При этом Аугсбург, который называли «германской Венецией», являлся крупнейшим узлом трансевропейского товарооборота и финансовых операций. Однако внутренний рынок развивался и интегрировался крайне медленно, поскольку полуфеодальная купеческая олигархия была в нем мало заинтересована.

«Купеческий капитализм» также находился в зависимости от территориальных феодальных властителей (таможенные поборы, налоговый произвол, отсутствие единого денежного обращения, регальные экономические права князей), развиваясь в формах ростовщичества и оптово-торговых отношений, где постепенно укрепились монопольные компании непроемственного типа.² Хотя доходы от торгово-ростовщических операций вчетверо превышали прибыли от земельной ренты, предприниматели и города не были гарантированы от диктата «княжеской экономики», обслуживавшей запросы местных правителей. Например, таможенные сборы делали при наличии в регионе рек (особенно Рейна) сухопутную торговлю более выгодной.

Производственно-ремесленная сфера юго-запада отличалась активным разложением цеховой системы и появлением рассеянной мануфактуры (например, системы «раздач» в ткачестве, где было занято до трети населения

¹ Около половины местных крестьян-арендаторов также были малоземельными, находясь в зависимости от светских и духовных феодалов, горожан-землевладельцев, субарендаторов.

² Характерным примером является крупнейшая южно-немецкая текстильно-торговая Равенсбургская компания (Оберланд, 1380-1530-е гг.), имевшая представительства во всех развитых европейских государствах, но пришедшая в упадок со сменой экономической конъюнктуры и ввиду отсутствия производственной базы.

южно-швабских городов), интегрировавшей в условиях простого товарного производства город и сельскую округу (т.н. Hinterland). Однако развитие раннекапиталистических отношений в важнейшем для региона текстильном производстве блокировалось торговыми монополиями и ростовщиками, дестабилизировалось отсутствием поддержки феодального государства. Примечательным отличием юго-запада являлось также активное развитие до середины XVI века книгопечатания как внецехового раннекапиталистического производства, ориентированного на относительно свободный рынок. (См. гл. 4.)

Важной особенностью социально-экономического уклада юго-запада являлся развитый урбанизм. Примерно восьмая часть населения региона проживала в городах, среди которых однако преобладали малые т.н. Städtle (население 1-4 тыс. чел.),¹ связанные отношениями плотной агломерации. Данный городской тип отвечал условиям локальной сенььоризации и феодально-бюргерского симбиоза.

Для юго-запада было характерно наличие двух видов урбанизма: 1) рейнского (старые города с активным купеческим началом) и 2) южно-немецкого, представленного в полицентричном Оберланде (небольшие города интегрированные в аграрную среду поставщиков). Особенностью швейцарских городов являлись еще более высокая степень урбанизма и зависимость от транзитной торговли. Хотя позднесредневековые города (особенно крупные) являлись антиподами аграрно-феодальной системы, они оставались социально-экономически амбивалентными и разнотипными в условиях хозяйственной регионализации (аграрный, торговый, торговоремесленный и др. типы) и неравноправия (имперские, княжеские, окружные, городки-крепости и т.д.).

В социально-экономической палитре юго-запада большое значение имели демографические процессы. Рассматриваемый регион отличался высокой концентрацией населения (до 30-40 чел./кв.км.), что Ф.Бродель определяет как позднесредневековый «порог плотности». [3, С.73].² Следствием этого явились миграции и рост городов, стабилизировавшийся к XVI веку (особенно быстро увеличивалось население мегаполисов юго-запада – Аугсбурга и

¹ Порог Großstadt (более 20 тыс.) перешагнули к XVI веку только входившие в десятку крупнейших городов империи Аугсбург, Страсбург и Ульм. Крупнейшая княжеская региональная столица – вюртембергский Штутгарт и важнейшие швейцарские города (Базель и Цюрих) насчитывали к концу XVI века лишь около 10 тыс. жителей.

² Перенаселенность была характерна в XVI веке особенно для Швейцарии (население ок. 1 млн. чел), что способствовало развитию военного наемничества и началу эмиграции (до 2 %). [34. С.108]

Страсбурга). Внеэкономическим стимулом миграций в регионе стала Реформация (приток протестантов во второй половине XVI века).¹

Однако динамика прогрессивного хозяйственного развития юго-запада имела прерывистый и обратимый характер. Экономический подъем 1470-1510-х гг. и рост раннекапиталистических отношений сменился с середины XVI века спадом. Кризис средиземноморской континентальной торговли (ось «юг-север») и перенос центров экономического развития на северо-запад Европы обусловили резкий упадок в 1550-70-е гг. торговли, в частности в Аугсбурге, и переориентацию крупного купечества на земельную ренту феодального типа. Начался также отток торгового и банкирского капитала за границу.

Крепостническая реакция в аграрной сфере на рубеже XVI века сделала экономический базис региона эпицентром социальной напряженности (крестьянские движения 1490-1510-х гг. «Башмак» и «Бедный Конрад»). Следствием этого явилась разорительная Крестьянская война 1524-25 гг., первым очагом которой стал Оберланд (начало волнений в ландграфстве Штюллинген). Поражение крестьянства и его союзников, ослабление экономических позиций католической церкви в ходе Реформации и секуляризации 1530-50-х гг. укрепили феодально-княжеские силы юго-запада. Опустошительные религиозные войны, ограничение интересов городов окончательно обозначили экономический регресс и раздробленность конца XVI века, свойственные всему немецкому югу.

Социальная организация и дифференциация позднесредневекового общества Германии, основанная на относительно динамичной («вертикальной») иерархии сословий (дворянство, духовенство, горожане, крестьянство) и их дуализме (имперские – земские) также имела на юго-западе свои отличия. Как отмечалось выше, это отразилось в первую очередь на положении дворянства и стратификации швейцарского общества, в усилении расслоения и межсословных противоречиях.

Для социума юго-запада было характерно сохранение значительной доли рыцарства и среднего дворянства. Здесь проживали около половины старых родов (наиболее известные из них – швабские Гогенцоллерны), экономическая деградация которых была неизбежна. Кризис рыцарского вассалитета и ленного землевладения, расслоение рыцарства на имперское и земское сопровождалась дестабилизацией главных источников его доходов (ренты, пенсий, наместничества, военной службы) и социо-культурным симбиозом с другими сословиями. Следствием «бюргеризации» рыцарства было не толь-

¹ Например, в качестве убежища для австрийских протестантов в Вюртемберге в 1599 г. был основан г. Фройденштадт.

ко его участие в становлении городского патрициата, но и частичная маргинализация и даже пауперизация.¹

Представители сословий
позднесредневековой
Германии (фрагмент
гравюры, 1520-е гг.)

Гец фон Берлихинген

Высшее дворянство юго-запада также обнаруживало связь с патрициатом и духовенством и тенденцию к олигархизации (в частности вюртембергские герцоги) в условиях сословно-монархической системы (Вюртемберг, Баден). Для Вюртемберга было характерно стремление светской власти ус-

¹ Характерной фигурой эпохи являлся швабский рыцарь **Гец фон Берлихинген** (1480-1562), состоявший на службе у Ульриха Вюртембергского, участвовавший затем в Крестьянской войне на стороне восставших и, наконец, вероломно перешедший к Габсбургам. Символом реакционного мелкодержавного дворянства стал командир Швабского союза **Трухзес фон Вальдбург** (1488-1531).

тановить контроль над духовенством в рамках *Landeskirche*, что особенно проявилось в «княжеской Реформации».

Источником социальной напряженности в регионе являлось привилегированное экономическое положение католического духовенства (монастырское землевладение, церковные поборы, практика симоний и раздача бенефиций, торговля индульгенциями, атрибутами и «реликвиями», содержание монашества). Немецкие земли были для паразитирующей римской курии важным источником доходов, ликвидация которых наряду с требованием «дешевой церкви» стали лозунгами Реформации. Среди низшего духовенства также росло возмущение поведением «князей церкви».

В переднеавстрийских землях дворянско-аристократическая система и независимое положение высшего духовенства, в частности благодаря альянсу Габсбургов с папством, были выражены еще более ярко. В реформированных же территориях, где статус церкви как социального института был изменен, духовенство во второй половине XVI века превратилось в «госчиновников», подчиненных князю.

Городское население юго-запада было наиболее экономически активной, разнородной и динамично развивавшейся социальной общностью. Его основу составляло бюргерство – средний слой полноправных горожан, ядро которого первоначально образовывали цеховые ремесленники. Но к XVI веку социальное лидерство перешло к швабскому купечеству и ростовщикам. В рассматриваемый период бюргерство еще сохраняло средневековую кастовость, являясь по своей природе более феодальным чем буржуазным.

Городская верхушка – патрициат сформировался как на дворянско-феодальной (земельная собственность), так и на купеческой (торгово-ростовщическая собственность) основе. Первый тип был характерен для старых полисов типа Страсбурга, второй – для более молодых городов.¹ Социальная напряженность и борьба за лидерство между привилегированным патрициатом и бюргерством проявлялась в структуре городских советов, где преобладали бюргерско-цеховые элементы (как, например, в Аугсбурге и Ульме до 1550-х гг.)², компромиссные формы (в Страсбурге), или первенствовал патрициат. Часть патрициата юго-запада тяготела к связям с цехами, часть – к участию в княжеско-имперских делах.

¹ Типичным феноменом, например, аугсбургской олигархии и противоречивым порождением феодально-раннекапиталистических отношений являлось семейство магнатов **Фуггеров** – выходцев из среды сельских ткачей.

² Характерными антиподами в истории Аугсбургского совета являлись бургомистры **Ульрих Шварц** (конец XV века) и **Ульрих Арут** (первая четверть 16 века). Первый представлял цеховое сообщество, возглавив в 1470-е гг. борьбу радикального бюргерства против патрициата. Второй, будучи выходцем из купеческой среды и зятем Фуггеров, проявил себя в подавлении крестьян как командир Швабского союза.

Социальный симбиоз позднесредневекового города, его близость к аграрной сфере выражались также в наличии своеобразных прослоек *Ausbürger* (постоянно не проживавших в городе рыцарей и зажиточных крестьян), *Edel. Acker- und Pfeilbürger*, низшего духовенства, а также значительного (особенно в крупных городах) «нового среднего слоя» интеллектуалов (врачей, юристов, чиновников, учителей, студентов), который был нередко связан с городской верхушкой.¹ Постепенно эти группы становились полноправными горожанами.

Конрад Пойтингер
(медальон, 1527 г.)

В течение XV-XVI веков социально-имущественное расслоение в юго-западных городах усиливалось, отмечались рост неполноправного сословия плебеев (мелкие торговцы, поденщики, подмастерье) и пауперизация городских низов. Так, например, доля неимущих горожан доходила в Базеле в середине XV века до 32%, а в Аугсбурге в 1470-е гг. до 60 %. Социальные волнения охватили в конце XV века многие города юго-запада, что также пополнило лагерь антифеодальной оппозиции периода Крестьянской войны.

Но наиболее бесправным в социальной структуре общества оставалось положение крестьянства – самого многочисленного сословия. Впрочем, крестьянство юго-запада в XV-XVI вв. уже не находилось в средневековой крепостной (сервальной) зависимости, состоя в основном из мелких арендаторов. В Бадене, Вюртемберге и особенно в Швейцарии существовала прослойка свободного крестьянства, имевшая сословное представительство в местных ландтагах.

¹ В качестве примера следует упомянуть секретаря Аугсбургского совета **Конрада Пойтингера** (1465-1547), ученого-гуманиста, зятя банкиров-Вельзеров и «друга купцов», советника Габсбургов.

Расслоение крестьянства и укрепление держателей-майеров привело к конкуренции с мелкопоместным рыцарством. Общность оппозиционных настроений крестьянства и представителей других сословий в ходе Крестьянской войны была кратковременной ввиду различия их интересов и политических ориентаций, что стало одной из причин поражения движения «*des gemeinen mannes*».

Таким образом, немецкий юго-запад остро обнаруживал консерватизм старых и нереализованность новых социально-экономических тенденций, кризисность позднесреднефеодального общества XV-XVI вв. «Перманентная многоукладность» позднесредневекового общества (определение А.Я.Гуревича) имело источником своего неравномерного развития смену соотношения феодально-нефеодального компонентов, что своеобразно реализовалось на региональном уровне. [8. С.15-17] Политико-экономическая и социальная многоликость позднего феодализма наглядно проявлялась и в социо-культурной сфере.

1.3. Историко - культурная ситуация

Для немецкой культуры позднего Средневековья, характеризующейся распадом прежнего единства и конвенциональностью, также была характерна тенденция к регионализации в отражении многоаспектных социально-политических, духовных, религиозных и эстетических движений этой переходной эпохи. В социо-культурном плане это выразилось в симбиозе топосов отмирающей феодально-придворной и активно развивавшейся бюргерско-городской культур.

Основными стадийными векторами культурной жизни юго-запада, коммуникативными центрами которой стали города, являлись, как впрочем и для всей Германии рассматриваемого периода, Реформация и комплекс культурно-исторических феноменов, получивших название «Северное Возрождение». [24. С.131-132] Благодаря росту социального заказа региональная культура характеризовалась значительным подъемом и в сфере изобразительного искусства и архитектуры.¹ Своеобразие в культурную ситуацию юго-запада вносили импульсы из соседних Северной Италии и Франции, что охватывало в частности «низовую» культуру пограничных Эльзаса и Швейцарии. Активизация общественно-политических процессов затронула духовную сферу региона особенно в XVI веке, что выразилось не только в политизации, но и в демократизации культуры.

¹ Достаточно упомянуть художников М.Шонгауэра и Г.Бальдунга в Эльзасе, аутсбургцев Гольбейнов, Й.Ратгеба в Вюртемберге, швейцарца Г.Аспера, скульпторов отца и сына Сирлинов в Ульме.

Урбанистическая в своей основе позднесредневековая культура юго-запада тем не менее отличалась в условиях княжеского государства амбивалентностью. Импульсы ее развития исходили как из бюргерско-купеческой, так и из придворной княжеско-феодальной среды. Наглядными примерами этому являлось меценатство аугсбургских магнатов Фугтеров и Вельзеров, а с другой стороны - культурная политика вюртембергского двора.¹ В городах региона сосуществовали новые формы культурной коммуникации (например, купеческие *Herrenstuben*, сообщества аугсбургских *ehrbare Müßiggänger*) и рефлексy куртуазных традиций.

Парафеодалность менталитета позднесредневекового бюргерства, в особенности патрициата, выражалась в рецепции и имитации им социокультурных стереотипов рыцарства. Сохранению архаичной эстетики как внешней оболочки куртуазной квази-традиции способствовала и социокультурная политика Габсбургов², в особенности «последнего рыцаря» Максимилиана I (император с 1493 по 1519 гг.).

Важной культурной тенденцией являлось изменение соотношения церковного и эмансипированного светского начал, хотя немецкий католицизм упорно стремился к сохранению своих позиций. Эстетика позднесредневековой культуры была еще в значительной мере теологична, а конфессиональная полемика эпохи «Великого Раскола» наложила свой отпечаток на культурную ситуацию юго-запада.

К началу XVI века юго-запад постепенно отвоевал у юго-восточных регионов первенство как центр немецкого гуманизма, корпоративная культура которого, впрочем, имела интернациональный характер. В имперских городах сложились благоприятные условия и социальная база для развития немецкой разновидности *humanitas* как светского вольномыслия, противостоящего феодальной этике, схоластике, духовному засилью и обскурантизму католичества.

При вюртембергском дворе и в крупных городах разворачивалась деятельность («кружки») гуманистов «старшего поколения», в частности **Н. фон Виле** (1410-ок.1480) и **Г.Штейнгелья** (1412-1482). С «новыми» университетами (Фрейбург, осн. в 1457 г., Базель, осн. в 1460 г., Тюбинген, осн. в 1477 г.) связана значительная плеяда гуманистов «младшего» поколения, представлявших оба течения: эстетико-

¹ Особенно следует отметить деятельность графини **Мехтхильды Вюртембергской** (1419-1482) при дворе в Ротенбурге (т.н. *Musenhof*), где поощрялась литература и изобразительное искусство, а также ее сына Эберхарда V, покровительствовавшего многим литераторам и гуманистам и помогавшего становлению Тюбингенского университета.

² Известны, например, факты директивного ограничения Габсбургами «дворянских форм поведения» бюргеров (костюм, межсословные браки, традиции), культивирование куртуазных литературных форм. По заказу Максимилиана I были созданы «Амбразская Книга героев» и квази-куртуазный эпос «Тоейрданк», реанимировалась средневековая практика «коронации поэтов». (См. также 1.4.)

философское и религиозное. Особенно заметную роль сыграли эльзасцы **Г.Кайзербергский** (1445-1510), **Я.Вимфелинг** (1450-1528), **С.Брант** (1457-1521), вюртембергцы **И.Науклерус** (ок.1430-1510), **И.Рейхлин** (1455-1522) наиболее яркий представитель «ученого гуманизма» и **Г.Бебель** (1472- ок.1518), упоминаемый **К.Пойтингер** (в Аутсбурге), швейцарец **И.Вадиян** (1483-1551), правовед **У.Цазнус** (1461-1535) в Бадене и др. С юго-западными центрами частично связана деятельность таких крупных гуманистов общеевропейского масштаба как **Эразм Роттердамский** (в Базеле и Фрейбурге в 1521-36 гг.), молодого **Ф.Меланхтона** (в Вюртемберге до 1518 г.) и радикального мыслителя **С.Франка** (в 1530-40-е гг. в Эльзасе и Вюртемберге).

Иоганн Гайлер Кайзербергский

Себастьян Брант

Якоб Вимфелинг

Иоганн Рейхлин

Расцвет просветительства и гуманистического движения, которое было на юго-западе «неаристократическим», охватил примерно полувековой период (1470-1530-е гг.), не отличаясь вследствие разнородности социального состава внутренним идейным единством. Некоторые из гуманистов активно выступили с патристических и антиклерикальных позиций (Г.Кайзербергский, Г.Бебель), отстаивали идею просвещенной власти (С.Брант, К.Пойтингер), поддержали Реформацию, бюргерскую оппозицию и социально-политические движения (Вадан и С.Франк), другие придерживались устоев католицизма (Я.Вимпфелинг).

Своеобразным рубежом в развитии гуманизма стала Реформация, в идейной подготовке которой он сыграл важную роль. Ее начало ознаменовало постепенный спад гуманистического движения, а религиозные войны ослабили контакты с ренессансной культурой Италии. Ортодоксальные реформаторы санкционировали преследование гуманистического вольномыслия как «ереси», обозначив переход движения в стадию элитарного «эрудитства».

Примечательно, что юго-запад еще в «предреформационный» период отличался значительной социально-религиозной напряженностью, выразившейся во всплеске здесь еретических движений, популярности (в частности среди гуманистов) экзегетики, библейской полемики и возрождении философского мистицизма (в частности идей эльзасцев Г.Зейзе и И.Таулера, XIV в.). Большой отклик в регионе получил прошедший в Базеле вселенский собор (1431-1449 гг.), декларировавший ограничение римской курии, церковное обновление и стимулировавший рост национально-религиозного самосознания немцев.¹

Ульрих Цвингли
(портрет работы Г.Аспера, 1531 г.)

Получив быстрое распространение на юго-западе империи и в Швейцарии (1520-30-е гг.), Реформация обрела здесь своих лидеров, политизировавшись и достаточно скоро распавшись на отдельные течения. Это в первую очередь ра-

¹ Прямым следствием собора стало основание гуманистически настроенным папой Пием II Базельского университета.

дикальное бюргерско-республиканское направление 1520-1440 гг. **У. Цвингли** (1481-1531) в Швейцарии (первоначальный центр – Цюрих), обнаруживавшее большую, чем лютеранство, связь с идеологией гуманизма. Однако попытка объединения цвинглианцев с лютеранами на диспуте в Марбурге (1529 г.) окончилась неудачей и изоляцией швейцарских реформатов, идеи которых первоначально были популярны и в южных городах империи. Они также не были приняты в протестантский Шмалькаденский союз (1531 г.). Лишь частично снял противоречия лютеран и цвинглианцев конкордат 1536 года.

Вхождение в начале XVI века в состав Швейцарии обширных романоязычных территорий способствовало распространению здесь идей «Женевского Лютера» – **Ж. Кальвина** (1503-1564), ставшего лидером протестантизма второй половины столетия. Его последователи консолидировались в 1549 году с цвинглианцами на основе религиозного компромисса, оформленного преемником Цвингли – **Г. Буллингером** (1504-1575), что упрочило позиции швейцарских реформатов. Их лидеры (**Л. Юд** в Цюрихе, **О. Миконий** и **Эколампад** в Базеле, **Б. Галлер** в Берне и др.) оказали значительное влияние на культурную ситуацию в регионе.

Георгий Буллингер

Иоганн Эколампад

Среди городских низов юго-запада получили также большое распространение радикально-демократические реформационные движения (анабаптизм, сектантские течения), против которых одинаково активно выступили и лютеране и цвинглианцы. Особенно активным религиозным брожением от-

личался Страсбург, который называли второй (после Виттенберга) «религиозной Меккой». Однако к 1530-м гг. лидерство в германских землях перешло к лютеранской «княжеской» Реформации, введенной сверху. Компромиссной в отношении ортодоксального лютеранства была позиция вюртембергских реформаторов **А.Бларера** (1492-1564), **Э.Шнепфа** (1495-1558) и **Й.Бренца** (1499-1570), введших протестантизм в герцогстве поэтапно, а также первоначально близкого к цвинглианцам **М.Буцера** (1491-1551) в Эльзасе (автора лютеранско-цвинглианского конкордата).

Мартин Буцер

Наступление во второй половине XVI века контрреформации при поддержке Габсбургов, переднеавстрийских правителей и баварских герцогов потеснило позиции протестантизма особенно в Эльзасе, Баден-Бадене и имперских городах. В Швейцарии реформаты потеряли часть территорий после поражения во второй Каппельской войне с католическими кантонами (1531 г.). В целом уровень распространения протестанства в регионе в XVI веке следует оценить как средний, в то время как в центральной и северной части Германии его приняло до 70% населения.

Несмотря на Аугсбургское мирное соглашение 1555 года, борьба протестантов и католиков в регионе не утихала, что затормозило его культурное развитие. Непримируемая позиция лютеранства в отношении швейцарских реформаторов, исключение их из Аугсбургского мира отталкивала конфедерацию от общекультурного ареала.¹

¹ Вопрос о культурном обособлении Швейцарии в рассматриваемый период достаточно дискусионен. (См. также 1.4.) В задачи данного исследования не входит анализ генезиса национально-культурных компонентов (собственно немецкого, австрийского и швейцарского).

Образование и просвещение на юго-западе получили под воздействием местных университетов, гуманистов, книгопечатания, а затем и протестантизма новые стимулы. Церковь и монастыри утратили монополию на образование, испытывая его упадок в среде низшего духовенства. Школьное дело становилось все более светским и концентрировалось в городах, где грамотность и знания были товаром и востребовались новой интеллектуальной средой. Бюргерство, контролируя образование, было заинтересовано в его специализации за рамки Lateinschule, поощряло частные и начальные школы для подготовки к профессии.

Особенно сильная школьная система сложилась в Аугсбурге и в Эльзасе, где традиции, например, известной школы в Шлеттштадте были заложены Я.Вимпфелингом, **Б.Ренаном** (1485-1547) и др.¹ Швейцарские города отличались крайне высоким уровнем муниципальных инвестиций в образование. [20, S.140]

Повышение авторитета академической образованности и опытного знания, свойственное гуманистам, способствовало росту образовательного ценза в XVI веке², в частности и за рамками гуманитарных наук (естественно-научные и универсальные знания). Не случайно, что с юго-западом связана в рассматриваемый период деятельность крупных ученых: естествоиспытателя **Парацельса** (Фрейбург, Базель), историографов **И.Слейдана** (Эльзас) и **Э.Чуди** (Швейцария), космографа **С.Мюнстера** (Базель), натуралиста **К.Геснера** (Швейцария), молодого **И.Кеплера** (Вюртемберг).

ALTERVM NOM. SIT + QVI SVVS ESSC POTEST

Парацельс (Геофаст фон Гогенгейм)

Конрад Геснер

¹ «Неуниверситетский» Страсбург имел тем не менее развитые образовательные структуры: на основе Domschule была создана известная гимназия (1538 г.), а в 1560-е гг. возникла академия, присуждавшая ученые степени.

² К концу XVI века число академически образованных немцев на 1000 населения в 2,5 раза (!) превышало показатель XVII века.

Реформация не только завершила перестройку церковного образования, но и расширила социальную базу грамотности (также на родном языке, авторитет которого возрос), усилив и структурировав влияние просвещения на народные массы (введение школьных уставов, округов, инспектората). Например, в Вюртемберге, где школьный устав был введен в 1559 году и впервые в Германии детально закрепил преподавание родного языка, протестантские семинарии и школы активно создавались в секуляризованных монастырях, получая отчужденные у католичества средства.

Новаторские формы использовались просветителями - реформатами в Швейцарии, где, например, Цвингли основал известную академию – «Каролиnum» (Цюрих, 1525 г.) и ввел практику чтения публичных лекций при храмах. В результате к концу XVI века юго-запад превысил средний по Германии уровень грамотности на родном языке, составлявший 5%. Не случайно, что в своей просветительской апологии «Beschreibung der Kunst des Schreibens» (1581 г.) аугсбургский поэт Д.Хольцманн отмечает появление поговорки:

«Dieser ist nur ein halber Mann,
Der nicht lesen und schreiben kann». [93, S.149, 158]

Реформированные школы дополнили университетские структуры, где также вводилась протестантская система (в Базеле в 1532 г., в Тюбингене в 1535 г.). Теологические факультеты университетов, которые все более становились государственными учреждениями, формировали кадры протестантских богословов, священников, региональных чиновников, в чем также были заинтересованы князья, поддерживая развитие народного образования.

В среде гуманистов юго-запада оформлялись педагогические теории, новые концепции классического образования и школьной дидактики (Я.Вимпфелинг, К.Шейт). Так, широкой известностью пользовались идеи ректора страсбургской гимназии **И.Штурма** (1507-1583), получившего прозвище **Praeceptor Germaniae**. Благодаря влиянию гуманистов «младшего поколения» сохранялась светская ориентация образования.

Сфера образования юго-запада, также как и другие аспекты культуры, подвергалась значительной политизации и идеологизации. В противовес лютеранам контрреформационные силы основали в г.Диллингене (резиденция Аугсбургского епископа) университет (1551 г.), ставший затем опорой иезуитов, которые монополизировали образование в католических районах и создали в Страсбурге свое епископство (1588 г.). Католицизм активно поддерживался и в университете Фрейбурга, основанного Габсбургами.

В католических землях сочинения Лютера и продукция протестантской печати конфисковывались в ходе т.н. визитаций, а их язык объявлялся «еретическим». В итоге под давлением церковного раскола конец XVI века был отмечен на юго-западе значительным общекультурным спадом.

1.4. Литературный ландшафт

Важное значение в формировании юго-западного ТВЛЯ имело активное развитие в регионе литературы, связанной как с обще-немецкой, так и с местной традицией. Не случайно, что художественная литература юго-запада занимает в XV-XVI вв. в Германии одно из ведущих мест и представлена значительной плеядой авторов общенационального масштаба благодаря общекультурному подъему в ареале (особенно в Эльзасе). Ее периодизация определяется ключевыми событиями эпохи – Реформацией и связанными с ней социально-политическими процессами. При этом выделяются предреформационный (до 1520-х гг.) и послереформационный периоды, а как особый этап – период Реформации и Крестьянской войны.

Следует учитывать также расслоение на немецкоязычную и неолатинскую (гуманисты) литературы, которые теснее, чем в период Средневековья, были связаны в общелитературном процессе, что проявилось как в поэтике (жанрово-стилистическое влияние, практика переводов, тематика), так и в творчестве отдельных авторов. Литературное «двуязычие» гуманистов базировалось на рецепции античного наследия, имея также целью вдохнуть новые силы и расширить рамки национально-литературного процесса. [24, С.108] Как отмечает А.Н.Немилов, латинская гуманистическая литература Германии была достоянием более широких кругов читателей, чем, например, в Италии, не оставаясь «иноязычной» по содержанию. [25, С.149].

Так, один из самых убежденных латинистов **Г.Бебель** наполнял свои сатиры регионально-фольклорными мотивами, формами и образами, проявляя большой интерес к народно-языковой культуре (идиоматика и афористика) и немецкой литературной традиции. Именно благодаря латинскому переводу (1497 г.) своего ученика - гуманиста **Я.Лохера** (1471-1528) самое значительное произведение дореформационного периода – «Корабль дураков» **С.Бранта** приобрело общеевропейскую известность. Гуманисты «старшего поколения» в большей мере рассматривали латынь как средство усовершенствования художественного языка литературных произведений. Неолатинская гуманистическая традиция иссякает в регионе лишь в послереформационный период, испытав последний подъем в творчестве вюртембержца **Н.Фришлина** (1547-1590).

Немецкоязычная литература XV-XVI вв. (в широком смысле) отличалась значительной дифференцированностью и синкретизмом: светская / религиозная, прозаическая / поэтическая, массовая / элитарная, художественная / нехудожественная.

Расцвет городской культуры и фольклора юго-запада обусловил разнообразие социо-литературных вкусов в рамках «городской литературы»: популярность панегириков и апологий городам, исторических хроник и генеа-

логий.¹ Письменная культура, как важнейшая черта урбанизма, основывалась на популярной по содержанию печатной продукции и изменила социальный статус нового демократического *homo legens*. В бюргерско-купеческой среде региона развивалась своя библиотечная и библиофильская традиции.²

Никодемус Фришлин

NICODEM, FRISCHLINUS
Poeta, Orator et Philosophus

Позднесредневековые литераторы приобретали новый социальный облик, рекрутируясь из корпоративной среды городских *litterati* и клириков. Усиление индивидуального начала и разносторонности в творчестве, появление «ремесленников от литературы» (Brotchriftsteller), связанных с типографом-заказчиком – черты, отличавшие писателей XVI века.

Прежняя грань между теперь конкурировавшими в читательской среде художественной и нехудожественной литературой (Fachliteratur und Gebrauchsprosa) становилась все более стертой, уступая место жанровой инверсии, особенно наглядной в популярной литературе путешествий, мемуарно-эпистолярных формах. «Прикладная литература» отличалась разнообразием жанров в светской, религиозной и информативной сферах.³

¹ В среде гуманистов региона распространились «похвалы городам»: в 1494 г. Рейхлин посвятил «Laudatio» родному Пфорцгейму, а Эразм был автором «Похвалы Шлетштадту» (1515 г.).

² Наибольшей известностью пользовались библиотеки Фуггеров (15 тыс. томов!), вюртембергских герцогов и книжные собрания городских советов.

³ В Аугсбурге впервые зафиксировано появление т.н. Zeitungen. О роли нехудожественной литературы в письменной традиции юго-запада см. также 2.3.2. и 3.3.

Переходность т.н. «бюргерской» литературы проявлялась также в изменении соотношения поэзии и прозы, роль которой в «занимательном чтении» к XVI веку стала определяющей. Большое жанровое разнообразие XV-XVI вв. имело своим источником также активную переводческую деятельность (в особенности гуманистов) и рецепцию традиций ренессансной литературы соседних Франции и Италии, античной классики, что в целом усиливало светское начало литературы.

Тем не менее средневековая куртуазная традиция имела в литературе региона, особенно в предреформационный период (1470-1510-е гг.), заметные рефлексы. Исследователи справедливо отмечают консервативность литературно-эстетических вкусов бюргерства на рубеже XVI века и популярность «старомодных» жанров. [29, С.19] С одной стороны это морально-дидактическая литература (Exempla, «зерцала», стихотворный шванк), а с другой куртуазные легенды и рыцарские сюжеты. Конец XVI века отмечен популяризацией на юго-западе «эпигонско-декоративной литературы, построенной на *derimage* (разрифмовывании) средневековых текстов»¹. [38, С.330]

На юго-западе получил распространение первый немецкий прозаический пересказ рыцарского романа – «Понтус и Сидония», автором которого являлась супруга переднеавстрийского правителя Зигмунда Тирольского **Элеонора Австрийская** (опубл. в Аугсбурге в 1483 г.). Здесь возникли такие известные квази-куртуазные версификации, как «Прекрасная Магелона» и «Фортунат» (Аугсбург, 1470-е гг.). Традиция собирания куртуазной поэзии сложилась в Аугсбурге и при вюртембергском дворе, где даже в конце XVI века поощрялись переводы популярных европейских средневековых романов (например, переложение в 1563-95 гг. 23 книг «Амадиса Галльского»).

Рассматриваемый регион характеризовался также расцветом (до середины XVI в.) такого «переходного» типа литературы как поэзия мейстерзингеров. Особую популярность она имела в южно-швабских городах и Эльзасе, где локализуется крупнейшее собрание «цеховой поэзии» - Кольмарская рукопись (XV в.). Мейстерзанг обнаруживал не только светскую, но и религиозно-дидактическую тематику, которая также была важным компонентом региональной прозы.

Самый плодотворный в истории юго-запада предреформационный период характеризовался в первую очередь развитием сатирических форм в творчестве выдающихся эльзасцев **С.Бранта**, **Т.Мурнера** (1475-1537) и **И.Паули** (ок.1455 – ок.1530), а также т.н. «литературы о дураках»

¹ Примечательно, что в издательской практике первопечатников юго-запада конца XV века значительное место занимали тексты и переработки средневековых авторов. Так, в 1477 г. в Страсбурге были опубликованы крупнейшие эпические произведения Вольфрама фон Эшенбаха (*Parzival*, *Titurel*; 13 век). (См. также гл. 4.)

(Narrenliteratur).¹ Бюргерская сатира, связанная с народно-комической и античной традициями, характеризовалась, по мнению М.Ю.Реутина, усилением демократических начал и «жанровой текучестью» (интерференции шванка, народной драмы, анекдота, проповеди, фольклорных форм). [30, С.79-81] Наглядным проявлением этого синкретизма стали анонимные «народные книги» (Volksbücher).²

Томас Мурнер (гравюра из
«Цеха плутов», 1519 г.)

Антифеодальные волнения в Вюртемберге и Бадене нашли отражение в своеобразных поэтических фольклорных произведениях. Это анонимные песни, посвященные возникновению местных крестьянских союзов.

События Реформации, перевод Библии Лютером и цвинглианцами обусловили всплеск в регионе многожанровой демократической религиозно-пропагандистской и агитационно-публицистической литературы, распространившейся в виде листовок (Flugblätter). В этот период, известный как «Лютеровская пауза», резко усилилась роль малохудожественных «оперативных форм». Постепенно ослабевают влияние античной традиции (гуманисты), развиваются театральные жанры и гротескно-сатирическая поэтика. Наряду с многими анонимами в религиозной полемике приняли участие местные ре-

¹ Наиболее значительны произведения данного типа появились в Эльзасе. Вслед за «Кораблем дураков» С.Бранта это прозаический сборник проповедей 1498-1510 гг. Г.Кайзербергского «Narrenschiß» (изд. 1529 г.) и талантливые поэтические сатиры «Narrenbeschwoegung» (1512 г.) и «Gäuchmatt» (1519 г.) Т.Мурнера.

² Наиболее известные из них возникли также на юго-западе в конце XVI века («Петр Лев», ок. 1550 г., «Lalebuch», 1590-е. гг.).

форматоры, а также писатели (наиболее талантливо это сделали католики И.Эберлин и Т.Мурнер, выступивший с антилютеровских позиций).

Послереформационный период отмечен на юго-западе новым литературным подъемом, связанным в основном с бюргерско-дидактической прозой протестантских авторов¹, хотя были еще заметны импульсы сатиры, религиозной и социальной публицистики предшествующих периодов. Расширение повествовательной основы литературы и становление жанра раннего романа связаны с именами эльзасцев **Й.Викрама** (ок.1505 – ок.1562) и «немецкого Рабле» **И.Фишарта** (1546-1590), чье многогранное творчество имело общенациональное значение, завершая этап ренессансной литературы в Германии.

Иоганн Фишарт

Проза юго-запада второй половины XVI века связана также с назидательно-развлекательными произведениями «наивного реализма», нередко компилятивными и близкими к «народным книгам» (**Я.Фрей, В.Шуман, М.Монтан, М.Линдерер, Б.Герцог** и др.). Дальнейшее развитие получили и драматические жанры.

¹ Новая волна популярности сословной сатиры проявилась в переводе с латыни страсбургским учителем К.Шейтом (1551 г.) «программного произведения» бюргерской дидактики – «Grobianus».

Титульный лист «Гробьянуса»
(перевод Каспара Шейга, 1551 г.)

При рассмотрении литературной традиции юго-запада XV-XVI вв. спорным остается вопрос о месте и обособленности швейцарской литературы. По мнению В.Д.Сидельника, «...с середины XV века произведения швейцарских авторов уже далеко не во всем вписываются в литературные процессы Германии. Поэтому литературу Швейцарии ... с эпохи Позднего Средневековья правомерно рассматривать как явление в известной мере самостоятельное – как *складывающуюся швейцарскую литературу*» (выделено нами. – С.Д.). [35, С.207-211] Этот процесс завершается лишь к середине XV века, которая является «точкой отсчета» собственно германо-швейцарской литературы. Утверждения о прямом влиянии политического и религиозного разрыва с империей и о якобы «изоляции от культурных очагов Германии» малоубедительны, поскольку на протяжении всего XVI века, например, эльзасские авторы-протестанты подчеркивали свои связи со Швейцарией, а швейцарская литература была широко известна на немецком юге, в частности благодаря «открытости» практики печатников. [35, С. 155,241]

Правомернее говорить о местной (швейцарской) традиции, выразившейся в своеобразном развитии направлений, жанров, поэтики и тематики, а

также в периодизации литературного процесса.¹ В качестве точки отсчета обычно рассматриваются события начала 1530-х гг. (до и после Каппельского мира 1531 г. и конфессионального раскола конфедерации). Первый период связан с нарастанием протестантского движения, в большей мере, чем в Германии, опиравшегося на деятельность гуманистов (базельский кружок). Наиболее заметным было творчество неолатиниста **И.Вадиана** (хроники, сатирические драмы) и **Б.Шпрасса** (комедии). Под сильным влиянием демократической культуры получает также развитие народно-эпическая литература.

Но главной фигурой был сам **У.Цвингли** - автор полемических драм, боевых песен и проповедей. Его литературное творчество на родном языке началось в 1510-е гг. в жанре басни и сатиры, направленной против наемничества. Жанр драмы как наиболее примечательное явление цвинглианской литературы получил развитие в творчестве **П.Генгенбаха** (1480 - ок.1525) и **Н.Мануэля** (ок.1484 - 1530). Социально-политическая и конфессиональная тематика получила яркое выражение в традициях площадного, народного действия и масленичной комедии (Fastnachtspiel). Это направление имело талантливых оппонентов в католическом лагере (**Г.Залат**, **С.Бирк**).

После поражения протестантских кантонов в Швейцарии наметился некоторый литературный спад. С середины XVI века из драматургии как ведущего жанра исчезают светские и социальные мотивы, сюжеты стереотипизируются на библейской основе. Религиозные драмы наиболее крупного протестантского авторов **Г.Буллингера**, а также **Я.Руфа**, **И.Кольроса**, **У.Экштайна** носят эпигонский характер. Наиболее заметным явлением швейцарской литературной традиции конца XVI века остаются рифмованные хроники, исторические песни и народно-литературное творчество, что выделяет ее на фоне литературы юго-запада Германии.

¹ Например, в литературе Швейцарии не получил развитие мейстерзанг. Она не представлена в рассматриваемый период значительными фигурами, сопоставимыми, например, с Брантом или Фишартом. Но уже в начале XV века швейцарская литература еще в рамках поэтического языка обнаруживала прорыв к демократической аудитории и «узусу простодина» (сатирическая поэма «Кольцо» Г.Виттенвейлера).

Глава 2

Линаво-ареальная специфика юво-запада

Выделение юго-западного ареала является в настоящее время общепризнанным как в немецкой лингвогеографии, так и в исторических и даже в литературоведческих исследованиях.¹ Использование базового понятия «ареал» (т.е. область распространения языковых явлений) в контексте данной работы целесообразнее, чем «регион», в виду его таксономической маркированности в системе территориального членения немецкого языка.

В рассматриваемый период как лингвоареал Südwestdeutsch (также Westoberdeutsch, Südwestoberdeutsch) связан с зоной распространения алеманских диалектов, а культурно-исторически - с судьбами Эльзаса, Вюртемберга, Бадена, Швейцарии, Передней Австрии и некоторых приграничных зон. [71, S.482] Западный рубеж ареала совпадает с франко-немецкой границей, на юге проходит по немецко-итало-ретороманскому пограничью, на востоке ареал граничит с Ostoberdeutsch, а на севере с Nordoberdeutsch² и Westmitteldeutsch (эта часть границы наименее отчетлива и исторически стабильна).

Для немецкой лингвистики применение ареально-лингвистического подхода (в частности, методики изоглосс) и диатопического метода (анализ пространственных структур языковых областей) при исследовании генезиса литературного языка является традиционным, поскольку данное направление во многом формировалось в связи с проблематикой диахронической диалектологии.³ Р.Гильдебрант считает роль лингвогеографии в изучении истории литературного языка исключительно важной, в частности, при решении проблемы его территориальной базы и соотношения устной/письменной форм при становлении национального стандарта. [68, S.361-362]

Особое значение лингвистическая ареалогия, в первую очередь вопросы

¹ См., например,: Literatur im deutschen Südwesten / Hrsg. von B. Zeller u.a. Stuttgart, 1987.

² Если исходить из трехчастного членения позднесредневекового верхненемецкого гиперареала на Süd, - West, - Ostoberdeutsch.

³ Однако, например, в романистике это остается достаточно дискуссионным. См., в частности, высказывание М.А.Бородиной о том, что «язык нормированный в отличие от диалекта не может быть исследован лингвогеографическими методами». (М.А.Бородина. Об ареальных исследованиях // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1971. - С.116).

субареального членения и диатопической динамики, имеет для судеб юго-западного ТВЛЯ в связи с тезисом: «Alemannisch war keine homogene Schreiblandschaft.» [44, S.14-23]

2.1. Аспекты субареального членения

Важный вклад в обоснование лингвогеографической и культурно-исторической специфики юго-запада внесла фрейбургская школа - **Ф.Маурер** (1898-1983) и его ученики (В.Беш, В.Кляйбер, К.Кунце, Г.Леффлер), разрабатывавшая выдвинутые в 1920-е гг. Т.Фрингсом на материале средне-рейнского ареала принципы лингвистической и культурной географии (Sprach - und Kulturraumforschung), а также лингвогеографические идеи К.Вагнера. Хотя школа Ф.Маурера не ставила задач изучения истории юго-западного ТВЛЯ, развиваясь в направлении исторической диалектологии, ее выводы имеют первостепенное значение для понимания динамики письменно-литературной традиции ареала.

Изучение немецкого языка юго-запада представителями фрейбургской школы распадается на несколько этапов. Первоначально Ф.Маурер, используя в основном данные «Deutscher Sprachatlas» (Marburg, 1926 ff.) и «Atlas der deutschen Volkskunde» (Berlin - Leipzig, 1937 ff.) попытался обосновать ареальную специфику юго-запада в широкой диахронической проекции (этноистория алеманов, миграции, реконструкция языковых границ, динамика языковых и культурных ландшафтов).¹ На втором этапе последовали детальные исследования позднесредневековых памятников ареала, наиболее адекватно отражавших диалектно-разговорные формы (урбарии, кадастры и т.п.).² На завершающем этапе был составлен уникальный лингво-исторический атлас юго-запада, который признан лучшим историко-диалектологическим исследованием подобного типа в ФРГ.³

Ф.Маурер выдвинул положение об исходном трехчастном членении (Reliktstaffelung) юго-запада на культурно-исторические и языковые суб-

¹ Результаты этих междисциплинарных исследований (1930-40-е гг.) были опубликованы в коллективной монографии: Oberthener, Schwaben, Südelemannen. Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens / Hrsg. von Fr.Maurer. Straßburg, 1942.

² Итоги и методика описания были отражены в сборнике: Vorarbeiten und Studien zur Vertiefung der südwestdeutschen Sprachgeschichte / Hrsg. von Fr. Maurer. Stuttgart, 1965.

³ Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas aufgrund von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts / Hrsg. von W.Kleiber, K.Kunze und H.Löffler. Bern - München, 1979. Bd.1 - 2. (далее - HSS)

ареалы: 1) *верхнерейнский* (Oberrheinland); 2) *неккарский* (Neckarland); 3) *предальпийский* (Alpenvorland), разделяемые естественно-географически. Границы верхнерейнского субареала определяются горными массивами (Вогезы - Шварцвальд - Юра - Хардт). Неккарский субареал частично ограничен Шварцвальдом, возвышенностями Оденвальда (северо-запад) и Швабского нагорья (юго-восток), а также Боденским озером и Верхним Рейном (с юга) и являлся наиболее «открытым». Приальпийский субареал очерчен р.Лех, Боденским озером и Верхним Рейном, Швабским нагорьем и Альпами. Древнейшие связи между субареалами осуществлялись через северную оконечность Шварцвальда (1 - 2), через южные оконечности Швабского нагорья и Шварцвальда (2 - 3) и по верхнерейнским переправам (1 - 3). [89, S. 17-23]

Ф.Маурер рассматривал эти субареалы как поселенческие анклавы алеманов (в I. также франков), и, исходя из гипотезы древнеалеманского континуума, соотносил их с позднейшим членением на три этно-культурные и языковые общности (Oberheimer, Schwaben, Südalemannen), сложившиеся к концу XIII века. Первоначально прямолинейно постулируя развитие древнеалеманского этноса, его диалектов и членение по линиям Шварцвальда (изоглосса *Zeit/zit*) и Зундгау (Южный Эльзас) - Боденское озеро (изоглосса *Kind/chind*) (См. Рис. 4), он тем не менее обходил положения «расовой чистоты и единства» т.н. *Gesamtalemannisch* (Germanentum alemannischer Prägung) нацистского языкознания. [89, S.185-186, 326]

В отличие от соседнего баварского юго-востока, где древнее племенное единство получило прочное территориально-политическое оформление в границах, оставшихся почти неизменными до XIX века, на юго-западе только часть средневековой Швабии сохраняла «в рамках» Вюртемберга преемственность прежних границ, особенно в северной и восточной частях. [89, S.131-133] Комбинации разных типов границ (природных, племенных *Gaue*, политических, церковных) имели для членения юго-запада своеобразный характер.

Так, в частности для швабского субареала (по Мауреру – Neckarland) была характерна преемственность племенных и феодальных границ, а природный рубеж, например, Шварцвальд имел значение лишь в социомиграционном плане в раннефеодальный период, став территориально-политической границей между Баденом и Вюртембергом. Верхний Рейн не разделял, а скорее соединял швабский и швейцарский субареалы, а небольшая река Лех являлась швабско-баварской границей не как водная преграда, а как старый племенной, а затем территориально-политический и церковный (Аугсбургское епископство) рубеж.

Одновременно с монографией фрейбургской школы вышла фундаментальная работа О.Штекихта по ареалогии Эльзаса, методологически близкая к «культурно-морфологическому направлению» Т.Фрингса и «раннего»

Ф.Маурера. О.Штекихт акцентировал значение Эльзаса на юго-западе как старой зоны алемано-франкского взаимодействия с исторически изменчивыми направлениями языковых влияний. Доминантами его членения являлись языковая ось «север – юг» и языковое ядро – анклав Страсбурга. По мнению исследователя, естественно-географические факторы имели в диатопии Эльзаса традиционно второстепенное значение. [117, S.239-241] (См. **Рис. 5**)

Соглашаясь с выводами Ф.Маурера, Т.Фрингс определил выделенные им субареалы юго-запада как: 1) «зону вторжений» (Эльзас – Верхний Рейн) (См. **Рис. 6**: 4 изоглоссы), 2) «зону новаций» (швабский) и 3) «зону реликтов» (швейцарский). [57, S.67-69]

В.М.Жирмунский также отмечал плодотворность применения Ф.Маурером идеи культурно-языковых ландшафтов и его выводы о границах субареалов юго-запада, перекликающиеся с положениями швабских диалектологов (К.Боненбергер, К.Хааг, Ф.Кауфманн). [18, С.98] Преемственность границ обеспечивалась, по его мнению, именно перекрещением племенных, феодальных, языковых и других рубежей юго-запада, который, как и большинство старых исконно-немецких языковых областей, был подвержен перманентной раздробленности: разделы алеманского племенного герцогства при Меровингах в VI в. и Каролингах в VIII в. и окончательно в X в., что обусловило в первую очередь обособление и «франкизацию» Эльзаса, а распад Швабского герцогства в конце XIII в. обозначил диатопию Вюртемберга и Швейцарии.¹

Появление в 1950-е гг. «Deutscher Wortatlas» внесло новые культурно-исторические акценты в ареалогию юго-запада. Швейцарские лингвисты, в частности Э.Э.Мюллер, акцентировали идею исконной «рецептивности» юго-запада как находящегося на стыке баварского и франкского ареалов. Э.Э.Мюллер подчеркивал на основе анализа изолекс двухчастное членение «швейцарского» (запад - восток) как вероятное продолжение древнейшей вертикальной диатопии всего алеманского юго-запада, дискутируя с трехчастной моделью Ф.Маурера.[88, S.136; 87]

В работах самого Ф.Маурера в 1960-е гг. чувствуется неудовлетворение неопределенностью выделенных «Kulturräume» и отход от прежнего отождествления лингво- и этногеографических изоглосс всех типов (фонетических, грамматических, словарных). Признавая «ретроспективность» трехчастной диатопии юго-запада (heutige Dreiräumigkeit) он скорректировал переплетение ареалообразующих факторов следующим образом: 1) роль при-

¹ Ареалообразующая роль Вюртемберга была продемонстрирована Ф.Маурером и Т.Фрингсом на примере изоглосс *Schnee/ schnai, schon/ scho*, также *toch/tog /Tag, is /Eis, ihr /es* и др. (См. **Рис. 7 - 7а**) [57, S.138-140]

родных границ (особенно Шварцвальда) в комбинации с социально-историческими процессами имела место до эпохи зрелого средневековья; 2) древнейшее франкское влияние было более интенсивным в верхнерейнском, чем в некарском субареале, где обозначилось баварское воздействие; 3) эти инорегиональные влияния обусловили структурно различные новации в эльзасской и швабской языковых зонах; 4) архаизация предальпийского субареала (крайний юго-запад) как реликтового. [78, S.5,13-14]

Постулат о древнейшем трехчастном членении юго-запада на основе двух изоглосс устоял и получил обоснование в связи с ареалообразующей ролью Вюртемберга и Швейцарии (середина XIII-XV вв.). [78, S.18-19] Важное значение имело строгое разграничение и признание Ф.Маурером автономности аспектов ареального членения юго-запада (культурно-исторического, политического, конфессионального, этнического и языкового), а также выделение понятий *Dialekt* - und *Schreiblandschaft*, для реконструкции которых необходимы разные типы источников.[78, S.22,24]

Авторы HSS окончательно перенесли акцент в исследовании диатопии юго-запада с проблемы «алеманского единства» и тезиса «*Südwestdeutsch als Stammgebiet der Alemannen*» на вопросы установления и динамики внутренних/внешних границ ареала, взяв за основу новые типы памятников (документы «низового права») и топонимику. В результате лингво-ареальная структура юго-запада была более полно реконструирована в отношении позднего средневековья (XV в.). Хотя древнее трехчастное членение области не было подвергнуто сомнению, но вертикальное деление (по Мауреру – **Schwarzwald - Schranke**), было признано первичным, а горизонтальное (**Sundgau - Bodensee-Schranke**) – как «менее отчетливое» (вторичное?).¹

Было уточнено положение о большей замкнутости, гомогенности и относительной экспансивности швабского субареала по сравнению с верхнерейнским, где наличествуют разнотипные микроареалы (в том числе зоны консервации старо-франкских реликтов), отражающие перманентную культурно-политическую расчлененность Эльзаса и Бадена. Анализ древнейших изолек показал значительную дробность юго-запада в целом и первичность фактора «*Stamm - Gau - Diozäse*» до исхода средневековья. Для ареалообразования позднего средневековья наиболее важными оказались северные рубежи юго-запада (граница племенного алеманского герцогства VIII-X вв.,

⁸ Впрочем, уже сам Ф.Маурер обращал внимание на доминанту вертикального членения (*schwere Sprachschranke auf dem Schwarzwald*) в *Reliktstaffelung* юго-запада, сопоставляя изоглоссы *Zeit/zit* и *gewesen/gesin* как «*besonderes markante Sonderformen*». (См. Рис. 9) [89, S.20-21] Приводимая им «рыхлая» комбинация четырех изоглосс горизонтального членения ареала, очевидно, более позднего происхождения. (См. Рис. 10)

Gaue: особенно Sund-/Nordgau в Эльзасе и Breisgau/Ortenau в Бадене, а также границы епархии Констанца).

В.Кляйбер определил северные границы как «промежуточную зону алемано-южнофранкской интерференции» (См. Рис. 8) и предложил различать «Gesamtalemannisch» в широком смысле (по рубежам племенного герцогства эпохи V-VI вв. и изолексам 1 – 2) и в узком смысле (по рубежам герцогства VIII-X вв. и изолексам 3, 5). Выделенные им изоглоссы (Westoberdeutsche Idiotismen), определяющие т.н. «westoberdeutsche Spracheinheit», конституируются как культурно-исторические изолексы позднего средневековья, маркируя постепенное отступление северной границы и отсутствие отчетливого «ядра» для всего юго-запада. [71, S.482-483]

По данным HSS южноалеманский предстал как более «молодой» субареал, имевший еще в XIII-XV вв. схождения с швабским, обнаруживавшим «ядро» в районе Среднего Неккара (Вюртемберг) [72, S.838-839], а весь ареал - как «зона регрессивного убывания алеманских черт с севера на юг». [74, S.174-175]

Авторы атласа также акцентировали вслед за Ф.Маурером идею «alemannischer Schriftdialekt», различие Sprach - und Schreiblandschaft и продуктивность ареально-лингвистического подхода для анализа судеб письменно-литературного языка юго-запада. Наиболее последовательно из учеников Ф.Маурера разрабатывал проблемы ареалогии письменно-литературного языка юго-запада В.Беш.

2.2. Реконструкция функциональной парадигмы немецкого языка юго-запада: субстандартные формы

Совокупность различных форм существования немецкого языка (функциональная парадигма), составляющая основу языковой ситуации, является конкретно-исторической и регионально маркированной категорией. Ее реконструкция в отношении юго-запада в рассматриваемый период базируется на трехчастной системе: диалект/промежуточные обиходно-разговорные формы/письменно-литературный идиом, элементы которой своеобразно реализуются и взаимодействуют в коммуникативных и социо-исторических условиях конкретного ареала. [33, С.162-163]

Территориальные (алеманские) диалекты позднего средневековья, когда основная часть населения Германии проживала в сельской местности в условиях доминирования аграрных отношений, являлись ведущей формой устной коммуникации (sprachliche Grundschrift). Их номенклатура в XV-XVI вв. не полностью совпадала с современным членением, поскольку процессы дифференциации продолжались. Как и для большинства диалектных зон т.н. Altland для алеманского была характерна значительная дробность.

Как отмечает П.Визингер для современного состояния: «Die Innengliederung des Alemannischen gestaltet sich schwierig, da es einerseits Süd/Nord-Gegensätze durch ständige Abnahme der Konservativität gibt, zu denen im Norden ein deutlicher, im Süden jedoch weniger ausgeprägter West/Ost-Gegensatz hinzutritt, und andererseits weitreichende Überschneidungen vorliegen.» [126, S.832]

Современное членение алеманского диалектного континуума (Dialektverband), сложившегося в основном к XIV-XV вв., базируясь на ареалообразующих факторах (См. 2.1.), двухчленно на основе критерия убывания консервативных (староалеманских) черт с юга на север: а. *южно-б. северноалеманский* (Bewahrungs - Modernisierungsräume). По этому же критерию *южноалеманский* подразделяется на а1. *верхне* – и а2. *горноалеманский*. Членение инновационного *северноалеманского* осуществляется по критерию West/Ost-Gegensatz на б1. *нижнеалеманский* и б2. *швабский*. Как переходный (южная оконечность *швабского*) выделяется б3. *среднеалеманский* диалект. С точки зрения сохранения архаичных черт возможно также выделение переходных зон: *западнижнеалеманский - южноалеманский, восточносреднеалеманский - верхнеалеманский*.¹ [126, S.833] (См. Рис. 11)

Алеманский граничит на севере с рейнско - и восточнофранкскими, а на востоке с баварской диалектными зонами. Протяженность образующей западный и южный рубежи ареала старой романо-немецкой границы несколько меньше длины внутринемецких границ, что не позволяет характеризовать алеманский как «*absolutes Grenzgebiet*». П.Визингер определяет контуры алеманского на основе 12-ти динамических фонетико-морфологических признаков (*strukturelle Entwicklungsunterschiede*) (См. Рис. 12), отвергая в качестве изоглосс *изолексы*, в частности предложенные В.Кляйбером т.н. Kennwörter. (См. 2.1.) [126, S.831] Исторически более стабильной является алемано-баварская граница по р. Лех, где расхождение изолиний наблюдается лишь южнее Аугсбурга. (См. Рис. 13)

На рубеже XV века, опираясь на реконструкцию HSS, можно выделить *трехчастную* систему алеманских диалектов: 1) верхнерейнский, 2) швабский, 3) южноалеманский. [72, S.838-839] Однако объединение верхнерейнского и швабского в древнейший «северноалеманский» континуум спорно. [71, S.483] Если же применить критерий «инновативности», то следует

¹ Впрочем, приведенное членение алеманского не является общепризнанным и имеет (особенно с точки зрения критериев) варианты. Как отмечал В.М.Жирмунский, главная проблема состоит «в отсутствии общего признака», поэтому нередко исходная номенклатура - «швабско-алеманский». [18, С.34] Примечательно, что современная диалектная зона юго-запада исследуется с 1960-х гг. в рамках пяти(!) региональных атласов. [114]

предположить исходное двухчастное деление: 1) *верхнерейнский* - 2/3) *староалеманский*. Речь может идти (См. также 2.1.) в первом случае о более раннем оформлении инноваций верхнерейнского под влиянием естественно-географического обособления (по т.н. Schwarzwald-Schranke)¹ и перманентной длительной франкизации, а во втором - об активных швабских инновациях на фоне слабой франкизации, значительного баварского влияния и культурно-политических факторов более позднего происхождения (особенно XII-XIII вв.). [18, С.546-547]

Еще в период раннего средневековья членение алеманского было двухчастным - западный/восточный, а трехчастность обозначается лишь к исходу средневековья (XIV в.?). Таким образом, средневековый «южноалеманский» обособляется как зона староалеманских реликтов. Переходной зоной с точки зрения реликтовости является также южноверхнерейнский субдиалект (Зундгау).

Дальнейшая перестройка системы членения (См. также 2.1.) во многом осуществилась за счет многочисленных инноваций «молодого» швабского ареала (особенно в сфере ударного вокализма), «оторвавшегося» от южноалеманского в период XIV-XVII вв., и усиления доминанты Süd/Nord-Gegensatz. Обособленность севера южноалеманской области и «проницаемость» Sundgau – Bodensee-Schranke были исторически относительны, а южная граница всей диалектной области оформляется лишь на исходе позднего средневековья.

В современных исследованиях по ранневерхнегерманскому языку, акцентирующих взаимодействие письменных/субстандартных языковых форм, традиционно трехчастное членение всего юго-западного диалектного ареала на: алеманский, швабский, южно-франкский, т.е. понятие «алеманский» сужается. Так, авторы «Frühneuhochdeutsche Grammatik» детализируют данное членение с указанием городских центров субдиалектов: 1. алеманский: 1.1. верхнеалеманский: 1.1.1. западноверхнеалеманский (Базель, Берн), 1.1.2. восточноверхнеалеманский (Сент Галлен, Цюрих, Люцерн); 1.2. нижнеалеманский: 1.2.1. эльзасский (Страсбург, Шлетштадт), 1.2.2. восточнонижнеалеманский (Констанц, Фрейбург); 2. швабский: 2.1. центрально-швабский (Эслинген, Штутгарт, Тюбинген, Ульм), 2.2. восточно-швабский (Аугсбург); 3. южнофранкский (Пфорцгейм, Гейльбронн, Швабский Галль). [58, S.12] Хотя алеманский субстрат в южно-франкской зоне не первичен, выделение ее как старой контактной области закономерно.

С точки зрения внешней динамики алеманский юго-запад традиционно определяется как пассивный диалектный ареал, как «зона покоя» по отно-

¹ Не смотря на извилистую конфигурацию, изолинии «рубежа Шварцвальда» имеют высокую плотность. (См. Рис. 14)

шению к соседним ареалам (Rückzugs-, Ruhe- oder Randgebiet, Nebenlandschaft, Abseitsraum). Он не принимал активного участия в т.н. «восточной экспансии» и не подвергся значительной трансформации под воздействием внешних факторов.¹ Нередко определение крайнего юго-запада (швейцарский) и как маргинальной зоны.

Впрочем, как отмечал А.Бах: «Под «остаточными» областями не следует понимать ... нечто неполноценное. Скорее в устойчивости «остаточных» областей проявляется их внутренняя сила, самостоятельность и независимость». [2, С.181]. Об исторической устойчивости алеманского свидетельствует периферийная асимметричность в отношении основного ареала переходных зон (франко-алеманской, баваро-алеманской), а также характерный окруженный «островками» верхнеалеманский «клин», запечатлевший активное вторжение в романо-язычную зону на юге, завершившееся в XIV веке. (См. Рис. 15)

Реконструкция «промежуточных слоев» функциональной парадигмы немецкого языка юго-запада (городские полудиалекты, интердиалекты, обиходно-разговорные формы), формирующихся к XV-XVI вв., возможна лишь гипотетически.² Их специфика связана как с сельскими диалектами, так и со взаимодействием с местным ТВЛЯ и базировалась на городских койне, поскольку именно юго-запад характеризовался в период позднего средневековья активным развитием городов, где складывались новые типы коммуникативных сообществ. Культурно-политическая ориентация и традиции крупных городских центров юго-запада все активнее влияли на языковую ситуацию в ареале.

Для «historische Stadtsprachen» было характерен примат социо-территориальной и социо-профессиональной дифференциаций, интеграция идиолектов мигрантов, а также активное воздействие (Überschichtung) письменно-литературных форм. По мнению Г.Мозера, именно «обиходно-разговорный язык бюргерства», т.е. полудиалект среднего и верхнего слоя горожан, оказал важное влияние на становление письменно-литературного языка. [84, S.26-27] Являясь «гнездами» языковых новаций³, города юго-запада осуществляли излучения и на «Umland» в характерной для региона агломерации Nahmarktorte.

¹ Однако немногочисленные «языковые движения» из алеманского отмечаются в период зрелого средневековья в рейнско-франкской зоне, способствуя образованию «ступенчатого ландшафта» в южной его части.

² Особенно это касается региональных форм Umgangssprache, мало изученных в диахронии.

³ Исследователи также определяют их по сравнению с сельским говорам как «центры модернизаций» как в развитии диалектов, так и письменно-литературных форм, а также как центры «Sprachbewertungsstrukturen».

По мнению С.А.Миронова, для швабского субареала исторически характерна двуслойность среднего уровня функциональной парадигмы: а) городские полудиалекты, б) областные обиходно-разговорные койне, отличающиеся наличием вторичных признаков швабского говора и их убыванием от а) к б). [23, С.88-90] Типичным полудиалектом являлся штутгартский, над которым возвышалось областное койне Вюртемберга («общешвабский»), а для всего субареала сложилась ступенчатая стратификация последовательного перехода в шкале субстандартных форм, что не отрывало резко сельские/городские диалекты.

В.М.Жирмунский отмечал активность формирования полудиалекта Штутгарта вместе с политической кристаллизацией Вюртемберга и консолидацией среднего класса горожан на базе смешения и выравнивания высших/низших языковых форм. [18, С.546] К.Хааг предложил пространственную структуру центрально-швабского в границах Вюртемберга (См. **Рис. 16**), где очевидна центрическая, ареалообразующая структура ведущего говора на базе столичного Штутгарта и важнейших княжеских полисов (Тюбинген, Урах), а его южная граница очерчена цепочкой имперских центров (линия Ротвейль – Ванген). [62, С.13]

Некоторые особенности имела ситуация в восточно-швабском субареале. Так, по мнению М.М.Гухман, полудиалект его центра - имперского Аугсбурга, крупнейшего торгово-финансового центра юга, ориентированного на интересы Габсбургов, уже в период зрелого средневековья характеризовался сочетанием алеманских и баварских черт, открытостью к юго-восточным влияниям. [10, С.54-55] Аналогичной, видимо, была ситуация в соседних имперских городах бывшей Швабии, а полудиалекты переднеавстрийских городов Оберланда отличались большей социальной маркированностью по отношению к сельским говорам. (Ср. традиционное у австрийцев обозначение городского говора как «höfisch, herrisch», ассоциирующееся со старофеодальной иерархией).

Для диалектного ландшафта Эльзаса (См. выше **Рис. 5**) ареалообразующая роль городов (в первую очередь Страсбурга, Кольмара и Мюльгаузена) сочеталась с наличием крупных уникальных реликтовых сельских говоров как следов древнейшей франкнизации (Kocherberg, Münstertal, Napauer Land). Ф.Маурер отмечал традиционную роль верхнерейнских городов в трансферте инорегионального (франкского) влияния в субареале. [89, S.284]

Для децентрализованной Швейцарии языковая роль городов также была своеобразной. В целом, койне швейцарских полисов отличались большей близостью к местной диалектной основе, по крайней мере до начала периода проникновения общенемецкого «предстандарта». В отличие от Вюртемберга, некоторые города конфедерации оказывали слабое влияние на округу. Например, Базель, окруженный австрийскими владениями, имел политико-

экономически слабый Vorland и выступал в основном как «старый посредник» франкского влияния по оси «север → юг», сложившегося еще в период его принадлежности к Эльзасу.

Внутришвейцарские города активно влияли на субареальное членение южноалеманского по линии «запад → восток»: Базель/Берн → Цюрих/Сент-Галлен. (См. Рис. 17) Г.Баумгартен отмечает также меньшее социальное расслоение городских диалектов Швейцарии, которые имели «общегородской» характер, а также их большую рецептивность в отношении письменно-литературных (в особенности общенемецких) форм. [42, S.14]

Городские полудиалекты юго-запада имели также особую социальную маркированность. А.Бах отмечает активное формирование именно в юго-западных городах основных урбанистических социолектов эпохи, в частности, купеческого, печатников, военных наемников. [2, С. 156,188]

Верхний уровень функциональной парадигмы занимал ТВЛЯ юго-запада. Функциональная позиция литературного идиома была достаточно ограниченной: письменная коммуникация в сферах делопроизводства, религии и художественной литературы, имея тенденцию к расширению и усилению (особенно с 1520-х гг.) воздействия узусов соседних ТВЛЯ, что формировало ситуацию региональной письменной диглоссии.

С.Зондерэггер констатировал, что для алеманского ареала к XIV веку установилось характерное соотношение диалектов и письменно-литературного языка: «Damit begann in frühneuhochdeutscher Zeit jener für das Alemannische typische Gegensatz zwischen innovierender Schriftsprache und beharrender Mundart wirksam zu werden». [110, S.1531] Поэтому можно предположить, что историческое формирование отношений «неконтактной» диглоссии в первую очередь на крайнем юго-западе осложнялось необходимостью преодоления дополнительного структурного барьера между письменно-литературными и субстандартными формами. [48, S.1400] Для швабского же субареала сложилось более тесное контактирование и взаимовлияние письменно-литературного языка и субстандартных форм.

2.3. Некоторые аспекты дифференциации ТВЛЯ юго-запада

По справедливому замечанию Г.Штоппа, доминанту языковой ситуации XV-XVI вв., эпохи «Verschriftlichung», составляли «großräumige schreibsprachliche Ausgleichs- und Einigungsprozesse», тенденции к постепенному преодолению региональной расчлененности письменно-языковых форм. [118, S.28] Среди основных форм дифференциации ранне-литературного языка (социальная, функционально-стилистическая, жанрово-стилистическая, временная и пространственная) особое значение имела

его территориальная расчлененность (наличие локальных разновидностей).

Историческая динамика всех типов дифференциаций определяла развитие литературного идиома через становление его онтологических признаков (наддиалектности, селективности, поливалентности, нормативности) и свидетельствовало об историческом изменении его функциональной нагрузки в функциональной парадигме, об упорядочении маркирующих его языковых форм. Центральное положение при этом занимали *социальная* и непосредственно связанная с ней *функционально-стилистическая* дифференциации, подчинявшие себе другие виды варьирования и своеобразно проявляясь в отдельных регионах, в том числе на юго-западе Германии. [13, С.9]

2.3.1. К определению понятия «территориальный вариант литературного языка»

Как отмечалось, существование ТВЛЯ связано с проявлением фактора регионального варьирования, игравшего значительную роль в литературном языке донационального периода, особенно в XIV-XV вв. после «распада» т.н. средневерхненемецкого поэтического языка как доминирующей письменной-литературной формы эпохи зрелого средневековья: «In der Blütezeit der ritterlichen Dichtung spielt der sprachlandschaftliche Aspekt kaum eine Rolle.» [44, S.329] Однако в трактовке вопроса о территориальном варьировании литературного языка и гипостазировании его форм мнения германистов расходятся.

В отечественной германистике разработка концепции территориального варьирования литературного языка принадлежит **М.М.Гухман**. Сформулированное ей общее понятие «местный (областной) вариант языка немецкой народности» как «форма реализации негомогенного литературного языка донациональной эпохи» было затем уточнено в связи с развитием теории литературного языка (функционально-типологический подход) и лингвогеографии. Особенности областного многообразия вариантов определялись: 1) связью с письменной традицией конкретных регионов (городских центров); 2) различной функциональной значимостью в жанрах письменности; 3) различной степенью единства (монолитности).¹

¹ См. подробнее: М.М.Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М., 1955. – Ч.1. (Гл.2). Guchmann M.M. Der Weg zur deutschen Nationalsprache. Berlin, 1964 – 1969. - Bd. 1 - 2. М.М.Гухман. Изучение регионального варьирования в немецком литературном языке и методика лингвистической географии // Philologica. Исследования по языку и литературе. Л., 1973. – С.57-66. Термин **ТВЛЯ** утвердился в 1980-е гг.

При характеристике ТВЛЯ М.М.Гухман исходила из сочетания структурного и функционально-типологического подходов, т.е. из: 1) участия их в интеграционных процессах по выработке общенемецкого стандарта; 2) степени замкнутости/открытости по отношению к влияниям соседних письменно-литературных традиций; 3) устойчивости/подвижности основных структурных признаков; 4) функциональной значимости за пределами основного ареала распространения, считая выделение локально закрепленных типов литературного языка XIV-XVI вв. достаточно условным. [16, С.146-149,155]

В сложившейся к концу XV века номенклатуре ТВЛЯ М.М.Гухман различает три обобщенных типа: ниже-, средне- и южно-немецкий, в рамках которых выделяются субварианты (разновидности). В частности, южно-немецкий ТВЛЯ подразделяется на юго-западный, швабский и юго-восточный. Юго-западная письменная традиция охватывала, по ее мнению, кроме Швейцарии также южные регионы Эльзаса и Вюртемберга. [16, С.150,154]

Дальнейшее дробление территориальных разновидностей литературного языка на основе структурных признаков осуществимо до определенного предела, когда их релевантность становится относительной. В своих ранних работах М.М.Гухман предлагала номенклатуру, связанную с крупными городскими центрами, отмечая, что ТВЛЯ являлись не замкнутыми системами, а «модификациями», проницаемыми для инорегиональных влияний. [13, С.52]

Опираясь дополнительно на функционально-типологический критерий (степень наддиалектности, обособление местной письменной традиции и ее жанровой системы) и на политико-культурные факторы, в рамках юго-западного субварианта возможно выделение достаточно отчетливо лишь «швейцарского локального варианта». [17, С.6-7] В остальном для юго-запада, вероятно, можно говорить лишь о «зонах интерференции» (ареалы Эльзаса, Бадена, Передней Австрии и Вюртемберга) различных субвариантов (если использовать терминологию М.М.Гухман).

Поскольку термины «локальный/региональный (суб-)варианты литературного языка» отражают различные аспекты нетождественности форм реализации немецкого литературного языка XIV-XVI веков в разных ареалах его распространения, то возникает вопрос о соотношении их с понятием «инвариант». Ни одна из разновидностей письменно-литературного языка позднего средневековья не может служить неким эталоном сопоставления или быть поставлена в отношении «инвариант/вариант» по отношению к другим, хотя ТВЛЯ находились в отношении конкуренции в ситуации «центральные/периферийные».

М.М.Гухман предложила решение этого вопроса в генетическом плане. По ее мнению, в системе каждой региональной разновидности верхненемецкого

литературного языка донациональной эпохи наряду с дифференциальными признаками существовала совокупность общих структурных черт, некая модель-схема, характерная для языка немецкой народности. Эта интеграционная доминанта, опирающаяся на генетическую общность и однонаправленность тенденций развития на всех языковых уровнях, обеспечивала относительное единство письменно-литературных форм, несмотря на сепаратизм отдельных регионов. [16, С.159] Кроме того, многие структурные изменения включались в парадигму литературного языка независимо от территориального варьирования, обнаруживая функционально-стилистическую общность (например, футурум 2, кондиционалис, модели гипотаксиса и др.).

Близкую позицию занимает Н.П.Вольф: «Die ... Schriftdialekte [lassen sich] als Subsysteme eines übergeordneten Systems beschreiben, also als Schriftdialekte einer (noch) nicht realisierten Schriftsprache.» [128, S.324] Основой письменно-языковой архисистемы он считает восточно-верхненемецкий «предстандарт»: «Auf der Basis von ostoberdeutschen und ostmitteleutschen Schriftdialekten entsteht spätestens im 15. Jahrhundert eine „ostoberdeutsche“ Schreibsprache, die schon einen weitgehenden (Schreib-) Sprachausgleich zeigt.» [130, S.102]

В немецкой германистической традиции вопрос о ТВЛЯ рассматривался в контексте сложившейся здесь теории литературного языка как письменного идиома (в первую очередь в работах В.Беша, Г.Мозера, Й.Шильдта) и не отличался единством теоретических модификаций. Так, В.Беш исходит из терминов «Schreibdialekt» (ситуация VIII-XIV вв.), «Schreibsprache» (XV-XVI вв.) и «Schriftsprache» (период XVI-XVIII вв.), уточняя их территориальную дифференциацию при помощи понятий «landschaftliche Teilsysteme/Schreibtraditionen, Landschaftssprachen, Schreiblandschaften». [46, S.592]

По его мнению, к XV веку отчетливо складываются лишь две центральные «Ausbauformen der Schreibdialekte» как отражение стадии «Überschreitung zur überregionalen Schriftsprache». Это т.н. «schreibsprachliche Koinés des Südens und des Nordens: Gemeines Deutsch/Hansedeutsch»: «Ob ohne die entscheidenden Vorgänge des 16. Jahrhunderts aus diesen Grundlagen eventuell zwei Schriftsprachen erwachsen wären? Eine Antwort darauf wird nicht möglich sein». [47, S.972-974]

В динамической концепции В.Беша «schreibdialektale Ausbauformen» выступают как обобщенные «Arrodierungen», рассмотрение территориальной дифференциации которых возможно на основе диалектно-ареальных критериев и узусов отдельных регионов, но без четкого разграничения константных письменно-языковых типов *a priori*. [47, S.979, 981] Среди

«Teillandschaften»¹ В.Беш традиционно отмечает приоритетность восточно-средне немецкого и юго-восточного вариантов, констатируя: «Die spätmittelalterlichen Schreibsprachen kamen über eine gewisse territoriale Begrenztheit und über einen nur begrenzten Grad der Kodifizierung nicht hinaus». [49, S.1800,1809]

В обобщенном виде в опоре на функционально-парадигматический критерий представляет стратификацию четырех региональных «Schreibsprachen» позднего средневековья Г.Мозер. [83, S.237-238] (См. Рис. 18) Несмотря на некоторый схематизм позиции Г.Мозера представляются важными две его констатации: 1) определенной преемственности ареальной базы «универсального» *mittelhochdeutsche Dichtersprache* и *Gemeines Deutsch* (швабско-баварской); 2) некоторого запоздания в оформлении *Gemeines Deutsch* (XV век) по сравнению с другими «Schreibsprachen», что Г.Мозер объясняет несформированностью «*oberdeutsche Verkehrssprache*» как его основы. [83, S.138]

По его мнению, *Gemeines Deutsch* доминировал на всей территории юго-запада (кроме Швейцарии) уже к концу XV века. [83, S.233] (См. Рис. 30) Г.Мозер не выделяет в своей системе юго-западный вариант, а также отдельную письменно-литературную форму для западно-средне немецкого субареала, считая их зонами «экспансии» (*überlagernde Landschaften des Gemeinen Deutsch*).²

Принимая в целом схему Г.Мозера, В.Беш полагает, что для большей части южно-немецкого ареала (Задунайская Бавария, Вюртемберг) позиция *Frühneuhochdeutscher Schrifttypus* дифференцирована оппозицией диглоссии, маркирующей местные письменные традиции: «...eine im Gebrauch befindliche Koine wird verschriftlicht/ein im Gebrauch befindliches Schriftsystem wird versprachlicht», а в швейцарском ареале: «Koine und Schriftsystem fungieren ohne direkte Abhängigkeit nebeneinander». [48, S. 980]

В социологически ориентированных концепциях истории языка (А.Широкауэр, Г.Эггерс, Й.Шильдт) выделению ТВЛЯ на фоне социально-групповых факторов («канцелярские языки», «языки печатников» и др.) не уделяется первостепенного внимания. Так, в номенклатуре ТВЛЯ (*territoriale Varianten der Literatursprache*) Й.Шильдта выделяются гетеро-

¹ За основу членения берется разработанная в рамках Боннского проекта (Г.Мозер, В.Беш, Г.Штопп и др.) по исследованию нововерхненемецкого языка *Viermodell: West-/Ostmitteldeutsch, West-/Ostoberdeutsch*. См. подробнее: W.Besch. Zur Erforschung der frühneuhochdeutschen Sprache // Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. 1986, № 3.- S.42.

² По этой же причине многие исследователи относят современный швабский субареал к *Ostoberdeutsch*.

хронно развивающиеся северо-западный, нижненемецкий (ганзейский), баваро-восточнофранкский (богемский) и доминирующие восточно-средненемецкий и юго-восточный (охватывающий значительную часть юго-запада) типы. Крайний юго-запад (Швейцария) рассматривается как их локальная периферия. [98, S.622-627]

Таким образом, вопрос о гипостазировании юго-западного ТВЛЯ, его границах и особенно проблема его ареальной базы приобретают особую актуальность в контексте соотношения типов варьирования немецкого литературного языка периода его становления.

2.3.2. Специфика социального и функционально-стилистического варьирования

Составить для рассматриваемой эпохи целостную картину социальной и функционально-стилистической дифференциации юго-западного ТВЛЯ сложно в виду ее динамичности, наглядно проявившейся на трех основных этапах: 1470-1520-е, 1520-1550-е, 1550-1600-е гг. Кроме того, социокультурная дифференциация («вертикальное членение») письменно-языковых форм имеет крайне опосредованный характер в системе «gruppen sprachliche Kommunikation».

Позднее средневековье отмечено существованием *региональных коммуникативных сообществ*, которые были лишены единства, обеспечиваемого в дальнейшем функционированием общенационального литературного языка (*überdachendes Kommunikationsmedium*) и системы образования. [55, S.13.45] Социо-коммуникативная регионализация письменно-литературных форм была детерминирована в шкале дифференциаций коммуникативных групп, их общественной практикой, ориентированной на определенные социумы и типы текстов. [130, S.99-100]

Однозначное выделение специфичных для юго-запада «Kommunikationsgemeinschaften» затруднительно из-за многообразия критериев, их комбинаций (*Sozialgruppen der Schreibkundigen, soziale Bildungsgruppen, Schriftgemeinschaften, kulturtragende Schichten* и т.д.) и инвариантности базовых общенемецких социо-коммуникативных процессов XV-XVI вв. По мнению Н.Н.Семенюк, социальная маркированность литературного идиома выражается не в *социальной соотношенности*, а в *социаль-*

ной функции, при этом более важной является градация социальных групп по степени образованности. [31, С.63]¹

Поэтому реальнее говорить о своеобразном проявлении и тенденциях общенемецких социо-коммуникативных факторов на юго-западе, определивших становление письменно-литературных форм, комбинацию локальных структурных признаков местного ТВЛЯ и гетерогенность его социальной базы (в частности, особый характер урбанизма и аграрных отношений, бурное развитие книгопечатания и школьного дела, специфичность социокультурных процессов, связанных с Реформацией и крестьянскими волнениями и т.д.). (См. выше 1.2. - 1.3.) Взаимодействие указанных факторов обуславливало *гетерогенность* стилевых модификаций юго-западного ТВЛЯ и многообразие его социо-функциональных дифференциаций.

Так, ярко выраженную социальную маркированность имело развитие на рубеже XVI века архаичных с точки зрения тенденций общенемецкого литературного процесса поэтических форм, специфичных для юго-запада мейстерзанга и «неокуртуазной эпики», культивировавшихся переднеавстрийским и швабским дворянством. (См. 1.4.) Наряду с неолатинской традицией местных гуманистов это способствовало развитию до 1520-х гг. элементов «высокого стиля».

Но с другой стороны, для юго-запада (как эпицентра Крестьянской войны) были характерны всплески «социальной интерференции» в письменно-литературной практике, что выразилось в контактировании разных социо-коммуникативных групп при создании текстов. [97, S.539-540] Так, С.Лоцер, ремесленник и «народный проповедник» из Меммингена (Альгау), был редактором текста главного документа восставших – «12 статей», являясь писарем бальтрингенского отряда, а его соавтором выступил образованный проповедник К.Шаппелер.

Подобные нарушения «средневековой вертикали» и контакты разных социальных слоев отмечались в регионе уже в период крестьянских волнений рубежа XV века, способствуя «демократизации» соответствующих текстов, что проявилось как стилистическая черта в произведениях эльзасца Гейлера Кайзербергского (здесь сыграла роль его практика как «оппозиционного проповедника») и позднее, в сословной сатире XVI века.

¹ В этом отношении предпочтительнее выглядит группировка Bildungs- und Schriftgemeinschaften у Н.Р.Вольфа (Fachleute, Schulleute, Autoren und Publikum der popularisierten Wissensliteratur, religiöse Gemeinschaften, Wissenschaftler im engeren Sinn, «publizistisches Publikum») [130, S.100], по сравнению с более традиционной номенклатурой у Г.Зайдлера (Spättrittertum, Geistliche, Bürger, Humanisten). [104, S.2028-2029]

М.М.Гухман отмечает в целом большую «демократичность» языка прокламаций юго-запада 1520-х гг. как индикатора расширения социальной базы письменно-языковых форм в регионе и как следствие – разнообразие его жанрово-стилевых дифференциаций. [11, С.12]

Как важное явление в социальной дифференциации ТВЛЯ юго-запада следует отметить оппозицию «урбанистические/аграрные отношения». Авторы **HSS** показали наличие его «вертикального» членения и «unterste Schreibschicht», представленный в языке регионального земельно-административного права (поземельные кадастры). Язык данного типа текстов, отражавших узус аграрных коммуникативных сообществ (уполномоченные землевладельцев, арендаторы), характеризовался обособлением от латинизированных стилевых традиций городских канцелярий в сфере аграрного права, приближаясь к диалектному уровню (alemannischer Schriftdialekt).¹

Наконец политическая и конфессиональная расчлененность юго-запада обуславливали и социо-политическую маркированность письменно-языковых форм. Это проявилось в престижности в Аугсбурге и других имперских городах узуса юго-восточного ТВЛЯ («габсбургского»). Напротив, в Швейцарии «...конфедераты отвергли общенемецкий язык имперской канцелярии по той же причине, по какой они выступили против высшего имперского суда и произведенного Максимилианом делением на округа». [2. С.177] Узус юго-восточного ТВЛЯ воспринимался как проявление враждебной идеологии, а цвинглианцы аналогично восприняли и «язык Лютера». Таким образом, можно утверждать, что Реформация всколыхнула волну «языкового сепаратизма» на юго-западе.²

Функционально-стилистическая система позднесредневековых ТВЛЯ непосредственно связана с динамикой их коммуникативных параметров. К XVI веку происходит перераспределение функционально-стилевых единств, маркирующих литературный язык: от канцелярско-делового языка первенство переходит к «literatursprachliche Funktiolekte: alle geordneten Texte, d.h. das Schrifttum schlechthin außer dem urkundlichen.» [130, S.100] Язык художественной литературы («литература для чтения» в широком смысле) становится ведущим функционально-стилевым единством, при этом в XVI веке

¹ Наличие социо-территориально маркированных языковых элементов (в частности наименований аграрных реалий, метрических единиц и т.п.).

² Исследователи отмечают, например, устойчивую маркированность апокопы к южно-немецком как «katholische Stigmatisierung», а в Аугсбурге в середине XVI века наличие/отсутствие дифтонга **uo** маркировало католические/протестантские тексты. [86, S.190]

усилилось обособление функционально-стилистической дифференциации от социальной. [14, С.13]

В целом типология стилистического варьирования литературного идиома XV-XVI вв. инвариантна для всех ТВЛЯ верхненемецкого ареала. Локальное своеобразие проявилось на более низком уровне – в сфере жанрово-текстовой дифференциации.¹ Наиболее наглядно это сказалось в письменно-литературной традиции Эльзаса и Швейцарии.

Поскольку, как отмечалось выше, юго-западный ТВЛЯ являлся не единственным письменно-литературным идиомом, функционировавшим в швабско-алеманском ареале, данные языковые типы «могли также весьма своеобразно распределяться по видам и жанрам письменности», создавая базу для дальнейшей интеграции и отбора элементов их узусов через стилистические сферы. [32, С.114] В общем виде можно говорить о доминировании с XVI века общенемецкого предстандарта в «*obere Schreibschicht*» и вытеснении регионального ТВЛЯ в «*mittlere/untere Schreibschicht*» и установлении «шкалы маркированности» отдельных его признаков в субареалах по типам текстов.

Но динамика и разнообразие типов дифференциации ТВЛЯ юго-запада XV-XVI вв. свидетельствует о его отнюдь «непериферийном» характере в контексте общенемецких тенденций становления предстандарта. Очевидно, что социокультурная его оценка не совпадает с утвердившимся шаблоном «*Randvarietät*» при оценке его роли в формировании конституэнтов общенемецкой нормы. В этой связи можно вести речь о несимметричности «структурной» и «социофункциональной» истории немецкого литературного языка.

2.4. Ареальная база и узус письменно-литературного языка юго-запада

Понятие «ареальная «база» ТВЛЯ маркирует не только его «привязанность» к определенному языковому, культурно-историческому ареалу (*Geltungsareal*), но и акцентирует локализацию и интегрированность основных языковых процессов, определяющих специфику его узуса, обладая динамическими свойствами (сужение/расширение, замкнутость/открытость).

Характер и динамика ареальной базы ТВЛЯ, наряду с социофункциональными параметрами и культурно-политическими факторами

¹ Речь может идти о составлении «*Textsortenkopus vorbildlicher Autoren*», что для юго-запада впервые предложил В.Мозер. [86, S.5-8] Однако до настоящего времени его наполнение остается предметом дискуссий. См. критерии С.Зондерэггера для Швейцарии [113, S.18-20], или корпус юго-западных текстов у авторов *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. [51]

имеют решающее значение для его развития или стагнации. Так, например, ее расширение, «толерантность» и контактная активность способствует усилению устойчивости и надрегиональной значимости конкретного ТВЛЯ.¹

Различия ТВЛЯ верхненемецкого гиперареала XV-XVI вв. проявлялись в определенной группе языковых явлений (изоглоссах).

2.4.1. Система и распределение ареальных признаков

Основные особенности юго-западного ТВЛЯ можно определить как *ареальные* (обобщенные) или как *узусальные*.

Исходя их принципа гетерохронности развития языковой системы в разных регионах немецкой языковой области, С.Зондерэггер относит юго-запад к «Beharrungslandschaft»: «Westliches Oberdeutsch [ist] ein volles mittelhochdeutsches Lautsystem mit mundartlichen Zügen.» [109, S.170] В языковых системах как юго-западных диалектов, так и в местном письменно-литературном идиоме он отмечает отсутствие основных новонаемецких вокалических *новаций*: дифтонгизации с.в.н. **i: u: ü:**, монофтонгизации с.в.н. **ie ou üe**, а также удлинения гласных в открытом слоге. [109, S.184]

Оценивая степень структурных различий ТВЛЯ верхненемецкого гиперареала, В.Беш выделил для юго-запада две ступени расхождений: **а 1** (эльзасско-баденско-швабская зона) и **а 2** (швейцарская зона). (См. **Рис. 21**) [45, S.332]

В рассмотрении ареальной базы и характера отличительных признаков юго-западного ТВЛЯ можно наметить широкий и узкий подходы. Так, И.Т.Пириайнен считает возможным выделение для всей юго-западной области следующих *графематических* признаков, беря за основу также «средневерхненемецкое состояние»:

1. *Вокалических*:

1.1. Сохранение с.в.н. **i: u: ü:** и их частичная дифтонгизация в швабском:

1.2. С.в.н. **ie uo üe** (т.н. fallende Diphthonge) в значительной мере монофтонгизированы;

¹ На примере языка Ганзы это было убедительно показано Е.Р.Сквейре (См.: Процессы развития ареальной базы нижненемецкого языка Ганзы // Вестник МГУ. Серия: Филология. 1997. - №1-2.). Расширение ареальной базы общенемецкого предстандарта XIV-XVII вв. продемонстрировал на основе известной «Kombinationskarte des Hochdeutschen» Т.Фрингера П.Июайхель. [103, S.82-83] (См. **Рис. 19** и **Рис. 20**)

1.3. С.в.н. **ei ou öu** качественно изменяются и обозначаются графемами **ai/ay; au/aw; eu/ew**. В верхне- и нижнеалеманском сохраняется **öu** и встречаются монофтонги **e, ö** (*böme, bom, helger*);

1.4. С.в.н. **a**: отражается как **a/o** (*jamer, jomer*), а в швабском дифтонгируется в **au** (*getaun*);

1.5. С.в.н. **e** отражается как **e/i** (*fremd/frimd*);

1.6. С.в.н. **u/ü** часто варьируются перед носовыми как **o/ö** (*sunne/bronnen, fürdem/mönster*).

2. Консонантных:

2.1. Звонкие с.в.н. **b/d** спорадически оглушаются в начале слова (*blitz/plitz, drei/tringen*), а в нижнеалеманском **b** в интервокале переходит в **w** (*erben/erwen*);

2.2. С.в.н. **k** спорадически обозначается как **ch** (*chauffen, schichhen*);

2.3. С.в.н. **t** сохраняется, но в нижнеалеманском и швабском обозначается как **d** (*tochter/dochter*). или подвергается «Auslautverhärtung» (*tod/todt*);

2.4. С.в.н. сочетания **sl, sm, sn, sv** имеют «**ʃ** - Laut»;

2.5. С.в.н. сочетание **tv** передается как **zw** (*zwingen*). [91, S.1371-1372]

И.Т.Пириайнен констатирует относительную устойчивость этих признаков под давлением восточно-южнотемских черт через посредство швабского субареала (Augsburger Sprachform): «Die westoberdeutsche Variante wird jedoch allmählich durch die Augsburger Sprachform verdrängt, in der gemeinsprachliche Züge wie im Ostmitteldeutschen überwiegen.» [91, S.1377] Особенно заметна слабая релевантность признаков **1.2, 2.1, 2.3** и факультативность, например, **2.5**, что делает данную систему юго-западных признаков не дифференциальной, а скорее интегративной (ср. характеристику признаков **1.1** и **1.2**. с критериями С.Зондерэггера).

Более четкую и компактную группировку юго-западных черт дает П.Глаттхард, исходя однако из узкого понятия «eine genuine alemannische (eigenössische) Schreibsprache», проецируя ее только на крайний юго-запад (Швейцария). [60, S.320-321]:

1. Фонетические:

1.1. Отсутствие дифтонгизации с.в.н. **i: u: ü:**;

1.2. Отсутствие монофтонгизации с.в.н. **ie uo üe**;

1.3. Отсутствие удлинения с.в.н. кратких гласных в открытом слоге;

1.4. Сохранение с.в.н. **u/ü** перед носовыми (*summer, künig*);

1.5. Устойчивые фonomорфологические варианты глаголов «идти/стоять»: **gan/stan**.

2. Морфологические:

2.1. Единый показатель **Plur. Präs. Indik.** глаголов —**end** (также восточно-швейцарская диалектная изоглосса);

2.2. Частотные синкопы/апокопы;

2.3. Словообразовательный суффикс абстрактных существительных —**nuss**.

Как и И.Т.Пиирайнен П.Глаттхард не выделяет лексических изоглосс и считает, что значительная часть территории юго-запада входила в зону распространения *Gemeines Deutsch*, признаки которого почти на треть тождественны чертам «*alemannische Schreibsprache*» (это 1.2.; 1.3.; 1.4.; 2.3.; 2.2.), утверждение о расширении зоны распространения которого (*internationale Geltung?*) выглядит крайне декларативно. [60, S.323]

С иных (текстологических) позиций подходили к определению черт юго-западного ТВЛЯ В.Беш и М.М.Гухман. Так, В.Беш, исходя из методики сопоставительного анализа аутентичных рукописных текстов одного автора конца XV века (*Otto von Passau*, религиозно-назидательная литература), предложил опираться на картографирование отдельных фонетико-грамматических изоглосс, представленных в группе частотных лексем (*Kennformen des alemannischen Schreibdialekts*). Эти единицы он подразделил на: 1) устойчивые; 2) относительно стабильные; 3) реликтовые; 4) объединительные, подчеркивая их частичную архаичность: «*Diese Formen gehen teils auf eigene Neuerungen, teils auf bessere Bewahrung des Überkommenen. Mittelhochdeutsches lebt hier am längsten, manchmal im ganzen Gebiet, manchmal in eine südliche Reliktzone abgedrängt.*» [44, S.331-332]

К первой группе относятся изоглоссы: **verlieren**, **erberme** (староалеманская словообразовательная изоглосса **irbarmida**), **kilche**, **erzougen**; грамматические формы глаголов в Plur. Präs. Indik. – **nd** и форма Part. II глагола «быть» **gesin**; ко второй группе: **froemd**, **zwoelf**, **zwigen**; к третьей: **betruebt**, **vrstendi(n)**, **andacht** (муж. род), **zit** (сред. род), **tieffi(n)**; к четвертой: **sunentag** (также в нижнефранкском), **der touf** (также в майнском), форма **ich danken** (также в рипуарском). Однако данная «сетка» (за небольшим исключением) вряд ли применима для более широкого анализа ввиду несистемной (фонетика, грамматика) формы их подачи. В дальнейшем В.Беш рассматривал как грамматическую изоглоссу юго-западного письменного узуса глаголы **gan/stan**, привлекая также отдельные изолексы.¹

М.М.Гухман рассматривала особенности юго-западного ТВЛЯ («система строевых признаков, сумма явлений») как его *узואльные черты*, отмечая на основе анализа разнотипных источников их значительную вариативность. [10, С.82]

В дальнейшем она сгруппировала изоглоссы юго-западного ТВЛЯ на материале ведущих жанров письменности 1520-30-х годов (однотипные печатные тексты полемической реформационной литературы), что позволило подразделить их на абсолютно (1) и относительно (2) устойчивые: 1) сохранение с.в.н. дифтонгов **uo üe ou** и с.в.н. монофтонгов **i: u: ü:**; единый

¹ См.: W.Besch. Die Entstehung der deutschen Schriftsprache: Bisherige Erklärungsmodelle – neuester Forschungsstand. Opladen, 1987. – S.26-30.

показатель глаголов в Plur.Präs.Indik. –nt/nd; фонематические (алеманские) варианты глаголов «идти/стоять»: **gan/stan**; 2) переход **a:/o:**; (де-)лабиализации **ü/i, ö/e**. [11, S.153-169] Применение этих признаков позволяет достаточно отчетливо локализовать некоторые анонимные памятники как юго-западные (алеманские) в период до начала активной интеграции юго-западной письменной традиции под влиянием доминирующих ТВЛЯ.

Юго-западные изоглоссы М.М.Гухман ассоциирует в основном со швейцарским ареалом. К частным изоглоссам (довольно многочисленным) она относит уменьшительные суффиксы существительных среднего рода **-le/-lin/-i**, а также приводит разрозненные алеманские изолексы (**Aette** «отец», **Goette** «крестный», **alfanz** «веселость», **traen** «лентяй» и др.), фонеморфологические варианты слов (**Kilche, nüt, nummen**).¹ [11, С.185-190]

Приведенные исследования фиксируют тенденцию к постепенному сужению ареальной базы юго-западного ТВЛЯ в направлении *крайнего юго-запада* (верхнеалеманский регион). Его немногие общие дифференциальные признаки, группируясь в сфере архаичных черт ударного вокализма и редких грамматических изоглосс (вопрос об изолексах юго-западного ТВЛЯ разработан еще недостаточно!)², наиболее полно проявились в относительно непродолжительный период (1470-1520/30-е гг.). М.М.Гухман гипотезирует наличие юго-западного «ядра» ТВЛЯ, отмеченного устойчивостью его признаков (большая часть Швейцарии) и «переходных зон варьирования» (Аугсбург, Страсбург, Базель). [16, S.65]

Данная тенденция в развитии узуса письменно-литературных форм юго-запада соотносится с исторической динамикой его диалектной карты, которая делится, как отмечалось выше (См. 2.2.), на основе критерия убывания консервативных (староалеманских) черт на: северный (Modernisierungsraum) и южный (Bewahrungsraum) субареалы. Верхнерейнский (эльзасский) и швабский как части «инновационного» северного субареала обособляются, в частности на основе инорегиональных влияний.

«Швейцарский субвариант», базирующийся на южноалеманском, все более замыкается, утрачивает динамику экспансии даже на юго-западе, становясь рецептивным («Landschaftsraster»). Характеризуя его признаки, С.Зондерэгрер констатирует: «Es handelt sich um den Typus einer schweizerischen Landschaftssprache relativ archaischer, d.h. noch alemannisch-spätmittelhochdeutscher Ausrichtung, mit vielen Elementen eines Schreibdialekts.» [112, S.74] При этом, если для всего юго-западного ТВЛЯ можно говорить лишь об «амальгаме» признаков, то «швейцар-

¹ Их следует отличать от рефлексов диалектных явлений в текстах, которые узально немаркированы, например, в швабском: **a:>au, au>o**. [10, С.83]

² Вопрос о лексических изоглоссах юго-западного ТВЛЯ заслуживает отдельного рассмотрения и не входит в задачи данного исследования.

ский» характеризуется системным набором признаков на всех языковых уровнях: кроме отмеченных выше явлений он выделяет показатель оппатаива –i, узкий дифтонг ei, переход а>о. [112, S.76-77]

Однако, ответ на вопрос исследователей: «...weshalb das Westoberdeutsche schliesslich, nach einer zeitlichen Verzögerung von mindestens 100 Jahren gegenüber der Entwicklung im Ostoberdeutschen und Ostmitteldeutschen, ihre regionalen Eigentümlichkeiten [aufgab] und sich einem allgemeinen Ausgleich [anschloß]?», остается открытым. [116, S.3] Примечательно, что более активная экспансия в XVI веке «общенемецкого предстандарта» происходит не на юго-запад (!), а в зоны ТВЛЯ северо-запада и среднего запада. (См. выше **Рис. 19**)

Картографирование признаков юго-западного ТВЛЯ в виде изолиний или точечным способом (у В.Беша и авторов **HSS**) может дать лишь общую картину и должно опираться только на данные письменных источников. В качестве примеров можно привести картографирование границы дифтонгизации с.в.н. i: u: ü: (**Рис. 22**), распространение форм **gan/stan** (**Рис. 23**) и суффикса –nus (**Рис. 24**), соотношение форм причастия **gsin/gewesen** (**Рис. 25**), единую глагольную форму мн. ч. –nd (**Рис. 26**).

В.Беш предложил в качестве критериев, определяющих устойчивость ареальных черт конкурирующих ТВЛЯ, следующие:

- Geltungsareal und Landschaftskombinatorik (специфика ареального употребления).
- Geltungsgrad (частотность употребления),
- Geltungshöhe (уровень социальной престижности),
- Strukturprinzip (соответствие продуктивным тенденциям развития языковой системы). [49, S.1791]

Впрочем, в отношении единиц различных уровней языка (фонетика, грамматика, лексика) приоритетность и соотношение указанных факторов неодинаковы.

Несомненно, что в условиях постепенной интеграции территориальных вариантов литературного языка отмеченные выше признаки (изоглоссы) юго-западного ТВЛЯ обладали разной значимостью.¹ Первичным должен являться анализ их проявления и степени устойчивости в: а) *ведущих сферах письменности* и б) *типах текстов* (в том числе в печатных/рукописных), а также прагматической и социально-групповой маркированности.

¹ В.Мозер отмечает на материале некоторых памятников, что с.в.н. монофтонги исчезают в юго-западном узусе к началу XVII в. быстрее с.в.н. дифтонгов, т.к. дифтонгизация являлась общеюжнонемецкой новацией. [85, S.29-51] Т.о., признаки местного ТВЛЯ обладали различной лабильностью в субареалах юго-запада, что, однако, еще недостаточно исследовано.

2.4.2. Юго-западный узус в «метаязыковом измерении»

Важное значение для объективации признаков регионального письменного-литературного узуса юго-запада имеет их фиксация и оценка современниками, представителями наиболее коммуникативно значимой в данной сфере группы – «Schriftgemeinschaft der Gebildeten».

Как отмечает в своем обзорном исследовании И.Райфенштайн, с XVI века увеличивается число метаязыковых высказываний о региональных письменно-языковых формах. [94, S.1727] В первую очередь они маркируют фонетико-орфографические особенности, имея характер констатаций¹ и не различая часто устные/письменные формы. Исследователи отмечают, что на юго-западе, лидирующем в XVI веке по числу метаязыковых данных (!), устанавливается шкала положительной языковой оценки «regionale Sprachvorbilder»: Hochdeutsch (indifferent): + 9, Alemannisch: + 7, Meißnisch: + 4, Schwäbisch: + 4, Fränkisch: + 1 (цифры указывают на число зафиксированных источниками высказываний). [50, S.199]

При характеристике узуса юго-западного ТВЛЯ первенство здесь принадлежит швейцарским гуманистам и просветителям (первые лингвистические трактаты, риторики, публицистика). С.Зондерэггер классифицирует данные этих «Sprachreflexe» по трем группам: 1) bloßes Registrieren, 2) Feststellen von Differenzen (besonders in der Schweiz), 3) historisches Sprachverständnis. [113, S.20-22]

К первой группе относятся высказывания **Никласа фон Виле** в его известных «Translationen» (1478 г.) о языке вюртембергской канцелярии, с которой он был связан в 1470-е гг. Он отмечает узкий дифтонг **ei** как черту швейцарской письменной традиции в отличие от **ai** в швабско-вюртембергской («unser gezüנג»), где также представлена делабиализация **ü>u** и глагольные формы **gan/stan**. Имея значительный опыт канцелярской (в Швейцарии, Эслингене, Штутгарте) и литературно-переводческой деятельности, он констатирует значительную интерферированность письменно-языкового узуса юго-запада, оценивая это негативно («ain nuwes gougelspiel»).

Фонетико-орфографические особенности швабского и швейцарского субареалов разграничивает в своем учебном пособии базельский учитель и литератор-протестант **И.Кольрос** («Enchiridion», 1530 г.): различение дифтонгов и графем **ai(au)/ei(ey)**, отсутствие/наличие монофтонгов **i: u: ü:**. Последнее он считает важнейшим критерием: «Darumb ichs eim yeden heym

¹ Вопрос об оценке степени престижности узуальных регионально-языковых форм рассматривается нами в разделах, посвященных ведущим функциональным разновидностям юго-западного ТВЛЯ – «канцелярским языкам» и «языкам печатников». (См. Гл. 3. и 4.)

stell / syner spraach nach die selbigen [sc. Diphthonge!] zuosetzen vnd schryben.» В швейцарском узусе он отмечает сохранение дифтонга *ie*, а также *ou* по сравнению со швабским *au*.

Данные второго типа относятся к ситуации XVI века, в частности, к переизданиям в Швейцарии в 1520-е гг. первых переводов Библии Лютера. Так, базельские печатники **А.Петри**, а за ним **Т.Вольф** публиковали глоссарии непонятных местному читателю инорегиональных слов (1523 г.), снабжая их алеманскими синонимами.

Но наибольшую ценность имеют сведения, приводимые **К.Геснером** в латинском лингвистическом трактате «Mithridates, De differentiis linguarum» (Цюрих, 1555 г., глава «De lingua Germanica»). Сравнивая швейцарский (а) и швабский (б) узусы, он иллюстрирует их различия списком из 25 позиций (словарные и формальные альтернации), важнейшими из которых, по мнению С.Зондерэггера, являются:

- монофтонги **i: u: ü:** (а) - дифтонги **ei au eu** (б)
- узкий дифтонг **ei** (а) - широкий дифтонг **ai** (б)
- аффриката **ch** в начальной позиции (а) - начальный **k** (б)
- стяжение артикля (*shuß, dfrow*) (а) – полная форма (*das huß, die frow*) (б)
- синкопа в префиксе **ge-** формы Part. II (*gessen, gangen*) (а) – отсутствие синкопы (*gegessen, gegangen*) (б)
- некоторые лексические различия (гетеронимы). [113, S.93]

Г.Трюмпи отмечает также в «списке Геснера» как швейцарские грамматические изоглоссы единую глагольную форму мн. числа –**nd**, форму причастия II. **gsyn**, охарактеризованные выше **Kilch, nüt**. Но, по его мнению, некоторые зафиксированные явления ограничены ареалом Цюриха и являются рефлексамии диалектно-разговорной речи: стяжения глагольных форм типа **wott/wolt, treit/trägt**, переход **a>ā** в инфинитивных формах **sägen, läben** и др. [121, S.17]

Поэтому вряд ли можно рассматривать очерк К.Геснера как первую попытку систематизировать отличительные признаки языка Швейцарии, а именно областного варианта литературного языка. По мнению автора переиздания «Митридата» М.Петерса, Геснера интересует в первую очередь субстанция диалекта, хотя он отмечает и черты местной письменной традиции, например, графическое изображение [**i:**] как **ij/y/ii**. [90, S.38-39]

Другие, менее значимые источники рассматриваемого типа¹ также относятся к швейцарскому ареалу и фиксируют как основную особенность его узуса сохранение старых монофтонгов и узкий дифтонг **ei**.

¹ Это в первую очередь «Rhaetia» историографа Э.Чуди (Базель, 1538 г.) и «Teutsches Syllabienbüchlein» шульмейстера С.Гельбера (Фрейбург в Швейцарии, 1593 г.).

Данные третьей группы сконцентрированы в сочинениях **И.Вадяна** и его последователей-историков и связаны с обнаружением древневерхненемецких текстов в Сент-Галлене, которые отражали, по мнению гуманистов, «altschweizerische Sprache». Речь здесь идет по-прежнему об исторической устойчивости алеманских монофтонгов. [113, S.53] Подводя итоги, С.Зондерэггер полагает, что эти «метаязыковые данные» не дают целостной картины юго-западных (как впрочем и швейцарских!) особенностей письменного-языкового узуса XV-XVI вв., а скорее констатируют его интерферированность инорегиональными влияниями (Mischsprachförmigkeit) и открытость. [113, S.24-25]

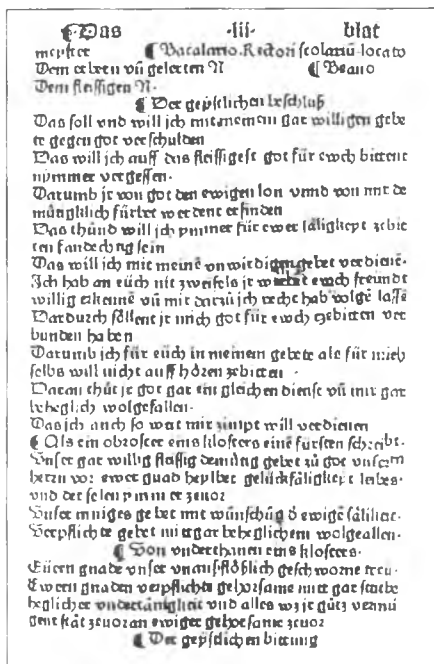

Титул «Зеркала истинной риторики» (Фрейбург, 1493 г.)

В этой связи лишь отчасти справедливо мнение о роли местных «ранних грамматистов»: «В пользу стойкости определенных черт юго-западного варианта литературного языка говорит и тот факт, что оба стилистических руководства XV века ... написаны на алеманском варианте литературного

языка».¹ [10, С.64] Многочисленные на юго-западе «квази-нормативные» письмовники, риторики, формулярии и грамматики были обязаны своим появлением активизации школьного дела в протестантских землях в 1530-е гг. Прокламируя «образцовость» своего языка, они однако не были ориентированы только на местный узуз.

Так, наиболее значительные из них – «Handbüchlin» вюртембергского секретаря **Й.Мейхснера** (Тюбинген, 1538 г.) и пособие **А.Хуга** (Тюбинген, 1532 г.), как, впрочем, и упомянутых **И.Кольроса** и **С.Гельбера**, нельзя рассматривать как «пособия по юго-западному ТВЛЯ». Как «субъекты языкового отбора» ранние грамматисты юго-запада, а тем более их издатель-печатники, не ориентировались только на регионального потребителя.²

Страница из «Формулярия и немецкой риторики» (Аугсбург, 1480-е гг.)

¹ Речь идет о первых немецких публикациях подобного рода – «Formulare und Teütsch rethorica» (Страсбург, 1488 г.) и «Spiegel der waren Rhetoric» (Фрейбург, 1493 г.).

² Примечательно, что цюрихское переиздание «Руководства» Кольроса 1564 г. было более регионально окрашено, т.е. речь можно вести о влиянии «языка печатника» на язык оригинала. (См. подробнее гл. 4.)

Глава 3

«Канцелярские языки» и язык немецкого письменнo-литературного языка юго-запада

начальный период становления общенемецкого литературного языка (конец XV - начало XVI вв.) т.н. «канцелярским языкам» исследователями традиционно отводится важная роль как движущей силе его интеграции и унификации (особенно на фонетико-орфографическом уровне). Отражая первоначально сферу региональной деловой коммуникации (*entlatinisierte Verwaltungs- und Geschäftssprache*) позднесредневековой Германии, охваченной противоречивыми процессами централизации и сепаратизма, они представляли собой многоаспектное явление. «Канцелярские языки» в XIV-XV вв. выдвинулись, несмотря на значительную социальную детерминированность и коммуникативную регламентированность, на роль ведущего функционального варианта письменно-литературного языка, что было более характерно для юга и запада немецкой языковой области.¹

Г.Мозер отмечает также их профессионально-групповую и жанрово-стилистическую маркированность: «Es ist deshalb ratsam, den Begriff «Kanzleisprache» als sprachhistorischen Terminus ausgehend vom *Spracherzeuger* zu definieren: Sprache/sprachliche Merkmale von *Texten*, die von Kanzlei(en)/Behörde(n) verfaßt sind.» (курсив наш. - С.Д.) [82, S.1398] Деловая письменность оказала определенное влияние и на узус позднесредневековой художественной прозы через эпистолярный и хроникальный жанры. Включая в сферу деловой прозы также городские хроники или переписку, многие исследователи связывали в итоге канцелярии с развитием «высокого стиля» в литературном языке. [15, С.143] Важное значение имело сохранение, в частности на юго-западе, традиции публичной презентации документов (*Vortragssprache der Urkunden mit gehobenem Tonfall*) и включение образцов канцелярских текстов в первые немецкие грамматики и письменники.

Автономность «канцелярских языков» как фактора эволюции письменно-литературного языка была обусловлена высоким социальным статусом канцелярий в период позднего средневековья и их связью в первую очередь с городской средой. До эпохи активного развития книгопечатания (1520-е гг.)

¹ В этой связи представляется удачным термин Н.Р.Вольфа: «überliefernder *Funktiolekt* einer bestimmten Kommunikationsgruppe und Schriftgemeinschaft» и приемлемой более широкой трактовка рассматриваемого феномена как «Geschäftsschreibe». [130, S.100]

«канцелярские языки» являлись важными репрезентантами региональных письменных традиций (*übergreifende Schreibformen*), хотя они и не оказали ввиду своей функционально-стилевой ограниченности решающего воздействия на формирование общенемецкого литературного стандарта, отступая в актуальной для него в XV-XVI вв. дихотомии «рукописный – печатный язык». [37, С.130]

3.1. Стратификация деловой письменности и канцелярские узусы юго-западного ареала

Примечательно, что возникновение и первоначальное становление языка канцелярских документов было связано именно с юго-западными высоко-развитыми городами Верхнего Рейна в конце XIII века, где локализуется до 88% всех ранних немецких грамот. [107, S.1774] Однако, как отмечает А.Широкауэр, эта традиция была вскоре прервана в условиях децентрализации Германии: «...das Übergewicht der rheinischen Städte im Geschäftsverkehr des 13. Jahrhunderts bleibt ohne sprachlichen Niederschlag». [100, S.862] С XIV века центр развития официально-деловой письменности переместился в восточные регионы, связанные с укреплением общенемецкой централизации (императорские земли Люксембургов, а затем Габсбургов), охватив более широкие, чем «Kanzleisprache», сферы администрации, права и торговли.

К началу XVI века функционально-стилистическая сфера «канцелярских языков» разрастается и дифференцируется: «...es handelt sich...um Zentralstellen...für das gesamte Schreibwesen. Dazu gehören neben Urkunden auch Aktenstücke, Rechts- Geschäfts- und Rechnungsbücher, ein ausgedehnter Schriftverkehr u.a.m., an dem nicht nur Kanzleien beteiligt sind». [55, S.23] К этой ситуации понятие «канцелярия» расширяется до «Schreibstube», т.е. всякого учреждения занимающегося изготовлением (перепиской) любых материалов и обладающего определенной переметностью.

Некоторые исследователи в этой связи предлагают рассматривать деловые документы как разновидности текстов (Textsorte) в системе т.н. «spätmittelalterliche Sinnwelten», относя их к «Alltagswelt»: «Dominante Funktion: Kommunikation zwischen Individuen und Gruppen zur Sicherung des materiellen und sozialen Lebensvollzuges; Einstellung auf pragmatische und jeweils aktuelle Handlungskontexte. Thematische Affinitäten: ...längerfristige Regelung des Sozialwesens; lebens- und gruppengeschichtliche Vergewisserung der Tradition.» [69, S.1356-1357] Поэтому тексты «делового языка» объединяются с широкой группой текстов информативного типа, эпистолярными и мемориальными жанрами, прозой т.н. *artes mechanicae*, пропагандистской литературой.

Деловая письменность юго-запада рассматриваемого периода также отражала взаимодействие и конкуренцию трех территориальных вариантов письменно-литературного языка: местного юго-западного, юго-восточного и восточно-среднемецкого, что было социо-функционально (высший/средний/низший уровни коммуникации), жанрово, хронологически и ареально стратифицировано. Это взаимодействие К.Матайер оценивает к началу XVI века еще как «конвергенцию», а не как «выравнивание». [77, S.385]

Как отмечает Ф.Чирх, через юго-запад Германии проходили «линии интересов» нескольких могущественнейших территориально-политических сил – Габсбургов, Виттельсбахов, а также косвенно Гогенцоллернов и Веттинов, что отразилось в структуре деловой письменности. Швейцария в данной ситуации занимала особое место. [122, S.91] (См. **Рис. 27**)

На высшем уровне деловой коммуникации юго-запад Германии являлся зоной взаимодействия и рецепции ведущих инорегиональных канцелярско-языковых типов: австрийского Gemeines Deutsch (императорская венская и придворная габсбургская канцелярии, переднеавстрийские и имперские структуры¹) и «саксонского» (восточно-среднемецкого). Роль последнего усилилась в 1490-1500-е годы. Политическим фоном «альянса канцелярий» до эпохи религиозного раскола был поиск Габсбургами союзников в централистской реформе среди территориальной элиты юго-восточных (баварские Виттельсбахи) и восточно-среднемецких (саксонские Веттины) земель.²

Как показал в своем фундаментальном исследовании Г.Мозер, габсбургская канцелярия Фридриха III еще не имела общеимперского статуса.³ Лишь усилиями Максимилиана I достаточно быстро был достигнут «канцелярский централизм» в борьбе с властными претензиями майнцского архиепископ-рейхсканцлера Бертольда⁴, в ходе интеграции локальных канцелярий габсбургских провинций и введения римского права. В частности традиция переднеавстрийской канцелярии сложилась в рамках тирольской администрации (центр – Инсбрук) и не выделялась на «общеимперском фоне». [81, S.12]

¹ Это в первую очередь, помимо органов Швабского союза и управления имперскими округами, сеть имперских городов, имперская судебная палата в Эслингене и имперский суд в Роттвейле.

² С 1496 г. курфюрст Фридрих Саксонский исполнял обязанности Reichsverweser на время отсутствия или болезни императора, а в 1519 г. – регента до избрания нового императора.

³ Реально это была придворная канцелярия. См. подробнее: D.Noord (k. Untersuchungen auf dem Gebiete der kaiserlichen Kanzleisprache im 15. Jahrhundert. Amsterdam, 1925.

⁴ Т.н. Römische Kanzlei архиепископа просуществовала как альтернатива к имперской Hofkanzlei (создана в 1490 г.) лишь в 1494-1502 гг. и не оказала заметного влияния на ее узус.

В XV-XVI веках «канцелярские языки» крупных центров характеризовались уже наличием устойчивых узусов (*Usus der Institution*), нивелировавших прежние индивидуальные узусы (*Schreiberhände*), хотя они имели скорее характер «открытой нормы». В этой связи справедливо замечание У.Д.Степуна: «Kanzleinorm ... ergibt sich nicht durch Dominanz sprachpflegerischer Absichten. Vielmehr soll sie Erhaltung eines politischen und sozialen Systems im sprachlichen Bezug dienen. Wenn von Erhaltung eines Systems gesprochen wird, ist dann die Tendenz zur Vergrößerung inbegriffen».[115, S.128] Так, надрегиональный узус имперской канцелярии (центр – Вена) был первичен по отношению к жанру деловых документов и оказывал *абсолютное* индуцирующее влияние на локальные канцелярские традиции соседних территорий (*übersteigernde Verbindlichkeit*).

В восточной Швабии *Gemeines Deutsch* («Donauisch») уже с конца XV века благодаря престижности являлся первичной формой надрегиональной деловой коммуникации (*Schreibkoine des Südens*) через посредство придунайских имперских городов (особенно Аугсбурга и Ульма)¹. В целом на юге Германии к XVI веку в высших сферах делопроизводства доминировал т.н. «institutionelles Autoritätsprinzip». [81, S.216-217]

По мнению Г.Эггерса, «канцелярский язык» Аугсбурга как и «венский» следует рассматривать в рамках единого индуцирующего типа, распространение которого на юго-западе обеспечивали также канцелярии крупных торговых центров (Базель, Страсбург). [55, S.143] Воздействие традиций саксонской (курфюршеской) канцелярии получило дополнительные стимулы с принятием лютеранства на юго-западе с 1520-х годов.

Если в XIV веке «*Geschäftssprache*» юго-запада Германии был еще достаточно локально дифференцирован на уровне городских канцелярий (швабский, нижнеалеманский типы), имея тенденцию к региональной унификации, то к концу XV века вряд ли можно говорить о едином «канцелярском языке» юго-запада империи. [55, S.69-70]

Даже вице-канцлер наиболее независимого в политическом отношении вюртембергского двора Никлас фон Виле, консервативно отстаивавший своеобразие швабской традиции, констатировал уже в 1470-е гг. повсеместное утверждение через посредство городских канцелярий австрийских особенностей: «Vnd mich wundert, daz etlich Stattschreiber mir bekannt sölich von jren substituten lyden tuont, so bald sy etwas nüwes sechen uß ains fürsten cantzlie vsgangen, ob es wol nit grundes haut und vnrecht ist, noch dann das bald vffassent vnd sich des gebruchent wie die affen.» [N.W. - S.352]

¹ Эти города, а также Констанц, были важнейшими «поставщиками» кадров городских канцеляристов.

Профессиональные канцеляристы юго-запада как ведущие представители письменной культуры крупных и средних городов, княжеских дворов и клерикальных скрипториев определяли характер языка деловой письменности в ориентации на наиболее престижные центры (в регионе это Аугсбург и Ульм), без чего **невозможна** была реализация основной его функции - воздействия и управления социальным поведением (Verwaltungssteuerung und Direktivstil).

Высокий социальный и образовательный статус способствовал превращению их в значительные фигуры политики, юрисдикции, литературы и гуманистической культуры.¹ Достаточно упомянуть С.Бранта (в 1503-21 гг. эрцканцлер Страсбурга, где находилась крупнейшая в регионе канцелярия), И.Рейхлина (верховный судебный заседатель в Штутгарте), К.Пойтингера (секретарь совета Аугсбурга и советник Габсбургов), литератора-переводчика Н. фон Виле, швейцарца Н.Мануэля (член совета Берна и наместник).

Для канцеляристов высшего ранга в рассматриваемый период характерен уже определенный уровень компетенции – детальное знание и использование особенностей узусов наиболее значительных канцелярий. Г.Филипп отмечает также преодоление в их практике прежней «социальной диастратии»: 1) Sprachgeber – Schreiber / 2) Sprachträger – Verwaltungsbeamter. [92, S17]

К среднему уровню деловой коммуникации юго-запада следует отнести канцелярскую практику в малых городах. Ее специфику продемонстрировал В.Беш, исследовав локальные канцелярии южно-швабских Виллингена и Роттвейля, представленные полупрофессиональными писцами.² Их «sprachliche Ausgangsposition» недостаточно ориентирована на надрегиональный узус, а слабая компетенция писцов проявлялась в наличии «Sonderschreibungen» и гиперкорректных написаниях в текстах узлокальной или личной сфер (письма, купчие, бухгалтерские книги).³ Однако, чем выше был статус документа, тем заметнее была доля «Normalschreibungen», что проявлялось даже в практике одного лица.

Характерно, что в период антикрепостнических волнений и Крестьянской войны на юго-западе (1510-20-е гг.) крестьянские отряды вели активную канцелярскую деятельность, составляли обращения, правовые документы (например, известное стайное письмо), что свидетельствовало об определенной демократизации «канцелярских языков». Г.Эггерс в этой связи

¹ См. подробнее: G.Burger. Die südwestdeutschen Stadtschreiber im Mittelalter. Böblingen, 1960.

² См. подробнее: W.Besch. Studien zur Lautgeographie und Lautgeschichte im obersten Neckar – und Donaugebiet. Freiburg (Breisgau), 1961.

³ Это касается, например, неразличения форм лабиализации/делабиализации: miller вместо Müller, kúnder вместо Kinder.

сопоставляет понятия «Geschäftssprache» и «nichtliterarische Überlieferung». [55, S.24]

Своеобразие юго-запада проявилось в наличие значительного пласта деловой письменности низшего уровня, охватывающей с XIII века также негородскую сферу (domaniale Güteradministration). Как важнейший регион аграрного производства юго-запад отличался преобладанием мелкопоместной, вотчинной системы и как следствие - развитием отношений аренды, что отразилось в широкой сфере локального делопроизводства (поземельные кадастры, расписки, межевые записи и др.). Эти документы (до конца XV века) были обследованы в рамках историко-диалектологической программы университета Фрейбурга (более 110 Schreiborte). (См. 2.1. - 2.2.)

По мнению исследователей, деловая письменность этого типа отражала не письменно-литературные формы, а являлась «Schriftdialekt», приближаясь к стилизованным записям (формульность, специальная лексика, латинизация) устной речи крестьян. [74, S.169-176] Их авторы не были опытными канцеляристами (schreibende Personen, ortsansässige Beauftragte), что проявилось в диалектной окраске языка, первичности индивидуального узуса (Schreiberhand) и неуверенном владении надрегиональным узусом (наличие гиперкорректных написаний).

Кадастры отличались отсутствием свойственного для обычных канцелярских документов соотношения: «lokalsprachliches Konzept/überregional ausgeglichene Reinschrift», что приближало их к протоколам. Примечательно также, что в кадастрах заметно влияние письменных традиций церковных провинций (особые разновидности латинизации), т.е. форм делопроизводства более ранних по отношению к городской канцелярской письменности. [74, S.170]

Но даже на уровне сельских документов в субареалах юго-запада с развитым администрированием усиливается воздействие надрегиональных узусов (габсбургской канцелярии в южном Эльзасе, городских канцелярий в регионах Штутгарта или Аугсбурга, орденского скриптория в Майнау на Боденском озере и др.). Таким образом, и локально консервативный язык кадастров имел тенденцию к надрегиональности: «Die Urbarsprache als Rechtssprache kann sich von der gesprochenen Sprache entfernen, was bei schematisch angefertigten Renovationen direkt nachweisbar ist». [72, S.840]

«Urbarsprache» юго-запада не мог стать основой канцелярской письменности региона в виду социофункциональной ограниченности, затухая за рамками XV века вне связи с другими разновидностями «канцелярских языков» и уступая место надрегиональным образцам городских канцелярий. Кроме того, как отмечает Н.С.Бабенко, канцелярское делопроизводство, охватывая не более 10% населения позднесредневековой Германии, даже

расширяя сферы письменной фиксации языковых форм, более служило документальным, а не коммуникативным целям. [1, С.91]

3.2. Прагматика и диапазон варьирования региональных черт в деловой письменности

«Канцелярские языки» юго-запада конца XV – начала XVI вв., за исключением, пожалуй, швейцарского субареала, в меньшей мере привлекали внимание исследователей как самостоятельный объект (*suū genesis*), оцениваясь в основном как фон общенемецких интеграционных процессов.¹ [52, S.4]

В данном исследовании памятники деловой письменности юго-запада (это рукописные тексты) рассматриваются нами не как стилистическое явление (письменные жанры канцелярской прозы), а как репрезентанты регионального узуса ТВЛЯ в период 1470-1520-х годов. За рамками этого периода престижность их повсеместно снижается, что фиксируется в метаязыковых оценках современников (например, швейцарцем Э.Чуди, эльзасцем И.Фишартом). [55, S.189-190]

При этом исключительное значение имеет прагматика текстов и привлечение источников не только документального типа (*Urkunden, Gesetze, Akte*), т.е. имеющих юридическое информационно-удостоверяющее значение, но и ранее оценивавшихся исследователями как периферийные (*Brief, Sendbrief, Schreiben*). Данные типы текстов имели более «гибкую» прагматику, менее консервативны стилистически и в репрезентации актуального узуса, являясь связующим звеном с художественной прозой и информационными жанрами и отражением новых тенденций в письменной культуре.

Узуальные особенности юго-западного ТВЛЯ рассматриваются нами далее в текстах исходя их следующей системы (См. также 2.4.1. – 2.4.2.)²:

Фонетические признаки

а) абсолютно устойчивые:

- отсутствие дифтонгизации с.в.н. *i: u: ü:*
- отсутствие монофтонгизации с.в.н. *ie uo üe*
- отсутствие удлинения с.в.н. кратких гласных в открытом слоге

¹ См. библиографические обзоры: St.Sonderegger. Die schweizerdeutsche Mundartforschung 1800-1959. Frauenfeld, 1962. - S.262-265, 278-280. R.Börlin. Die schweizerdeutsche Mundartforschung 1960-1982. Aarau, 1987. - S.150-153. G.W.Baur. Bibliographie zur Mundartforschung in Baden-Württemberg, Vorarlberg und Liechtenstein. Tübingen, 1978. - S.189-192, 198-199.

² Курсивом выделены признаки, дополнительно маркированные метаязыковой оценкой современников. Признаки а) можно определить как *примарные* (первичные), б) – как *секундарные* (вторичные).

б) относительно устойчивые:

- сохранение узкого с.в.н. дифтонга *ei* и отсутствие расширения с.в.н. *ou* > *au*
- сохранение с.в.н. *u/ū* вместо *o/ō* перед носовыми согласными
- делябиализация *ū* *ō*
- аффриката *ch*

Фономорфологические признаки

а) абсолютно устойчивые

- глагольные основы *gan/stan*
- единый глагольный показатель Plur. Präs. Ind. – *nd*
- частотные синкопы и апокопы

б) относительно устойчивые:

- форма причастия II *gsin*
- словообразовательные суффиксы существительных: абстрактных – *nus*, диминутивов – *li/-lin/-i*.

В памятниках деловой письменности региона эти признаки образуют значительный диапазон варьирования, что обусловлено комплексом прагматических, стилистических, эстетических и других причин. В данном исследовании нас интересует в первую очередь то, какие из элементов регионального узуса обладают наибольшей устойчивостью (проявляются в большинстве форм). Следует учитывать также рефлексы единиц диалектного уровня. В частности швабскую дифтонгизацию *a:* > *au* и переход *a:* > *o:* в алеманском.

Ввиду крайней ненормированности графики ранненововерхненемецкой деловой письменности наибольшие трудности представляет идентификация графического отражения узкого дифтонга [*ei*], а также [*ie*] и обозначение краткого гласного в открытом слоге (как правило последующим удвоением согласного). Поскольку тексты деловой письменности обладают различным, часто небольшим, объемом (особенно корреспонденция), частотность (встречаемость) в особенности морфологических признаков незначительна.

3.2.1. Документы региональных организаций (Швабский союз)

Интересным отражением высшего уровня региональной деловой коммуникации юго-запада являются канцелярские документы Швабского союза, отложившиеся в основном в архивах вюртембергских городов. Существование союза (1488-1533 гг.) стало уникальным феноменом в социально-политической истории позднесредневековой Германии и юго-запада в частности. Возникнув в имперском Эслингене на базе местных традиций¹, союз

¹ Достаточно упомянуть швабский союз городов и эльзасский Декаполис (XIV в.) и непосредственного предшественника союза – рыцарский союз Св. Георга, основанный в 1436 году с центром в Ульме.

вскоре стал важным элементом имперской реформы, призванной примирить внутритерриториальные споры на юге империи (между Баварией, Вюртембергом, городами и т.д.) в рамках «Landfrieden» и консолидировать рыцарство, города и князей как «союзные сословия» (Bundesstände).

Со вступлением в 1490 году в союз императора (на правах территориального князя!) первый активнее приступил к регулированию судебных, административно-финансовых и военных вопросов экстерриториального характера, что привело к обострению противоречий между княжеской и городской куриями, имперских и локальных интересов. [39, С.110-112] Как орган квази-имперского централизма Швабский союз реально распался уже задолго до своего официального роспуска, проиграв и в противостоянии со Швейцарией.

В языковом плане документы Швабского союза демонстрируют интегрирующее влияние социально-политического фактора на узус деловой письменности (в основном городов как центров союзного делопроизводства) до начала периода активных общенемецких интеграционных языковых процессов. При этом воздействие юго-восточного узуса Gemeines Deutsch напрямую не связано с диктатом центральной власти, который отвергался членами союза.¹

Документы союза носят в основном правовой (директивный) характер, жанрово чрезвычайно разнообразны (Abschied, Verschreibung, Vertrag, Instruktion, Missiv, Mandat и др.) и характеризуются высоким уровнем развития официально-канцелярского стиля. В качестве материала исследования нами были отобраны 7 текстов², отражающих разные временные срезы, локальные/надрегиональные сферы и аспекты деятельности союза, сконцентрированной в регионе Вюртемберга (швабский субареал) до начала 1520-х гг., когда он перешел под контроль баварских герцогов:

- 1) постановление совета союзных городов (Ройтлинген, 1488 г.);
- 2) послание В.Бессерера³ совету Эслингена (Ульм, 1488 г.);
- 3) окружное решение союзных сословий (Zirkel am Kocher) (Эльванген, 1488 г.);
- 4) постановление совета союзных сословий (Ульм, 1492 г.);

¹ Император именуется в документах союза лишь как «(römische) kaiserliche Majestät», а княжеская и городская курии нередко проводили свои съезды раздельно. (Ср. 3.2.3.)

² См. Список источников: U. – S.25-27; 34-35; 74-75; 448-450; 528-530 (тексты 1-6). Текст 7 (об объявлении войны Ульриху Вюртембергскому; Штутгартский архив) опубликован в: Kaiser. König. Kardinal. Deutsche Fürsten / Hrsg. von R.Straubel und V.Weiss. Berlin, 1991. – S.213.

³ Бургомистр Ульма – метрополии союза, командир союзных войск от городов, представитель старинного патрицианского рода. Данный тип источника приближается к рассмотренным в разделе 3.2.3., отражая однако внутрирегиональную деловую коммуникацию директивного характера.

- 5) постановление общесоюзного съезда (Швабский Галль, 1502 г.);
- 6) постановление общесоюзного съезда (Аугсбург, 1505 г.);
- 7) воззвание союзного съезда подданным Вюртемберга (Ульм, 1519 г.).

Все данные тексты слабо отражают узуальные признаки юго-западного ТВЛЯ и не образуют при этом значительного диапазона варьирования. Своей региональной окраской выделяется лишь самый ранний из них – 1, хотя и здесь нельзя констатировать последовательной фиксации юго-западных изоглосс. В качестве примера приведем отрывок из характерного своим объемом предложения в этом постановлении (примарные изоглоссы выделены *курсивом*, вторичные – подчеркиванием):

«Uff das *hand* (= haben) die erbern stettbotten von hindersichbringen davon geredt, nachdem sich baid tail yezo *uff* disem tag nit *mochten* verglichen, dasz dann yeglich statt durch jr rechner, *by* den ayden, die sy darumb vor irem raut(= Rat) *schwerend*, all ir *stüren*, umbgelt, zöll, rent und gilt, und *gemeinlich* alles ir jnnemen, *by* heller und pfenning, aigentlich in summ berechnen, und darlegen *sullend*...» [U. - S.27]

Из первичных юго-западных признаков во всех текстах относительно последовательно отражены лишь апокопы. Остальные изоглоссы представлены sporadически в отдельных словах (словоформах). Так, долгие с.в.н. *i*: *u*: отражены только в предлогах и производных с ними: *uff*, *us(z)*, *by* (*doruff*, *uffrurn*, *daby*, *uffgebott*, *usgeschrieben*, *bystand*).

Нетрудно заметить, что эти единицы чаще входят в устойчивые обороты канцелярско-правового языка: *uff disen tag*, *uff jetzo montag*, *uff die maynung*, *uff sollich*s. Долгий с.в.н. *ü*: отмечается только в «терминологических рефлексках» - *Steuer* «налог»: *stür*, (*ver*)*stüren*, *stürer*, *stürbücher* (текст 1), или *Freund* «партнер»: *früntlich*, *fründschaft* (текст 7). Рефлекторный характер в старой правовой лексике носят также изоглоссы *ch ou üe*: *churfürst*, *houptmann*, *güeter* «милости» (тексты 1-3, 6, 7), как впрочем и краткие гласные в открытом слове: *innwonner*, *botte*, *vatterland* (там же). Поэтому отражение примарных юго-западных изоглосс можно отнести к остаточным явлениям местного канцелярского языка XIV-XV веков.

Более полно отражены в рассматриваемых текстах вторичные фонетические признаки юго-западного узуса: делабиализации *ö ü*, переход *ö/o* перед носовыми в *ü/u* и узкий дифтонг *ei*, являясь основными его репрезентантами в документах Швабского союза. Морфологические изоглоссы, как примарные так и вторичные, отсутствуют (за исключением отдельных форм в текстах 1 и 2: *stilston*, *entstan*, флексии *-nd*). Узколокальные (диалектные) признаки представлены единично в тексте 1: это швабская дифтонгизация *a*:>*au*, очень редко переход *a*>*o*.

Таким образом, документы Швабского союза отражают относительно быстрый переход канцелярской письменности юго-запада высшего уровня

(verbindliche Verwaltungskommunikation) в ситуации внутри- и межрегиональной коммуникации, сконцентрированной в имперских городах, на узус *Gemeines Deutsch*.

3.2.2. Памятники городского права

Документы позднесредневекового городского права являются по-своему классическими источниками по истории деловой письменности, отражая ее важнейшую сферу – урбанистическую юрисдикцию, выделявшуюся на фоне других видов права (*Hof-, Lehn-, Dienst- und Landrecht*). Многоаспектное в своей основе *jus urbis* реализовывало представительскую власть, личное право, отношения городской автономии и т. д. Как отмечает Н.Ф. Колесницкий, городское право Германии XV-XVI вв. отражало тенденцию к патрициальности, ограничению прав низших сословий, что активизировало борьбу как в горсоветах, так и в отношении внешних субъектов (императора, князей, феодалов и церкви). [21, С.49]

Право юго-западных городов отличалось значительной преемственностью и традиционностью. Здесь различались т. н. *Stadtrechtfamilien*: *Mutterrechtstadt* → *Tochterrechtstädte*.¹ Но, с другой стороны, в регионе сложилась своеобразная сеть имперских городов как автономных субъектов империи, а швейцарские полисы активно формировали свое правовое пространство².

В качестве материала исследования нами были отобраны 5 текстов, отражающих городское право юго-запада 1450-80-х гг., т. е. до периода введения римского права (с 1500-х гг.), имперской реформы, усилившей консолидацию *Reichsstädte* (выделены далее *курсивом*) и сплочения швейцарских городов в рамках «Союза 13».³ Данный период отражает срез относительно автономного развития городов региона как субъектов права:

- 1) протокол судебного разбирательства (*Базель*, 1453 г.)
- 2) договор о совместном пользовании мостом (*Цюрих*, 1470 г.)
- 3) договор с монастырем Св. Иоганна о подданных (*Сент Галлен*, 1470 г.)
- 4) протокол заседания горсовета об охране (*Аугсбург*, 1473 г.)
- 5) присяга сословий о деятельности горсовета (*Страсбург*, 1482 г.)

¹ Например, Фрейбург (Брейсгау) имел центральный статус *Oberhof* (*Berufungsgericht*) и права *Rechtbelehrung* для «дочерних городов».

² В Базеле К.Моммзен отмечает наличие 5-6 различных канцелярско-юридических учреждений (светских, церковных, частных). [79, S.160] Городское право, как правило, закрепляло статус канцелярского персонала, участвовавшего также в юридической и языковой кодификации.

³ См. Список источников: *Z.S.* – S.209-210. (текст 2). *G.Ph.* – S.154-155. (текст 3). *G.K.* – S.35-36. (текст 4). *Ch.* – S.946-947. (текст 5). Базельский протокол опубликован в исследовании Э.Э.Мюллера. [87, S.470]

Эти документы представляют отмеченное выше значительное многообразие и динамизм правового пространства города: феномен «городского монастыря» и его борьбы за независимость от опеки городом (3), усиление цеховой демократии, представительской власти и упорядочения юрисдикции муниципалитета (1, 4, 5), регулирование отношений с мелкопоместной властью и другими городами (2). В выборке представлены города различной величины: крупные (Страсбург – ок. 25 тыс. и Аугсбург – ок. 18,5 тыс.), средние (Базель – ок. 10 тыс. и Цюрих – ок. 5 - 6 тыс.) и малые (Сент Галлен – менее 4 тыс.).

Наиболее архаичны в стилистическом плане тексты 3 и 5, отмеченные традиционными канцелярскими формулами типа: «wir bekennen und thuond kunt allermengklich offenbar mit disem brief, das...» [G.Ph. - S.154]; «wir verjehen und bekennen mit disem gegenwürtigen briefe, das...» [Ch. - S.948]

И.Н.Мадуева, исследуя явления лексико-стилистического варьирования в формульных элементах южно-немецкой деловой письменности XIV-XV вв., констатирует параллельное употребление форм bekennen/ verjehen/ kunt tun как отражение процесса раннего юго-восточного влияния в швабско-алеманском ареале. [22, С.10-12] Однако это отнюдь не означало быстрого вытеснения фонетико-морфологических признаков юго-западного узуса.

Тексты городского права не образуют заметного диапазона варьирования в отражении черт юго-западного ТВЛЯ, отличаясь стабильно значительной региональной окраской. Для данных источников характерно наличие небольшого числа т.н. Sonderschreibungen типа: lanndttag (2), ettwazz (1), maalczeit (4).

Из первичных изоглосс наиболее последовательно отражены фонетические: **u:**. дифтонг **uo** и апокопа, несколько менее последовательно – **i:** **ie**, а также флексия –**nd**. Остальные признаки представлены спорадически, а **ü:** в делабиализованном варианте **u:**: **nuw**, **werklute**, **huser** (тексты 4 и 5). Практически отсутствуют дифтонг **üe** и синкопы (за исключением отдельных словоформ в тексте 2).

Характерной особенностью рассмотренных текстов является слабое отражение в них секундарных признаков юго-западного узуса. Относительно последовательно отражены лишь фонетические: делабиализация и несколько реже переход перед носовыми **o/ö > u/ü**. Спорадически отражены дифтонги **ei ou**, а морфологические черты полностью отсутствуют (единичны рефлексы суффикса –**lin**).

С другой стороны почти все тексты (кроме 2) отражают важные диалектные изоглоссы: швабскую дифтонгизацию **a:>au** и переход **a>o** в алеманском: **do**, **jore**, **donoch** (**da**, **Jahre**, **danach**), разговорные стяженные формы типа **geseit**(**gesagt**), **suss**(**sonst**), **eym**(**einem**), полногласие в формах глагольной флексии: **hetti**, **sprichet**.

Столь своеобразный «альянс» примарных черт письменного узуса и диалектных изоглосс отличает лишь некоторые тексты частной переписки (См. ниже 3.2.4.) и маркирует ориентированность текста на локальную коммуникацию. Ее признаком является также использование разговорных форм имен, что характерно, например, для текста 1 (выделены курсивом):

«Item hat geseit *Urselin Brenners*, und die sprichtet daz es nu in der vasten beschehi uff einen tag ze abent, als man zem salve Regina gelutet hatt, daz da *die Schröterin* hein zuo ir frowen *der Frechinen* wurde komment, und mit ir redend ob si ir die spinnlen als si ir garn ze koffende geben hatt geleret und gesuochet hetti, antwurte ir *die Frechina...*» [87, S.470]

Э.Э.Мюллер определяет данное явление как «балансирование» между диалектом и канцелярским языком: «Der wechselnde Anteil von Schriftsprache und Mundart läßt sich oft nur am Ganzen eines Satzes, ja überhaupt innerhalb des Ganzen eines Schriftstücks beurteilen», что характерно для «inneren Gebrauch der Gerichtsprotokolle.» [87, S.465,469]

3.2.3. Факторы адресата и отправителя корреспонденции

При анализе узусов деловой письменности, в частности корреспонденции, традиционно акцентируется внимание на действии прагмафактора «адресат — отправитель». Так, в одном из новейших исследований Р.Меллер отмечает первостепенность критерия «innen-außeregionale Orientierung der Kanzleibriefe», при этом фактор «sprachliche Empfangsorientierung» является показателем «смены языка деловой коммуникации». [80, S.2] По его мнению, до начала XVI века доминанта «Empfangsorientierung» и нивелирование признаков «узуса отправителя» в текстах данного типа не имели абсолютного характера, поскольку конкурировавшие ТВЛЯ не составляли еще «шкалу соподчинения», а «относительно равноправного сосуществования». [80, S.289] В этих условиях употребление канцеляристами инорегиональных узусов являлось лишь показателем их компетенции.¹

Выводы Р.Меллера актуальны в контексте данного исследования, поскольку он также рассматривал «периферийно-окраинный ареал» с точки зрения сложения общенемецкого «предстандарта» (западно-средненемецкий на примере Кельна). В частности, анализируя послания кельнскому совету из Страсбурга, он отмечает их приверженность нижнеалеманскому узусу, а также региональную консервативность и отсутствие действия «фактора адресата» в письмах из Базеля (имеется в виду только переписка на уровне крупных городских канцелярий!). [80, S.256]

¹ Данный тип канцелярской коммуникации Р.Меллер обозначает как «Semikommunikation», т.е. ситуацию, когда инорегиональный узус воспринимается отправителем текста, остающимся в рамках региональной традиции, как «passiv verstandene Varietat». [80, S.20]

В качестве материала исследования нами были отобраны 15 рукописных оригинальных текстов до 1500 года (т.е. до начала активного распространения Gemeines Deutsch) разнотипных отправителей¹, представляющих все три субареала юго-запада. Тексты обозначаются авторами как Brief (также Schreiben, Revers) и адресованы максимально престижным органам (в основном инорегиональным - в Вене и Инсбруке: *a - б*):

а) в имперские канцелярии Фридриха III и Максимилиана I:

- 1) послание городского совета Эслингена (1456 г., об отправке писца);
- 2) послание совета Цюриха (1494 г., о посылке канцеляриста);
- 3) послание В. фон Лейдена из Базеля (1494 г., о деятельности имперских слуг);
- 4) послание В. фон Хомбурга из Линдау (1494 г., о найме солдат);
- 5) послание совета Шафгаузена (1496 г., об урегулировании спора);
- 6) послание графа Ф. фон Цоллерн из Роттенбурга (1496 г., о ситуации в регионе);
- 7) послание Р. фон Вайсбриаха из Бадена (1497 г., о состоянии дел);
- 8) послание М.Шпайдера из Аугсбурга (1497 г., о состоянии дел);
- 9) послание Г.Пернольта из Фрейбурга в Брейсгау (1498 г., о состоянии дел);
- 10) подтверждение от писца из Сент Галлена И.Шенкли (1498 г., о приеме на службу);

11) заявление от совета Ульма (1498 г., о положении евреев);

б) в канцелярию переднеавстрийского правителя Зигмунда Тирольского:

- 12) послание фогта Г. фон Заксенгейма из Хорба (1471 г., о владениях);
- 13) послание графа Ульриха V Вюртембергского из Кирхгейма (1473 г., о получении владений);

в) в канцелярию имперского суда в Роттвейле:

- 14) жалоба монастыря Св.Фомы в Страсбурге (1461 г., по поводу тяжбы);

г) в крупнейшую региональную канцелярию Страсбурга:

- 15) послание городского совета Эслингена (1453 г., по поводу тяжбы).²

К отправителям высшего регионального уровня относятся городские советы (1, 2, 5, 11, 15), которые на юго-западе традиционно маркировали послания упоминанием бургомистра («Bürgermeister und Rat zu...»).

¹ См. Список источников: П 1. – S.38; 46-47; 76-77; 89-90; 100; 181-183; 202-205 (тексты 2-11). П 2. – S.270-271 (тексты 12-13); G.K. – S.32-33 (текст 14). R.Sch. – S.386-387 (тексты 1, 15).

² Авторами некоторых текстов были известные канцеляристы (Н. фон Виле: 1, 15) или имперские чиновники (порученцы, уполномоченные) в регионах (3, 4, 8, 9, 12). Документальный (повышенный) статус имеют послания (в частности Revers), скрепленные печатями (2, 9, 10, 11, 14). К текстам, которые, вероятно, были записаны не в канцеляриях, следует отнести 3, 4, 7, 8.

Примечательно, что ни один из текстов не отражает полностью и абсолютно последовательно примарные (наиболее устойчивые) признаки юго-западного узуса. Если расположить их в порядке убывания полноты отражения признаков данного типа, то получится следующая последовательность (диапазон варьирования): 14; 4/5; 6; 3; 1; 2; 13; 15 → 8; 7/10; 11; 12/9. Региональную окраску девяти текстов (в перечне выделены *курсивом*), т.е. 60%, следует оценить как значительную.

В остальных текстах примарные признаки юго-западного узуса представлены спорадически: в частности в посланиях 9-12 не представлены с.в.н. монофтонги и дифтонги (за исключением *ie*) и краткость гласного в открытом слоге. Данные послания демонстрируют явную ориентацию на канцелярский узус адресата (*Gemeines Deutsch*), а в случаях 7-11 хронологический фактор играет особую роль: конец 1490-х гг. отмечен укреплением авторитетности узуса адресата – имперской канцелярии Максимилиана I. Канцелярскими архаизмами типа *hinfuro*, *yetzo* отмечены тексты 10 и 11.

Узколокальные (диалектные) черты в рассматриваемых текстах фрагментарны и маркируют направленность на конкретного адресата (лицо). Так, страсбургский текст 14 предназначался судье в Роттвейле И.фон Зульцу, уроженцу Оберланда, и содержит инорегиональный швабский дифтонг (только в обращении!): «*Dem wolgebomen Herren Grauf.*»

Графической вариантностью (обилие *Sonderschreibungen*) выделяются тексты 6 и 7, что выдает неопытного канцеляриста или автора, склонных к элементам «фонетического письма». Например, в тексте 6 типичны (немотивированные?) скопления согласных: *usss*, *lasss*, *nacht*; обозначение гласного [u] как *u/v/w*: вариативность написания: *Thubingen/ Tubingen Dubingen*, а для текста 7 характерно неразличение фонем [b] и [w]: *gebenes, wriefs. win (gewesen, Briefes, bin).*

В качестве примера приведем отрывок из текста 6, помеченного отправителем *In Ir Mt. eygenen hannde*: «*Aller gnedigster king, ich lasss W. kin. Mt. vndertheniglich wissen, das mir herczog Eberhart zw Wirttenberg mitt aigner hand geschriben vnd das hochest hermantt vnd gebetten hatt, mich van stund an by tag vnd nachtt zw jm zw fuegen.*» [П.1.- S.100]

В целом фактор адресата не является доминирующим для данного типа текстов. Интересным исключением является текст 10, где отказ от швейцарского узуса в пользу *Gemeines Deutsch* мотивирован приемом на службу и желанием автора продемонстрировать свою компетенцию (юго-западные изоглоссы спорадичны: *vss*, *diener*, *brief*). Юго-восточная окраска текстов 7-9, 11-12 объясняется также авторством местных имперских чиновников.

Среди примарных признаков юго-западного ТВЛЯ в канцелярской переписке наибольшей устойчивостью обладают фонетические: монофтонги *i: u:* и дифтонг *ie*, а также синкопы и апокопы. Менее устойчивы дифтонги *uo ue* и монофтонг *ü:*.

Секундарные признаки отражены достаточно полно. Из них наиболее устойчивы также фонетические: делябиализация *ö ü* и переход *o/ö>u/ü* перед носовыми, дифтонг *ei*. Менее устойчивы дифтонг *ou* и аффриката *ch*. Морфологические признаки одинаково слабо устойчивы, к тому же их встречаемость в рассмотренных текстах, небольших по объему, невелика.

С точки зрения суммарного отражения первичных и вторичных признаков юго-западного узуса тексты 1-15 образуют регрессирующую последовательность, порядок которой не отличается от указанного выше.

Более детальное сравнение узуальных особенностей текстов возможно при наличии в них идентичных фрагментов – формульных обращений (в частности к императору), что отличает однако лишь некоторые послания (2, 3, 5). Ср. формульные фрагменты в исходящем послании императора (а) и в текстах 2 и 5, датированных 1494-96 гг., где отражены лишь монофтонги *i: u:*, делябиализация и апокопа:

а) «Wir Maximilian von gots gnaden römischer künig zu allen czeiten merer des reichs, erzherzog zu österreich ...etc.»;

2) «Dem allerdurchluchtigisten hochmechtigisten vnd vnüberwintlichsten fürsten vnd herren hernn Maximilian römischer kung zu allen ziten merern des richs etc. vnsserm allegnedigisten herren...»;

5) «Dem aller durchluchtigisten großmächtigisten fürsten vnd herren, hern Maximilian romischer künig, zu allen zyten merer des richs...vnserm allernädigisten herren.» [П. I.- S.38]

Таким образом, при усилении стандартности объем региональных узуальных черт в текстах данного типа значительно сужается.

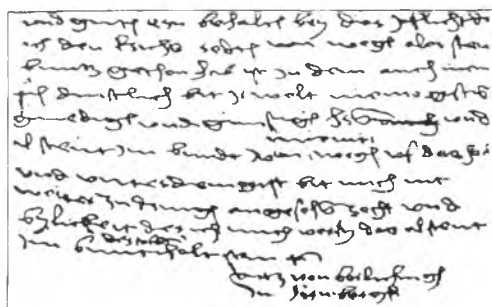
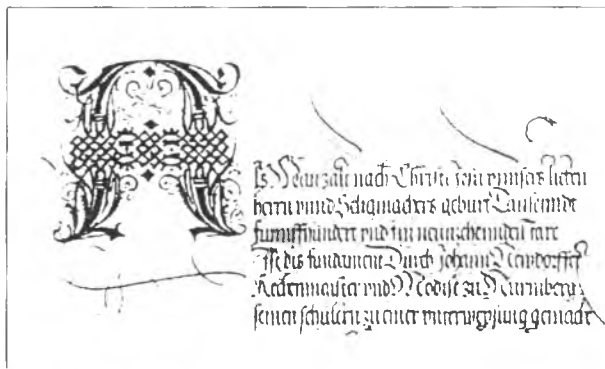
3.2.4. Своеобразие частной переписки

Отмечая роль деловой письменности в становлении «предстандарта», Г.Эггерс рассматривает ее в основном в плоскости «äußere Sprachform», но указывает и на ее значение в развитии «innere Sprachform (Stilwerte des Frühneuhochdeutschen)». При этом он имеет в виду своеобразие таких памятников как «Privatbriefe», считая их с точки зрения языка «weniger anspruchsvolle Sprachdokumente» и отмечая их стиливую вариативность: «...gemäßiger Kanzleistil dank des Wandels innerer Sprachform durch Realismus und Individualismus». [55, S.101-102] Эта особенность позволяет частной переписке полнее отразить особенности регионального письменного узуса.

В данном исследовании привлечение текстов типа «Privatbrief» интересно и как показатель расширения поля местной канцелярской традиции в ситуации сеньориально-клерикальной системы, в частности в период относительной консолидации Бадена, сплочения и роста политического веса Вюртемберга (в 1482 г. подписан договор о неделимости графства). Т.В.Ташенко, касаясь палеографии

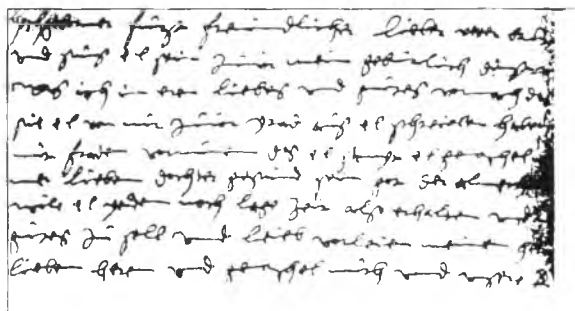
переписки юго-запада Германии, отмечает тенденцию к регионализации даже в графике (появление индивидуальных курсивов неоготического типа в противовес общеканцелярским канонам). [36, С.308-309]

Образец
южно-немецкой
каллиграфии
(письмовник, 1519 г.)

Курсив Г.фон Берлихингена
(письмо совету Гейльбронна,
1519 г.)

Беглый курсив непрофессиональной руки.
Письмо герцогини
Вюртембергской брату
(Штутгарт, 1568 г.)

В качестве материала нами были отобраны 11 писем представителей высшей феодально-клерикальной знати Вюртемберга и Бадена и их при-

дворных (также уполномоченных) 1470-90-х гг., отражающих неофициальную внутрирегиональную коммуникацию швабского и нижнеалеманского субареалов.¹ Это корреспонденция, обозначаемая отправителями² как Zettel, (Ge)schrift, Brief повседневного содержания, сохраняющая формульные элементы эпистолярно-канцелярских жанров:

- 1) Маргарета Вюртембергская Катарине Баденской (Штутгарт, 1472 г.);
- 2) Мехтхильда Вюртембергская Маргарете Вюртембергской (Бемлинген, 1474 г.);
- 3) гофмейстер К. фон Штейн Маргарете Вюртембергской (Штутгарт, 1478 г.);
- 4) Барбара Вюртембергская Маргарете Вюртембергской (Урах, 1478 г.);
- 5) посланник Г. Мецгер Маргарете Вюртембергской (Страсбург, 1479 г.);
- 6) графиня Вюртембергская (?) матери - Маргарете Вюртембергской (? , 1479 г.);
- 7) ландгофмейстер Г. фон Абсберг Маргарете Вюртембергской (? , 1479 г.);
- 8) врач (?) Т. Рюсс Маргарете Вюртембергской (? , 1479 г.);
- 9) Эберхард V Вюртембергский кузену Эберхарду VI (? , 1488 г.);
- 10) Маргарета Баденская брату – Кристофу Баденскому (Лихтенталь, 1495 г.);
- 11) баденский дворянин М. фон Блуменэкк брату Мартину (Брейсгау, 1480 г.).

Данные тексты не образуют значительного диапазона варьирования при отражении черт юго-западного узуса, что было характерно для канцелярской переписки, хотя различия между ними в этом плане существуют. Их региональная окраска (объем отражаемых признаков) в целом не выше, чем в официальной корреспонденции. (См. 3.2.3.)

Несмотря на неофициальность информации, авторы часто придерживаются канонов «высокого стиля», маркируя даже в семейной переписке свой статус (см. наличие канцелярских архаизмов типа *jetzo*, *dero*). Особенно наглядно это проявляется в обращениях.

1) «Hochgeborne furstin, liebe swester. Unser schwesterlich truwe und was hebs und güts vermugen, allzyt zuovor.»

¹ См. Список источников: D. P. – S.101-104; 124-125; 192-193; 201-202; 206-208; 281-282 (тексты 1 - 10), S.H.R. – S.374-375 (текст 11).

² Это графиня Маргарета Вюртембергская (ум. 1479), маркграфиня и аббатиса Катарина Баденская (ум. 1493), упомянутая выше (См. 1.3.) графиня Мехтхильда Вюртембергская (жена Людвига I Вюртембергского, затем эрцгерцогиня Австрийская и супруга брата императора Фридриха III – Альбрехта VI), графиня Барбара Вюртембергская (жена Эберхарда V), графы Эберхарды V и VI Вюртембергские (представители урахской и штутгартской ветвей, затем первые вюртембергские герцоги), маркграфиня и аббатиса Маргарета Баденская (ум. 1495) и маркграф Кристоф Баденский.

2) «Was wir erez, liebs und guots vermögen, allzit zuvor. Hochgeborne fürstin, fruntliche, liebe swester.»

6) «Hochgeborne, herzliche frou und mutter. Was ich allen truen liebß und guts vermag, sy uwern gnaden alle zyt in kintlicher treu berayt.»

Несколько менее выражена региональная окраска в письмах придворных к своим сеньорам (6 - 8) (действие фактора *адресата*).

На общем фоне выделяется лишь текст 7. Это краткое письмо высшего чиновника обнаруживает, несмотря на бытовое содержание (получение небольшой ссуды), ориентацию на узус *Gemeines Deutsch*, а юго-западные черты представлены спорадически:

Der durchleichtigen, hochgepornen fürstin und frauen, frau Margarethen, geporn
herzogin von Sophoy, gräffin zuo Wirttenberg und Mümpelgart, meiner
gnädigen frauen.

Durchleichtige, hochgeporne fürstin, gnädige frau. Willig, undertänig dienst seyen euren fürstlichen gnaden allzeit voran bereit. Gnädige frau, es ist zuo mir komen Johannes Kropfenstain, eur gnaden pott, und mich gepeten, im ze leihen zwen guldin: das hab ich williklich tan innhalt der eingeleiten zedell. Und wa ich e.f.g. könd oder möcht dienen, pin ich allzeit willig und bevilch mich hiemit eur fürstlichen gnaden.

E.f.g. undertäniger, williger Jörg von Absperg. [D.P. - S.207]

Из примарных признаков юго-западного узуса в текстах частной переписки последовательно отражены только фонетические: дифтонг *ie*, также монофтонг *i*: и дифтонг *uo*, менее последовательно – монофтонги *u*: *ü*: (последний в основном в делабиализованной форме *ü:>u:*) и апокопа. Крайне непоследовательно отражены краткие гласные в открытом слоге, спорадически - форма *gan*, глагольная флексия *-nd*. Полностью отсутствуют дифтонг *üe* и синкопы.

Из вторичных юго-западных признаков наиболее устойчиво представлены также фонетические: делабиализации *ü ö*, дифтонг *ou* и переход перед носовыми *ö/o>ü/u*. Менее устойчив дифтонг *ei* и спорадически встречается суффикс диминутивов *-lin*. Не представлены аффриката *ch* и форма Part. II *gsin*.

Почти в половине текстов (1, 4, 5, 7, 9) встречаются швабская дифтонгизация *a:>au* и диалектные разговорные формы типа *wa* (*wann*) и *wett* (*wollte*) (5,6,7,10), а также иногда алеманский переход *a>o* (5, 11), что маркирует их как источники, представляющие нижний уровень квази-канцелярской коммуникации. Примечательно, что хотя, вероятно, все письма выполнены соб-

стенноручно,¹ они обнаруживают значительное единообразие графики и не имеют *Sonderschreibungen*.

Если суммировать данные по текстам канцелярской и личной переписки, то можно представить следующую шкалу отражения признаков юго-западного узуса (по мере убывания):

1) **первичные признаки:**

- **ie i:**
- **u:** *uo*; апокопа
- **ü:** краткие гласные в открытом слоге; синкопа
- **gan/stan;** флексия *-nd*; *üe*

2) **вторичные признаки:**

- делябиализация *ö ü*; переход перед носовыми *ö/o>ü/u*
- **ei ou**
- аффриката **ch**; суффикс диминутивов *-lin*.

Таким образом, корреспонденция (канцелярская и приватная) достаточно полно, хотя и непоследовательно, отражает фонетические черты узуса юго-западного ТВЛЯ. Особенно близки по степени региональной окраски тексты 14, 4 - 6, 3, 1 (блок 3: *Kanzleibriefe*) и тексты 2 - 5, 9 - 11 (блок 4: *Privatbriefe*).

3.3. Деловая проза и «*libri chronici*»

Отмеченный выше синкретизм жанров позднесредневековой городской литературы (См. 1.4.) отличает в первую очередь деловую прозу и хроникальные сочинения, многообразие форм которых было характерно для немецкого юго-запада (региональные, городские, семейно-родовые, иллюстрированные).² Канцелярская проза (грамоты, акты, переписка, *Stadtbücher* и т.п.) послужили основой *libri chronici*, авторами которых часто выступали, как показал Ж.П.Бодмер, т.н. *Verwaltungsleute* (канцеляристы, архивисты, юристы), а не профессиональные литераторы. [53, S.67]

Документальность, отличавшая тексты немецких хронистов, базировалась, по мнению О.Л.Вайнштейна, на характерной для местных гуманистов-историографов идее примата интереса к собственному средневековому прошлому и вторичности «античной оболочки» в повествовательной ткани их сочинений. [4, С.317] Не случайно, что именно хроники и деловая проза совершили в

¹ Текст 9 имеет даже содержательные авторские правки. Помету о записи в канцелярии (*Landschreiberei*) имеет только текст 10, что однако не снижает его региональной окраски (!).

² На юго-западе была создана и самая первая немецкоязычная городская хроника: «Страсбургская хроника» Ф.Клозенера (1360-е гг.).

Германии XIV-XV вв. радикальный поворот к делатинизации. Наиболее бурно и новаторски развивалась с XV века хроникальная литература молодой Швейцарии, историография которой обслуживала новые национально-политические идеи (Т.Фрикер, А. фон Бонштеттен, Д.Шиллинг, Б.Чатлан, Э.Чуди и др.).

Страница из первой швейцарской печатной хроники П.Эттерлина из Люцерна (Базель, 1507 г., сюжет о В.Телле)

В истории немецкого литературного языка XV-XVI вв. хроники явились особенно плодотворной основой для развития жанрово-стилевой системы нарративной литературы (мемуаристика, популярная литература, ранняя пресса). В контексте данной работы этот тип источников демонстрирует значительную преемственность и расширение традиций деловой прозы в юго-западном ареале практически до исхода XVI века.

В качестве материала исследования нами были отобраны отрывки из 3-х рукописных хроник, достаточно репрезентативных для традиций всех трех

субареалов юго-запада: 1) История епископов Страсбурга (конец XV века, анонимный автор), 2) хроника швабского рода фон Циммернов (ок. 1560 г., т.н. «Zimmernsche Chronik»), 3) «Chronicon Helveticum» Э.Чуди (ок. 1570 г.).¹

Страсбургский текст, выдержанный в строгих традициях хроник-анналов XIV века и представляет собой продолжение известной городской хроники Кенигсхофена по кратким персоналиям епископов. Приведем в качестве примера характерный фрагмент: **Byschof Ruoprecht erst inryten.**

Da man zalte 1449 jare uf zinstag nach sant Veltins tag, tet byschof Ruoprecht sin erst inryten zuo Straßburg nach byschövelicher gewonheit, als das cappitel und die rete durch ire fründe in des etwie dick geladen hettent und gebetten, und reyten mit im hertzog Steffan sin vatter, hertzog Ludwig sin bruoder und vil grafen, herren, rittere und knechte obe 800 pferden. [Ch. - S.1063]

«Zimmernsche Chronik» излагает историю графского рода (вымер в 1594 г.) до 1566 года и стилистически очень разнородна, приближаясь то к латинизованной протокольной фактологии, то к жанру шванка. Ее авторами были Ф. фон Циммерн (1519-1569) и его писец Й.Мюллер (ум. ок. 1600 г.). Отрывок из сочинения крупного швейцарского историка Э.Чуди (1505 - 1572) содержит известную легенду о Вильгельме Телле (автор датирует ее 1307 г.) и сближается в жанровом отношении с популярной фабульной литературой.

Значительная региональная окраска характерна лишь для страсбургской хроники, где последовательно отражены все первичные фонетические юго-западные изоглоссы, за исключением ü: и ie, краткости гласного в открытом слоге и синкопы. Флексия **-nd** встречается достаточно регулярно. Формы глагола **stan** единичны. Из секундарных признаков менее стабильны делабилизация и аффриката **ch**, а морфологические черты отсутствуют.

Региональная окраска текста Э.Чуди несколько снижена за счет отсутствия важных примарных черт узуса – дифтонгов **uo üe**. Наиболее стабильны монофтонги **i**: **u**; флексия **-nd** и апокопа, а из секундарных изоглосс – **ei** и **ou**. В обоих текстах спорадически отражены диалектные черты: алеманское **a>o**, стяженные формы типа **gen** (*gegen*), **eim** (*einem*), формы опатива **wäri**.

Отрывок из текста швабской хроники (описание событий 1530-х гг.) демонстрирует почти полный переход на узус *Gemeines Deutsch*. За исключением апокопы юго-западные изоглоссы представлены здесь спорадически, например, **erkanntnus**, **hölzle**, **usserhalb**, **ufgehept**, **vatter**. Заметны также не-

¹ См. Список источников: Ch. – S.1062-1063 (текст 1), G.Ph. - S.177-179,180 - 182 (тексты 2 - 3).

которые рефлексы разговорно-диалектного уровня: стяжения *aim* (=einem), *seim* (=seinem), переход **a>o**, некоторые *Sonderschreibungen*, что выдает не слишком квалифицированного автора-канцеляриста.

Приведем характерный фрагмент из хроники: «Do hat der alt herzog dem domdechant die handt gebotten uf ein seiten hinauß und die andern seiten das angesicht gekert / darneben zu seim son / herzog Christoffen / gesagt. Son / du kennest die von Zimbern noch nit / sondern wurst sie erst kennen lernen / wie ich / dann ob inen gleich vil guets und gnaden bewisen / so ist doch bei inen hernach wenig erkanntnus / insonderhait so man iren am maisten bedarf.» [G.Ph. — S.178]

В жанре хроник определенное влияние на отражение региональных черт узуса несомненно оказывает эстетический фактор. Быстрое «размывание» их жанрово-стилистических границ приводит к неустойчивости юго-западных изоглосс. Нагляднее это проявляется в швейцарском тексте Э.Чуди, поскольку в швабском тексте нивелирование региональных черт скорее *a priori* мотивировано ориентацией на более престижный *Gemeines Deutsch*.

В своем тексте Э.Чуди использует авторскую, косвенную речь и диалоги главных героев – Телля и наместника Гесслера. Реплики австрийского фогта, надменного и безжалостного, окрашены возвышенно-повелительной тональностью: «Der Landt-Vogt sprach: Das must du tun / oder du und das kind sterben.» В них заметно отсутствие дополнительно некоторых юго-западных изоглосс: краткости гласного в открытом слоге, монофтонга **u:**, флексии **-nd**. Напротив, в авторской, косвенной речи и репликах Телля последовательно представлены почти все юго-западные изоглоссы, а также используются диалектные стяженные формы и алеманская лексика, например, *der Göller* (*Schulterkragen*), *der Gransen* (*Schiffsschnabel*), *lugen* (*sehen*), *der Breten* (*Balken*).

Впрочем, здесь нельзя говорить о сознательном изменении автором (как, например, в протестантской драме) степени региональной окраски реплик для речевого портретирования героев-антиподов. Например, многие контактно расположенные в тексте реплики практически не различаются по региональной окраске: «Der Landt-Vogt ... sprach zum Tellen: Wann du uns getruwtist uß diser Gfar ze hellfen / so woelt ich diner Banden ledigen; Der Tell gab Antwort: Jo Herr / ich getruwe uns mit Gottes Hilff wol hiedannen ze hellfen.» [G.Ph. - S.182]

Можно констатировать, таким образом, лишь определенное влияние фактора «высокого стиля» на региональную окраску языковых единиц в контексте, поскольку реплики швейцарца - Телля как идеализированного

героя (ein redlicher frommer Land-Mann von Uri) не всегда окрашены разговорно по сравнению с речью австрийца - Гесслера.

Очевидно, что все рассмотренные выше (раздел 3.2.) источники деловой письменности обнаруживают в той или иной мере воздействие узуса Gemeines Deutsch (рецепция/нивелирование), который уже не воспринимался авторами канцелярской прозы юго-запада как нечто «отчужденное». Об этом свидетельствует отсутствие гиперкорректных написаний и уверенное транспонирование юго-восточных форм. В этой связи можно согласиться, имея в виду юго-запад, с мнением В.Фляйшера, что к XVI веку «канцелярские языки» превратились из субъекта в объект истории литературного языка. [56, S.115] Полученные в ходе исследования данные можно представить в виде таблиц: ¹

Таблица 1

Отражение первичных черт юго-западного узуса в деловой прозе

Источники	i: u: ū:	ie uo ūe	краткий гласный в открытом слоге	- nd	gan/ stan	синкопа/ апокопа
1. Документы региональных организаций	***	***	*	*	- / *	* / (+)
2. Памятники городского права	(+)+ *	(+)+ *	*	(+)	* / *	* / +
3. Исходящая официальная переписка	+ +(+)	+ (+)(+)	*	*	* / *	+ / +
4. Частная переписка	+ (+)(+)	+ + -	(+)	*	* / -	- / (+)

¹ В таблицах приняты следующие условные обозначения при отражении юго-западных изоглосс: + - последовательное отражение, (+) - относительно последовательное (т.е. ограничено определенной группой лексем), * - спорадическое, - отсутствие.

Таблица 2

Отражение вторичных черт юго-западного узуса в деловой прозе

Источники	ei ou	ö/o>ü/u	делабиализация	ch	gsin	суффиксы -nus /-li(n)
1. Документы региональных организаций	+ *	+	+	*	-	* / -
2. Памятники городского права	* *	(+)	(+)	-	-	- / *
3. Исходящая официальная переписка	+ (+)	+	+	(+)	-	- / -
4. Частная переписка	(+) +	+	+	-	-	- / *

Как следует из таблиц, наибольшей устойчивостью обладают фонетические изоглоссы юго-западного узуса: из примарных в первую очередь монофтонги *i*; *u*; дифтонги *ie* *uo*, из вторичных – переход *ö/o>ü/u* и делабиализация, несколько менее устойчив узкий дифтонг *ei*. С точки зрения полноты отражения примарных черт памятники образуют следующий диапазон варьирования: 3. > 4/2. > 1., конфигурация которого незначительно изменяется при отражении вторичных изоглосс: 3. > 4/1. > 2. Общая схема: 3. > 4. > 2. > 1.

Соотношение прагмафакторов при нивелировании/сохранении изоглосс юго-западного ТВЛЯ в проанализированных типах текстов разнообразно. Так, фактор *адресата* оказывает меньшее воздействие, чем фактор *авторитета учреждения* (см. блоки источников 4., 3. и 1.) при сравнении информативных и директивных текстов. Даже во внутрирегиональной неофициальной переписке фактор *авторитета* («имперского-сеньориального» квази-авторитета²) оказывается важнейшим (см. блоки источников 4 и 3).

Несомненно, что наиболее полно и устойчиво юго-западные признаки отражены в текстах швейцарского субареала.¹ Однако для сохранения объ-

¹ Примечательно, что, например, с вхождением бывшего имперского Роттвейля даже в правах «*zugewandter Ort*» в состав конфедерации его прежний канцелярский узус, базировавшийся на *Gemeines Deutsch*, был отвергнут. Швейцарские города до конца XVI - начала XVII вв. сохраняли в канцелярской практике местный узус как «символ независимости» от империи. Вытеснение элементов местного узуса в «канцелярских языках» городов шло с севера на юг. См. подробнее работы Р.Брандштеттера (Brandstetter R. Prolegomena zu einer urkundlichen Geschichte Luzerner Mundart. Einsiedeln, 1890), Э.Зарера (E.Sager. Die Aufnahme der neuhochdeutschen Schriftsprache in der Kanzlei von St. Gallen. Zurich, 1949), Э.Э.Мюллера [88] и др.

ективной картины доля их в нашей выборке ограничена примерно десятой частью (источники из Цюриха и Сент-Галлена).

Проявление узко-диалектных черт на фоне юго-западных изоглосс лишь дополнительно маркирует ориентированность деловых текстов региона на локальную коммуникацию, что проявилось в блоках 2 и 4, но не в «максимально юго-западном» блоке 3(!). Примечательно также, что неуверенное владение графическим узусом (см. тексты 6, 7 в блоке 3) проявляющееся в *Sonderschreibungen*, не является однозначным индикатором их региональной окраски (в тексте 7 юго-западная окрашенность выражена в основном вторичными признаками).

Глава 4

Печатники и немецкий письменно-литературный язык
юво-западного ареала

рождение книгопечатания в середине XV века в Германии имело большое стимулирующее, а также интегрирующее влияние на развитие немецкого литературного языка раннего периода. Его первоначальное развитие связано с юго-западом немецкой языковой области, где вскоре после изобретения И.Гутенбергом наборной печати (Майнц-Страсбург, ок. 1440 г.) типографии появились до 1500 года всего примерно в 20 городах: в крупных - Страсбурге (ок. 1460 г.), в Аугсбурге (1468 г.), в Ульме и Констанце (1469 г.), в Базеле и Эслингене (ок. 1470 г.), в Цюрихе (1479 г.), в Штутгарте (1486 г.), Хагенау (1489 г.), в Тюбингене и Фрейбурге (ок. 1490 г.), а также в малых – Рейтлингене (1478 г.), Урахе и Меммингене (1480 г.) и других.¹

Определенные предпосылки способствовали опережающему развитию книгопечатания в 1470-1550 гг. именно на юго-западе, испытывавшему в данный период как культурно-исторический и экономический ареал подъем в своем развитии. В условиях высокого спроса на повествовательное чтение здесь сложился центр рукописной книги, распространилась ксилография, длительная традиция которой существовала в Ульме.

На развитие книгопечатания оказали влияние различные факторы. Связывая его возникновение с предреформационными религиозно-просветительскими движениями, Н.В.Варбанец выделяла юго-запад как один из эпицентров еретических проповеднических течений конца XV века, развивавшихся на фоне местных антифеодальных выступлений (Башмак, Бедный Конрад). [5, С.100] С другой стороны определенную поддержку раннему книгопечатанию региона оказали также епископские метрополии, некоторые монастыри (например, в Аугсбурге и Лауингене), графские резиденции (Урах).

Экономический прогресс городов юго-запада и расширение раннекапиталистических отношений в отдельных высокоразвитых отраслях регионального производства обусловили становление здесь книгопечатания в основном как «свободного» (внецехового) предпринимательства. [40, С.216] Примечательно, что первые термины книгопечатания появились в южно-немецком ареале, являясь заимствованиями из сферы текстильного ремесла (Druck, drucken < Zeugdruck, т.е. изготовление набивной ткани) и ксилогра-

¹ По данным Ф.Гельднера это составило около 40% от общего числа печатен, появившихся в Германии до 1500 года, а третья часть оттисков принадлежала анонимам (Wanderdrucker ?). [59, S.45]

фии - высокопродуктивных сфер местного производства, где активно развивались мануфактуры, система «авансирования», а также торговля и ростовщичество (Verleger, Verlag < Geld verlegen)¹. Кроме того, в верхнерейнских городах сложились базовые для изготовления шрифтового материала технологии (гравировальное и ювелирное дело).

Роль книгопечатания в расширении социокультурных параметров и коммуникативных характеристик литературного языка признается всеми исследователями, однако оценивается разнопланово и исключительно в аспекте становления общенационального стандарта.² Но, по мнению М.М.Гухман, практика печатников была одним из компонентов формирования и репрезентации именно локальных письменно-литературных узусов. [11, С.72]

Период издательского лидерства юго-запада 1470 - 1550 гг. следует разделить на два этапа: 1470 - 1510 гг. (начальный этап) и 1520 - 1550 гг. (период расцвета). Как особую стадию следует рассматривать 1520 - 1530 гг., связанные с активным распространением в регионе Реформации и Крестьянской войной. Г.Вельман определяет весь этот период как «эпоху допериодической печати», считая 1520-е гг. своеобразной цезурой внутри ранненововерхненемецкого периода истории языка. [124, S.259]

4.1. Период 1470 - 1510-х годов

Данный период в истории немецкого книгопечатания, в оценке социолингвистической роли которого важное место принадлежит **А.Широкауэру** (1899-1954), характеризуется как «Inkunabelzeit». Его левая граница определяется победой печатных изданий над рукописными, а правая - всплеском издательской деятельности начала Реформации. Своеобразной точкой отсчета для юго-запада является закрытие к 1470 году крупнейшего светского скриптория Д.Ламберта в Хагенау (Эльзас), производившего дешевые бумажные рукописи, популярные книги для сбыта и по заказам.

Впрочем, до конца «эпохи инкунабул» печатная, рукописная и дотипографская (ксилограммы, «листки», блочные книги) продукции сосуществуют, конкурируя в плане социо-функционального распределения (светские/духовные, дорогие/дешевые, популярные книги), а книгопечатание на родном языке более выступает во множительной, чем в социокультурной функции. По форме инкунабулы подражали рукописной книге и только в 1480-е гг. «Drucktext» отрывается

См.: Fr.Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin - N.York, 1975. - S.144, 815, 901. W.Bondzio. Der Berufswortschatz der Drucker // Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie Hrsg. von G.Agnicola u. a. Leipzig, 1969. - Bd. 1. - S.572-574.

² См. работы А. Гетце, В.Мозера, А.Широкауэра, Г.Штоппа, Г.Кетмана, Фр.Гартвега и др.

формально от «Schrifttext» (наличие титула, авторского знака, пагинации, кстати впервые введенной аугсбургскими печатниками).

В развитии литературного языка книгопечатание начального периода, по мнению большинства исследователей, не играло значительной роли, обслуживая в основном потребности латинской учености и церкви. Латинские издания, создавая основу дохода первопечатников, доминировали над немецкими: их соотношение к началу XVI века составляло примерно 1/20. Поскольку немецкоязычный *homo legens* был ориентирован преимущественно на познавательное и традиционное популярное чтение, спрос в сфере художественной литературы существовал в основном на переработки средневековых авторов. Раннее книгопечатание не изменило читательских вкусов современников, где преобладало *Familienlesen*: «[Der Buchdruck] begünstigte zunächst alte Werke und blockierte bis ca. 1500 die "moderne" Literatur.» [66, S.1416]

Хотя Германия являлась родиной книгопечатания, издательская активность раннего периода может быть оценена как средняя. Так, до 1500 года (*frühe Inkunabelzeit*) здесь было издано лишь около 30% всех известных европейских инкунабул, а к началу XVI века существовало около 50 издательских центров и примерно 250 печатников, в то время как в Европе их число достигало 1000. Первенство в технологическом развитии книгопечатания переняла Италия, хотя типографии появились здесь лишь в середине 1460-х годов.¹ Примечательно, что университеты до начала XVI века не играли еще заметной роли в книгопечатании Германии.

Образец дотипографской печати
(ксилография, «Книга о чуме»,
Страсбург, 1500 г.)

Das II. cap. des erste tractatz
Vn offenkundt ist wo den die pestilenz kumpt.

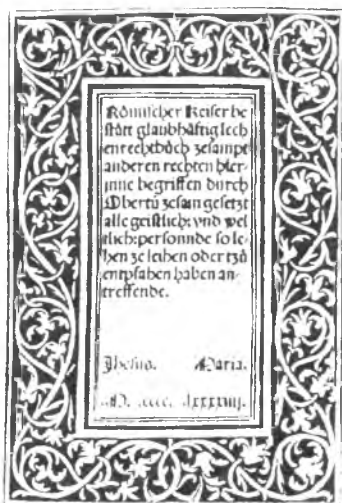

¹ Некоторые юго-западные печатники продолжали использовать старую технику ксилографии. На крайнем юго-западе печати (в основном небольшие) появились с некоторым запозданием и частично вскоре закрылись: в Бургдорфе (под Берном, 1475 г.), Цюрихе (см. выше) и в Зурзее (ок. Люцерна, 1500 г.).

Социальный статус книгопечатания раннего периода не был стабильным. С одной стороны современники признавали его «славным и почтенным искусством» (Кельнская хроника 1499 г., впервые упомянувшая об изобретении Гутенберга). В Страсбурге начала XVI века печатники были причислены к высшим ремесленным гильдиям наряду с ювелирами и граверами.¹ С другой стороны известный гуманист, эльзасец С.Брант сомневался в пользе книгопечатания, замечая в «Корабле дураков» (1494 г.), что работа в типографии достойна промотавшихся школяров (Гл.27.):

«Das Geld, das ist verzehret so,
der Druckerei sind wir dann froh ...» [S.B. - S.91.]

Постепенно складывался социолект первопечатников, окрашенный первоначально латинизмами, свойственными и языку ученых (Initiale, Kolumne, Pagina и т.п.), а в дальнейшем включавший ремесленную и колоквиальную лексику. [2. С.156] Имея, как отмечалось выше, частично южно-немецкую окраску, лексикон печатников не обнаруживал ясной узколокальной детерминированности, хотя отдельные лексемы закреплялись юго-западными авторами, например, И.Фишартом: Preßbengel.

Первые печатные книжные титулы
(Аугсбург, 1494 г.)

Образец «популярной печати»
(календарь, Аугсбург, 1478 г.)

¹ Ср. обозначение печатни позднелат. *officina* «мастерская (оружейная, кузнечная)».

Хотя точные сведения о тиражах первых немецких книг отсутствуют, можно предположить, что они увеличивались медленно и были традиционно ниже, чем у латинских, ориентируясь на стандартный (рентабельный) объем в примерно 300 экземпляров. Рынок немецкоязычной первопечатной книги имел *локальный* характер, определяя тематику и характер изданий: «Das deutsche Buch hat einen minimalen geographischen, dafür aber einen großen sozialen Radius.» [99, S.264] В условиях отсутствия заметного инорегионального экспорта печатники практиковали не исходное увеличение тиража, а перепечатки (дополнительный тираж). Такие заказы предположительно размещались в малых печатнях (Winckeldrucker), поскольку крупные типографии предпочитали дорогие латинские издания.

На рубеже XVI века (spätere Inkunabelzeit) доминирование юго-запада как центра книгопечатания (при его значительной концентрации) становится абсолютным. Примечательно, что в это время появляется легенда, что книгопечатание было изобретено Гутенбергом в Страсбурге, автором которой был эльзасский гуманист Я.Вимпфелинг. [119, S.258] Вслед за периодом «Wanderdrucker» происходит закрепление типографий в определенных городах (Druckerstädte). Критерием разграничения Druckort/Druckzentrum обычно считается наличие постоянной деятельности не менее 15 печатников. [119, S.244]

Изначально центрами книгопечатания юго-запада выступали Страсбург, Базель и Аугсбург (где издано большинство немецкоязычных инкунабул).

С конца XV века в книгопечатании юго-запада быстрыми темпами формируется разделение (издатель, корректор, наборщик) и организация прежде в основном ремесленного труда, возникает книгопродажа, специализация и кооперация, закладываются основы издательского дела. Например, только в Аугсбурге в 1480-1500 гг. действовало более 10 книготорговцев (Buchführer). Здесь сложилась традиция иллюстрированной «народной книги», а в Ульме типографы специализировались на издании книг по астрономии и географии. И.Ментель (Страсбург) первым в Германии организовал книжные склады, использовал рекламу и комиссионную торговлю.

4.1.1. Парадоксы практики первопечатников

Отмечая односторонность «предпринимательской концепции» возникновения книгопечатания, Н.В.Варбанец характеризовала первопечатников юго-запада как наиболее активных проводников книжно-религиозного Просвещения предреформационной эпохи (эмансипация родного языка, симпатии к «народной Реформации», к апокрифическим сочинениям). [6, С.35-56] Издательский репертуар протопечатников трех крупнейших центров юго-

запада **И.Ментеля** (1420-1478, Страсбург), **Г.Цайнера** (? - 1478, Аугсбург) и **Б.Руппеля** (Базель), бывших предположительно учениками И.Гутенберга, позволяет предположить их принадлежность к тайным «братствам».

С другой стороны, интеллектуальная активность первопечатников, в основном образованных выходцев из околугуманистической среды «новых людей», базировалась на растущей ученой традиции региона. Ситуация относительной свободы первопечатников, которых нельзя рассматривать только как «рыночников», имела также своими источниками идейные движения в верхнерейнских городах, утративших в борьбе с феодалами политическое лидерство, но активно выступивших за эмансипацию в духовно-конфессиональной сфере.

Определенное представление об издательском репертуаре можно составить на основе *Bücherhändleranzeige* (1483 г.) известного аугсбургского протопечатника **Антон Зорга** (в Аугсбурге с 1475 по 1493 гг.)¹, содержащей более 30 наименований: «*Waere yemants hie d' da guote teütsche buecher mit diser geschrift gedruockt kauffen woelte der mag sich fuegen in die herberg als unden an diser zetel verzaichnet ist.*» [A.G. – S.14-16]

Как отмечает И.Лейпольд, протопечатник не ставил своей задачей манипулирование литературными вкусами читателей своей продукцией, опасаясь за вложенные в тираж деньги и находясь в зависимости от доступных рукописей (в основном это библиотеки монастырей). [75, S.267] Поэтому основное место отводилось популярно-теологической литературе, «народным книгам», справочникам и т.п. изданиям, на которые существовал устойчивый спрос: «*Wichtig und charakteristisch ist die weitgehende und unmittelbare Funktionalisierung der Literatur, das Interesse an Bildung und Aufklärung im Rahmen von Erbauung und unterhaltender Belehrung, sowie die Forderung nach Anwendbarkeit von Literatur im Sinne einer praktischen Lebenshilfe*» (курсив наш. - С.Д.). [75, S.278]

Главным для Зорга являлась не формально-языковая, или даже жанровая сторона, а популярность и понятность текста (рукописи): «*...der Text als solches [verliert] in diesem Zusammenhang an Bedeutung gegenüber dem Zweck – der Wissensvermittlung und Erbauung.*» [75, S.282, 290, 291] В этом контексте употребляемое Зоргом понятие «*rechtes gemeynes teutsch*» следует понимать как «ясный, популярный, доступный».

А.Широкауэр рассматривал первопечатников как своеобразных антиподов канцеляристам, отмечая их индивидуализм и нерегламентированность в обращении с языком изданий, в первую очередь на фонетико-орфографическом уровне («*fanatisch partikularistische Tendenzen ... in diesem*

¹ А.Зорг и вся аугсбургская традиция отличались значительной активностью в немецкоязычной печати.

separatistischen Halbjahrhundert») [99, S.259], хотя, например, И.Ментель имел отношение как бывший нотариус к канцелярской практике, а также работал иллюминатором. Однако, поскольку немецкие инкунабулы еще не имели подобно латинским книгам типографского *status quo*, первопечатник довольно беспорядочно следовал старым рукописным традициям письменного языка, не стремясь к нормализации и не заботясь о единообразии. М.М.Гухман отмечает длительность процесса переноса опыта работы с латинской книгой на немецкую (корректурa рукописи и набора, аутентичность текста и т.п.). [10, С.75-76]

Отмеченные тенденции наглядно проявились уже при возникновении первых типографских шрифтов. Готический шрифт (бастарда), которым печатались в отличие от латинских (текстура, ротунда) немецкие тексты, изначально имел несколько авторских, например, у Г.Цайнера, и региональных разновидностей, возникших на рукописной основе. Для юго-запада были характерны верхнерейнский, швабский (т.н. Schwabacher, возник предположительно в Аугсбурге ок. 1480 г.) и др. шрифты, распространившиеся на юге и вытесненные в XVI веке унифицированной фрактурой.¹ (См. Рис. 28)

Тезис А.Широкауэра о том, что канцелярские «нормы» конца XV века не оказали большого влияния на инкунабулы, поскольку «экспандировались» с востока немецкой языковой области, из зоны возраставшего политического господства Габсбургов, в отношении которой юго-запад (особенно Швейцария и Вюртемберг) находился в оппозиции, применим и в отношении языка первопечатных изданий швабско-алеманского ареала. [99, S.267]

Небрежность, вариативность языкового (фонетико-орфографического) оформления в рамках тиражей одной типографии или даже одного текста А.Широкауэр объяснял стремлением первопечатника к быстрому воспроизведению продукции, которая имела непритязательный спрос: «Die sprachliche Form der Unterhaltungsware spielt doch gewiß nur eine nebensächliche Rolle.» [99, S.264] Ученые-корректоры привлекались в основном для работы с рукописью дорогих латинских изданий.

Упомянутый С.Брант с конфессионально-консервативных позиций порицал современников-печатников как еретиков - спутников в лодке Сатаны, которые ради наживы игнорируют чистоту языка (Гл.103)²:

¹ См. подробнее: Киселева Л.И. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV-XVI веков. Л., 1978. – С.108-116.

² Сам Брант пострадал от произвола печатников: второе издание его поэмы (Страсбург. 1494 г.) вышло без его ведома с несогласованными корректурами и изменениями в тексте. См. также: А.Х.Горфункель. Похвала типографскому искусству: гуманисты о книгопечатании // Книга. Материалы и исследования. М., 1994. - Вып. 67. - С.79-82.

«Die Drucker sitzen auch am Steuer:
wenn man viel Bücher würf ins Feuer,
verbrannte man viel Unrecht drin.
Mancher trachtet nur nach Gewinn,
druckt, was ihm in die Hände fällt,
von Korrektur dabei nichts hält.» (**S.B.** - S.79-80.)

Аутентичность первоначального текста (языка автора), особенно при перепечатках, имела для первопечатника часто второстепенное значение. Так, третья часть переизданий на юго-западе такого известного памятника как «библия Ментеля» (1466 г.) являлась переделками, а прочие содержали графические изменения. Известный страсбургский проповедник Гейлер Кайзербергский жаловался, что не узнает своих сочинений, вышедших из под прессы: в Базеле его проповеди печатались с характерными алеманскими монофтонгами **i: ü:**, а в Страсбурге с юго-восточными дифтонгами. [100, S.891]

Проблематичным является вопрос, насколько тексты первопечатников отражали актуальный узус юго-западного ТВЛЯ, сложившийся к концу XV века. Вызывает удивление, что, например, в Базеле в 1510-х гг. появились 6 нижненемецких изданий, которые не могли быть ориентированы на местного читателя. Помимо отмеченных тенденций к «архаизации» языка издаваемого корпуса литературных текстов, исследователи констатировали явления нейтрализации черт наддиалектности, свойственных письменнo-литературному узусу. Так, в аугсбургских изданиях конца XV века нередки случаи отражения швабской дифтонгизации **a:>au**, что было нехарактерно уже в местных канцелярских текстах XIII (!) века и в позднейших канцелярских документах. (См. главу 3.)

Тем не менее, можно утверждать, что у первопечатников существовал определенный узус, формировавшийся практикой типографа (если печатник сам работал с набором, что имело место в малых типографиях), координацией деятельности и стабильностью состава наборщиков и корректоров. При этом явления языкового отбора (в данном случае преимущественно фонетико-орфографические) регулировались происхождением, степенью образованности каждого из них, предназначением (адресат), степенью каноничности текста, авторитетом его автора, а также многими другими факторами.

Примечательно, что читатели немецких инкунабул проявляли определенный «либерализм»: «...der deutsche Leser der Zeit sei empfindlicher als der Hörer. Kein Zweifel, daß der Buchkäufer ... sich nicht befremdet fühlt.», а наличие в текстах инодиалектных вкраплений: «... werden [den Leser] kaum vom Kauf des Buches abhalten. Man war gewöhnt, darüber hinwegzulesen.» [99, S.265-266] Фр.Гартверг отмечает, что это произошло потому, что: «...da weder Schule noch amtliche Sprachregelung die Normempfindlichkeit des Lesers geschaffen hatten.» [65, S.166]

4.1.2. Проблемы соотношения языка рукописи и первопечатного текста

Наличие особых узусов первопечатников юго-запада подтверждается сопоставительными исследованиями сохранившихся рукописей (явление в целом редкое!) и оттисков одного текста. Так, анализ Н.Р.Вольфа показал, что они не были идентичны. [129, S.1436-1439] Сравнив рукопись и печатное издание перевода вюртембержца Г.Штейнгевеля, осуществленное Г.Цайнером (Аугсбург, ок. 1475 г.), он обнаружил при лексическом тождестве некоторые фонетико-морфологические расхождения.¹

Н.Р.Вольф констатирует, что данные разночтения прямо не регулировались критериями новация/архаизм, или локальный/наддиалектный элемент, тем более приверженностью первопечатника к инорегиональной традиции (канцелярской или литературной). Так, Г.Цайнер, с одной стороны, иногда использует архаичную морфологическую изоглоссу в глагольной парадигме I л. мн. ч. **-ent** (вместо **-en** в рукописи), а с другой регулярно модифицирует новационные дифтонги и их графемное отражение (в рукописи сохранены региональные монофтонги **i: u:** и старые правописания исконных дифтонгов **ei ou**). Рукопись также регулярно отражает швабскую дифтонгизацию **a:>au**, но другие юго-западные изоглоссы встречаются здесь лишь в изолированных словоформах.

По мнению Н.Р.Вольфа, в целом рукопись «Speculum» не более регионально окрашена чем инкунабула, а оба источника имели разную ориентацию узусов: «Daraus ist ... zu schließen, daß Handschrift und Druck ... verschiedenen Normen unterliegen. Was in dem Autograph möglich erscheint, ist in dem ... Druck nicht oder nicht in demselben Ausmaß möglich. Zudem erlaubt ein Autograph, das „nur“ als Druckvorlage und nicht unmittelbar einer weiteren Verbreitung dienen soll, ein stärkeres Abweichen vom allgemeinen Schreibusus.» [129, S.1438]

Вероятно, что рукопись и оттиск имели разную ориентацию и в отношении читателя/слушателя, т.е. устного воспроизведения. Поэтому рукопись имела фонетическую графику, а оттиск - морфологическую с сохранением архаичных написаний. Аналогичные явления Г.Кеттман отмечал в отношении восточно-среднемецких источников: «Wird bei diesem ... das differenzierte Sprachvermögen der Leser und (Zu-)Hörer berücksichtigt, so fungiert die Graphematik primär textvermittelnd, nicht textgestaltend.» [70, S.164]

Узус Г.Цайнера имел *индивидуальный* характер, варьируясь по соображению «престижности» отдельных форм (Prestigewahl), а не сознательной унифика-

¹ Фрагменты из кн. 1 и 2 «Speculum humanae vitae», который посвящен переводчиком герцогу Зигмунду Тирольскому. Это позволяет говорить об особой репрезентативности текста.

ции. При этом «сумма» этих Prestige-Formen¹ не полностью соответствовала узусу рукописной традиции, как более архаичному. [129, S.1439-1440] Престижность могла иметь социальную, идеологическую или другую мотивировку.

Так, видимо из идейных соображений, «тайный еретик» Менгель издал в североалеманском Страсбурге первую немецкую библию (1466 г.) на языке XIV (!) века по северно-баварской рукописи, сохранив традицию апокрифа немецких вальдензеров, бывших предположительно авторами манускрипта. В данном отношении узусы юго-западных первопечатников не были прямым продолжением местных канцелярских традиций, являясь во многом их «разрушением».

Узусы первопечатников не обладали устойчивостью, демонстрируя лишь диапазон варьирования (offizineninterne Variation), при этом, как следствие, были более регионально окрашенными, чем язык современных им юго-западных канцелярий. Сам Г.Цайнер издает в 1470 г. тексты пленариев, менее «модернизированные», чем упомянутый перевод Штейнгевеля, а его брат И.Цайнер в соседнем Ульме печатает переводы «Эзопа» того же автора с сохранением регионально-архаичных черт (монофтонги, швабская дифтонгизация а:>au и т.д.). (См. также 4.1.4.) Взаимодействие разрозненных узусов первопечатников юго-запада было еще достаточно слабым и в начале XVI века, когда даже при наличии, как отмечает А.Широкауэр, элементов корректуры и образцовой рукописи: «Trotz der Überwachung durch einen Autor, trotz der ... Autorität, die hinter ihm stand, bleibt im Druck der Drucker Sieger». [100, S.898]

В данном исследовании нас интересует влияние «издательского индивидуализма» в инкунабулах на отражение юго-западных изоглосс, что целесообразно рассмотреть в разных аспектах.

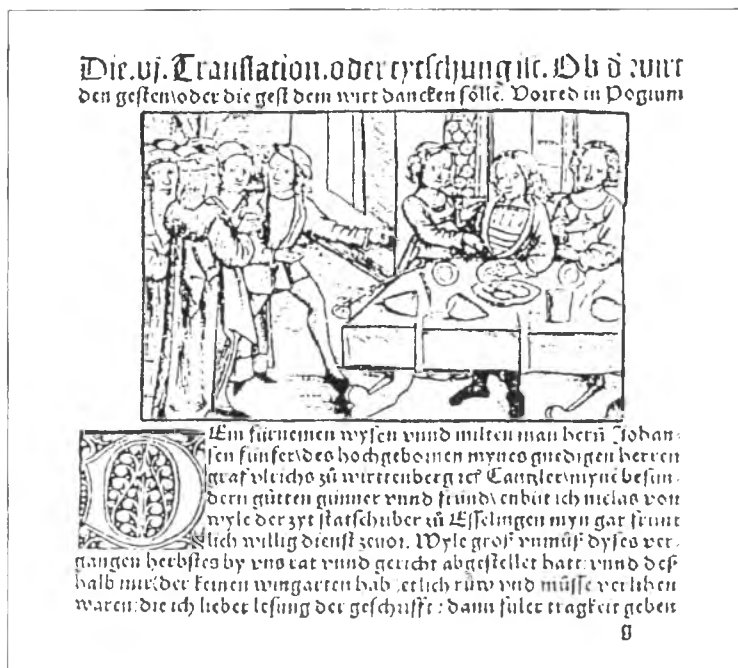
4.1.3. Юго-западный узус в переизданиях инорегионального текста

Переиздания отличали практику небольших типографий юго-запада конца XV века, не располагавших финансовыми средствами на приобретение оригинальных рукописей и часто не заботившихся об аутентичности оригиналу. Одним из известных владельцев таких типографий, работавших в основном по заказам, являлся **Конрад Финер** в имперском Эслингене², кото-

¹ В первую очередь это дифтонгизация с.в.н. монофтонгов, в меньшей мере – нейтрализация синкопы/апокопы.

² Финер родился в Блаубейрене под Ульмом, учился типографскому делу в Страсбурге, работал в Эслингене с 1473 по 1480 гг., а с 1480 г. переехал по приглашению вюртембергских графов в Урах. Оттиски Финера немногочисленны и в основном ориентированы на образованного читателя. Из эслингенских наиболее известно издание «Translatzen» Н. фон Виле (1478 г.), а в Урахе он опубликовал переводной «Buch der Beispiele». [43, S.186,190]

рый был важным культурно-политическим и экономическим центром Вюртемберга. Здесь размещалась судебная палата, разворачивалась деятельность известных гуманистов Г.Штейнгевеля и Н. фон Виле. Практика К.Финера как бы завершает первый период «грюндерства» юго-западных типографий, после которого наступил примерно пятилетний перерыв (1480-1486 гг.).

Страница из «Переводов» Н. фон Виле (Эслинген, 1478 г.)

В качестве материала для сравнительного исследования нами был выбран фрагмент текста (главы 7-10) известного произведения раннегуманистической немецкой литературы «Чешский землепашец» И. фон Зааца (ок. 1400 г.): а) один из первых оттисков, отражающий юго-восточный узус (Бамберг, ок. 1460-64 гг.), б) публикация текста Финером (Эслинген, 1474 г.).¹ Оттиск Финера представляет собой не только «переложение» на юго-

¹ См. Список источников: Г.К. – S.267-270. «Землепашец» сохранился в 17-ти разнорегиональных перизданиях. Бамбергское издание не являлось непосредственным образцом для эслингенского, а скорее его прототипом.

западный узус, но и содержит некоторые пунктуационные, лексические и грамматические правки и добавления, изменения в порядке слов.

В качестве примера приведем варианты отрывка из гл.7, где важнейшие корректуры отмечены *курсивом*, а юго-западные изоглоссы отмечены **жирным** шрифтом (в тексте б. и далее):

а). Kuende ich gefluechen, kunde ich geschelten. kuende ich euch uerpfeihen. das het ir schnodicleich an mir verdinet. wann nach grossem leidt. grosse clag sol volgen. vnmenschlich thet ich. das ich solche lobliche gotts gab. die nymant dann got allein geben mag. nicht beweinet. zwar traüm sol ich ymmer. Entpflogen ist mir mein ernt reicher valck. mein tuegenthaffte fraüe.

б). Kunde ich geschelten kunde ich gefluochen kunde uch *verspuwen* dz uch wurs wurde das hettend ir schnoedenglich an mir verdinet *dann noch* grossem leide *billich* grosse clage volgen sol vnmenschlich dete ich solliche gottes geben die *niemant* dann got allein geben *hat nit* bewente zwar *truen* solt ich *iemer* Entpflogen ist mir *min* erenricher falk *min* dugenthafte *frowe*. [G.K.- S.267]

Несмотря на некоторые отклонения в текстах, анализ степени проявления юго-западных изоглосс в переиздании достаточно показателен для узуса протопечатника. Региональные черты представлены у Финера достаточно полно (из первичных отсутствует дифтонг *üe*, из вторичных – переход *ö/o>ü/u* перед носовыми, аффриката *ch* и морфологические изоглоссы), но степень (частотность) их проявления различна. Наиболее репрезентативны монофтонги *i*: *u*; несколько менее – дифтонг *uo* и флексия *-nd*. Остальные изоглоссы проявляются у Финера лишь в отдельных словоформах.

Примечательно, что эслингенский печатник предпочитает полногласие во флексиях (гиперкоррекция под восточно-средненемецкий узус?), хотя в бамбергском тексте уже отмечены апокопы (ср.: *clag /clage, stramm/strame, grab/grabe, würd/würde*). У Финера также крайне редки узколокальные формы: нет швабской дифтонгизации *a>au* и единичен алеманский переход *a>o* (*noch, obendurlich*).

В данном отношении интересно сравнить степень проявления юго-западных черт в переиздании «Землепашца» и в тексте переводов Н. фон Виле, которые вышли из под пресса Финера через 4 года. Для анализа был отобран отрывок также художественного текста – перевод новеллы Боккаччо «Guicardus und Sigismunda». ¹ Приведем для иллюстрации характерный ее фрагмент: «Tancredus was an fürst von salem, gütig vnd ainer senftmütigen nature. Wo er allain in dem alter sine hend **nit** vermaussiget hett mit **bluot** vergiessen zwayer liebhabenden menschen. Der selb **hatt** all sin lebtage kain kind ye gehept dann ain ainige tochter, da Im **ouch** vast besser gewesen wer. daz er dero **nit** gehept hett... Wie wol vil Ir zuo der ee

¹ См. Список источников: N.W. - S.80-81.

begerten, ye doch wyle er die vngern von Im schaiden lies, tett Er sy über die gebürlichen jaure by jm haimant beheben.» [N.W. – S.80]

В издании переводов Н. фон Виле представлено большинство юго-западных изоглосс за исключением: а) примарных – **ü:**, **üe**, синкопы (морфологические черты спорадичны); б) секундарных – **ch** и именных суффиксов. Характерно также частое использование швабской дифтонгизации **a:** > **au** и наличие фонемы [ʃ] в сочетаниях **sp**, **st** в середине и конце слова (**zuo letscht**, **meischt**). Таким образом, в тексте Финера, рукопись и оттиск которого имели единое региональное происхождение, юго-западные узуальные и локальные черты представлены несомненно более полно.

Тот факт, что Финер «восстанавливает» юго-западные черты в «Землепашце», свидетельствует об ориентации тиража на местного (не только швабского !) читателя. С другой стороны в эслингенском тексте можно отметить редкий, но достаточно показательный случай гиперкоррекции (гл.8): **frid vnd lon** (текст а) > **lon vnd freid** (текст б.), где «неорганический» дифтонг выдает попытку Финера воспроизвести элементы *Gemeines Deutsch* (см. выше пример с апокопой) и свидетельствует об аморфности его узуса.

В целом ситуация 1470-х гг. как период «*lokaler Druckersprachen*» (определение В.Мозера) отличалась доминированием практики «*Umsetzverfahren der Handschrift*». [86. S.165] Первой собственно немецкой печатной книгой следует считать «Корабль дураков» Бранта (1494 г., Базель), поскольку автор не только готовил рукопись непосредственно для типографии, но и исходил из освобождавшейся от латинских образцов и переводов национальной литературной традиции.

4.1.4. Региональный узус в переизданиях стереотипного текста

Существенной частью репертуара протопечатников являлась религиозная, в частности квази-библейская литература на родном языке (пленарии, перикопы, евангелические гармонии, отрывки из библии).¹ Важным индикатором предреформационной эпохи религиозного плюрализма было также появление «немецкой вульгаты». По мнению Н.Р.Вольфа, первопечатные полные библии являлись своего рода «*religiöse Wissensliteratur*», были достаточно дороги и предназначены для клириков, а не для частного чтения мирян: «*Insgesamt also gilt, daß die spätmittelalterlichen Vollbibeln aufwendig*

¹ Примечательно, что не сохранилось ни одной рукописи полной немецкоязычной допечатной библии. Длительное время во многих епископствах Германии действовали запреты на ее перевод и публикации.

und in wenig volksnahen Sprache verfaßt sind; sie sind keine „Volksbücher“, doch wohl nützliche Hilfen zum Verständnis der Vulgata». [130, S.106]

Юго-запад не был здесь исключением и даже занимал лидирующее положение. Из 14-ти долютеровских южно-немецких Vollbibeln (начиная с «библии Ментеля») 9 было издано в данном регионе, в Аугсбурге, и это не смотря на строгую цензуру майнцского архиепископа (остальные в Нюрнберге и Страсбурге). В конце XV века в Аугсбурге немецкая печатная продукция уже преобладала над латинской (особенно выделялась популярно-религиозная). По данным Г.Штоппа, здесь локализуется больше всего немецких инкунабул – 27,3% (для сравнения в других центрах юго-запада: в Страсбурге - 9,3%, в Ульме – 7,5%, в Базеле – 4,8%), хотя до начала XVI века «швабская метрополия» имела около 20-ти типографий (светских и монастырских) и занимала по уровню развития печатного дела лишь третье место после Страсбурга и Базеля. [120, S.151]

Все долютеровские библии восходят предположительно к одному протопереводу и, начиная с 4-й (одновременно это и первая аугсбургская библия), имеют некоторые переработки, которые затем во всех девяти местных изданиях минимальны. Это позволяет говорить об аутентичности текстовой основы аугсбургских переизданий 1470-1510-х годов. Первая аугсбургская библия была издана упомянутым выше Гюнтером Цайнером около 1475 года. За ней последовали переиздания И.Пфланцмана (1475 г., 2-я), вновь Г.Цайнера (1477 г., 3-я), Антона Зорга (1477 и 1480 гг., 4 и 5-я), Ганса Шенсбергера (1487 и 1490 гг., 6 и 7-я), Ганса Отмара (1507 г., 8-я) и Сильвана Отмара (1518 г., 9-я).

Из аугсбургских протопечатников наиболее крупными и активными фигурами являлись Г.Цайнер, А.Зорг и Г.Шенсбергер, которых часто характеризуют как «религиозных просветителей», хотя их типографии были светскими. Как и многие другие аугсбургские первопечатники они были выходцами из западной Швабии.¹

¹ Г.Цайнер был уроженцем Рейтлингена (как и отец и сын Отмары). Первый его аугсбургский оттиск был латинским (1468 г., религиозно-философское сочинение Бонавентуры) с элементами рукописного иллюминирования по требованию местных церковников. Десятилетие деятельности Г.Цайнера в Аугсбурге закончилось разорением (осужден как еретик?). Плодовитый А.Зорг тем не менее не смог превзойти Цайнера по объему печати. Г.Шенсбергер (старший) работал в Аугсбурге с 1480 по 1520-е гг., став придворным печатником Максимилиана I и обеспечив себя заказами (в частности публикацией имперских документов) и привилегиями.

Большой вклад в изучение языка аугсбургских протопечатников внесла М.М.Гухман, определяя его как «аугсбургский литературный субвариант».¹ [10, С.54] По ее мнению, в текстах местных изданий дюлтеровской библии отразились сложные процессы варьирования утверждавшегося в Аугсбурге узуса *Gemeines Deutsch*, элементы которого переплетались с рефлексам юго-западной традиции. [10, С.82]

Не случайно, что в послесловии к 1-й библии Г.Цайнер упоминает *Gemeines Deutsch* (впервые в печатном тексте !) как образец, т.е. примерно через десятилетие после первой регистрации этого понятия в немецких письменных источниках: «*Diß durchleuchtigost werck der gantzen heyligen geschriff. genandt die Bibel fur all ander vorgedrucket teutsch biblen. lauterer. klaerer. vnnnd warer. nach rechter gemeinen teutsch dann vorgedrucket. hat hie ein ende.*» (выделено нами. – С.Д.) [10, S.78]² С.Вербов справедливо замечал, что для протопечатников здесь речь идет в первую очередь о «модернизации» прежнего узуса, который полностью ими еще не отвергается. [125, S.50]

В данном исследовании нас интересует характер проявления юго-западных изоглосс в текстах переизданий в крупных первопечатных центрах, для чего аугсбургские библии достаточно репрезентативны. Для анализа были выбраны фрагменты 1 книги Моисея (о сотворении мира), опубликованные в известной работе Ф.Кауфмана.³ Из всех текстов лишь отпечаток И.Пфланцмана (2-я библия) имеет некоторые отклонения (вставки, перефразировки). В качестве иллюстрации приведем начальные предложения из текстов девяти библий (юго-западные черты отмечены **жирным шрифтом**):

1. In dem anfang beschuof got hymel vnnnd die erd. ab' die erd wz lere vnnnd eytel. vnd die veinsternuss waren auf den anlutz des abgrunts vnn d' geist gottes warde getragen **auoff** die wasser.

2. In dem anfang beschuof got den himel vnn die erde. wann die erde was eitel vnd lere. vnnnd vinstern waren auff den antlitz des abgrundes vnn der geist gotz ward getragen auff die wasser.

¹ Исследовав около 30 памятников местной ранней печати, М.М.Гухман привлекала тексты 1-й, 4-й и 9-й аугсбургских библий. В ФРГ в 1970-е гг. сложилась исследовательская группа при университете Аугсбурга по теме «Die Augsburger Schreib- und Druckersprache» (руков. Г.Штопп). См. также библиографический обзор: *Bibliographie zur Namenforschung, Mundartforschung und historischen Sprachwissenschaft Bayerisch-Schwabens / Hrsg. von R.Bergmann, W.König und H.Stopp. München, 1978. - S.73-93.*

² На свою ориентацию на *Gemeines Deutsch* при публикации библии прямо указывают также Г. и С.Отмары.

³ См. **Список источников: Фг.К. – S. 338 – 344.**

3. In den anfangе beschuoff Gott himel vnn erden. Aber die erde wz laer vnn eitel. vnn die vinsternuss waren auf dem antltuz des abgrunts vnn der geyst gottes ward getragen auf die wasser.

4. In dem anfangе beschuoff got hymel vnd die erd aber die erd wz lere vnn eytel vnd die vinsternuss waren auff dem antlütz des abgrunts vnn der geyst gotes warde getragen auff die wasser.

5. In dem anfangе beschuof Got hymel vnn erden aber die erde was laere vnn eitel. vnd die vinsternuss waren auff dem antlüz des abgrunts vnn der geyst gotes ward getragen auf die wasser.

6. In dem anfang hat got beschaffen hymmel vnd erden. Aber die erd wz eytel vnn laer. vnn die vinsternuss waren auff den antlicz des abgrundes. vnn der geyst gottes schwebet oder ward getragen auf den wassern.

7. In den anfang hat got beschaffen hymel vnn erden aber die erde was eytel vnn lere. vnn die vinsternuss waren auf den antlicz des abgrundes vnd d' geyst gotes schwebet od' ward getragen auf den wassern.

8. In dem anfang hat gott beschaffen hymel vnn erden. Aber die erd was eytel vnn laer vnd die vinsternuss waren auff dem antlütz des abgrundes. vnn der gayst gottes schwebet oder ward getragen auff den wassern.

9. In dem anfang hat got beschaffen himel vnn erden. Aber die erd was eitel vnn laer vnd die finsternuss waren auff dem antlütz des abgrundes / vnd der gayst gottes schwebet oder ward getragen auff den wassern.

Во всех аугсбургских библиях юго-западные изогlossы остаточны и представлены спорадически в отдельных довольно редких словоформах. Из первичных это дифтонги *ie* и *uo*, глагольная флексия *-nd* и апокопа, а из вторичных – лишь дифтонг *ei*. Отметим характерные для них словоформы-маркеры: для *ie* это *hiess*, *liecht(er)*, для *uo* это *guot*, *gruonend* (только в 7 и 9-й). Пожалуй более устойчива и частотна лишь флексия *-nd*. В случае с апокопой можно говорить о ее постепенном вытеснении (1-я → 9-я библии).

М.М.Гухман также отмечает, что характер редукции у аугсбургских первопечатников был довольно неустойчив и при этом имеет место гиперкоррекция – немотивированное «восстановление» конечного *-e* как вероятное раннее влияние восточно-средне немецкой традиции (*barmherzigkeit*, *allmachtigkeit*). [10, S.57,84] (Ср. 4.1.3.) Случаи гиперкоррекции «под инорегиональный узус» *i: > ei* встречаются в 1-й, 3-й и реже в 4-й библиях (*veinsternuss*, *veinster*, *leichtend*, *erleichten*), что выдает в первую очередь некоторую некомпетентность Г.Цайнера при нейтрализации юго-западных элементов.¹

¹ А.Широкауэр, признавая у Цайнера «Anlehnung der früheren Druckersprache an die lokale Kanzleidiktion», подчеркивал, что «...die wichtigsten Augsburger Drucker, aus Westschwaben zugewandert, seien in der Handhabung des Augsburger Schriftdialekts noch ungeübt gewesen». [99, S.267, 269, 296]

Устойчивая тенденция отличает и постепенную замену узкого дифтонга *ei>ai* (особенно начиная с 4-й библии). Остальные секундарные юго-западные черты отмечаются также в единичных формах: переход *o/ö>u/ü* (*sullen*), делябиализация (Pl.: *frucht*), суффикс *-nuss* (*finsternuss*).

Случаи отражения диалектных (швабско-алеманских) черт в нашем материале тоже спорадичны: *a>o* в словах *do* (1 – 7), *opfel* (1 – 3), *somen* (2), *gethon* (2); *a:>au* в слове *saumen* (1, 4); стяжения – *seym* (*seinem*) (1, 7). Диалектные черты практически минимальны во всех библиях, изданных после 1500 года. М.М.Гухман констатирует спорадичность швабской дифтонгизации и в небиблейских оттисках Г.Цайнера.¹ [10, С.59]

Таким образом, в памятниках такого востребованного в предреформационную эпоху жанра как библии узусы крупных протопечатников демонстрируют довольно ранний, хотя и не во всем последовательный, переход на *Gemeines Deutsch*, что вполне закономерно для аугсбургской традиции.

Страница из «Эзопа» Штейнгвеля
(Ульм, печатник И.Цайнер,
ок. 1477 г.)

¹ Некоторые изолированные изогlossы имеют у Г.Цайнера постоянный характер, например, *erdlich* (также в его издании *Passional* 1471 г.). Этот устойчивый «лексемный вариант» М.М.Гухман отмечает и в позднейших местных изданиях. [10, С.57, 156]

Интересно сопоставить данные наблюдения с ситуацией при повторной публикации художественных текстов для более массового читателя. Для этого нами в качестве материала были использованы два аугсбургских (б., в.) переиздания Г.Цайнером около 1477-78 гг. популярнейшего перевода басен Эзопа швабского гуманиста Г.Штейнгевеля (перевод выполнен в Ульме ок. 1476 г.) и издания (а.) его брата Иоганна Цайнера в Ульме (ок. 1476-77 гг.).¹ Это басня «Vom Hund und einem Stück Fleisch». Приведем для сравнения тексты басни (важнейшие юго-западные изогlossы отмечены **жирным** шрифтом):

а. Welher ze vil gytig ist über fremdes guot, der verlürt offt syn aigen guot dardurch. Von den selben sagt Esopus also. Ain hund truog ain stück flaisch in dem mul. und lieff durch ain fließend waßer. Im durchlouffen sicht er das flaisch in das waßer schynen, und wänet er sech ain ander stuck in dem waßer, und ward begirig das selb ouch ze niemen, und so bald er das mul uff tett, das selb ouch ze erwüschien, enpfiel im das, das er vor truog, und fuort es das waßer bald hinweg. Also stuond er und hett das gewiß mit dem ungewißien verlorn. Darumb welher gytiger ze vil wil, dem würt offt ze wenig.

б. Welher ze/vil getig ist uber fremdes guote der v'leurz oft sein eigen guote dar durch. Von den selben sagt esop? Also. Ein hund truog ein stuck fleisch in den maul. vnn lief durch ein fliessend wasser: in durchloffen. sicht er dz fleisch in daz wasser scheinen vnn wene er sech ein and' stuck in den wasser vnn ward begirig dz selb auch ze nemen / vnn so bald er das maul vff tet dz selb auch ze erwuschen enphiel in dz; dz er vor truog / vnn fuort es daz wasser bald hinweg; also stuond er vnn hett dz gewisz mit den vngewisen verlorn Darumb welher getiger ze vil wil den wurt oft ze wenig.

в. Welher zevil getig ist über fremdes guote der verleuret oft sein eigen guote dar durch. Von dem selben sagt esopus also: **Ein hund truog ein stück fleisch** in dem maul / vnd lief durch **ein** fliessend wasser. Im durchloffen / sicht er das fleisch in das wasser scheinen / vnd wene er sech **ein** ander stück in dem wasser vnd ward begirig das selb auch ze nemen / vnd so bald er das maul uff tet das selb auch ze erwüschien enpfiel im das / das er vor truog / vnd fuort es das wasser bald hinweg / also stuond er vnd hett das gewisz mit dem vngewisen verlorn. Darumb welher getig ze vil wil dem würt oft ze wenig.

В ульмском тексте (а.) юго-западные изогlossы представлены еще достаточно полно за исключением морфологических (как первичных, так и вто-

¹ См. Список источников: G.Ph. – S.238-239, W.Sch. – S.406-407. Оттиск И.Цайнера был, вероятно, первым и содержал параллельные латинские и немецкие тексты. Этот печатник работал в Ульме с перерывами с 1473 по 1520-е гг. и ему принадлежат до 50% всех тиражей ульмских инкунабул.

ричных), дифтонга *üe*, краткости гласного в открытом слоге, перехода *ö/o>ü/u* перед носовыми и аффрикаты *ch*.

В аугсбургских перепечатках уже нагляднее проявляется спорадичность региональных черт, хотя они выступают и в несколько большем объеме, чем в местных библиях.¹ Постепенно вытесняются монофтонги *i: u:*, а вторичный дифтонг *ou* представлен чаще как монофтонг *o:* (*loffen*). Кажется нелогичным, что у Г.Цайнера чаще отражается узкий дифтонг *ei*, чем в ульмском оттиске, где довлеет *ai*.

Во втором издании басен Г.Цайнером (*в.*) (вероятно, что этот оттиск был одним из последних в его практике) объем региональных изоглосс еще более уменьшается. Это особенно наглядно проявилось в данных микротекстах в сокращении форм с синкопой/апокопой и делабиализацией, что видно из следующих противопоставлений: текст *б.* – *v'leurs, dz, and'*; *stuck, erwuschen, wurt*; текст *в.* – *verleuret, das, ander; stück, erwüschén, würt*.

Таким образом, узусы юго-западных первопечатников крупных центров обнаруживают значительную хронологическую и интертекстовую вариативность при отражении региональных изоглосс в стереотипных текстах. Вряд ли здесь можно говорить о доминировании какого-то одного фактора при очевидной тенденции к нивелированию признаков местной традиции (художественный/нехудожественный текст, степень образованности читателя, престижность *Gemeines Deutsch*, объем тиража и др.). (См. также 4.1.3.) Возвращаясь к характеристике узусов протопечатников Н.Р.Вольфом, следует подчеркнуть, что в эпоху инкунабул: «...Autograph und Druck [sind] Repräsentanten einer Schreiblandschaft. Sie nutzen die Variationsmöglichkeiten innerhalb einer Schreiblandschaft ... teilweise in polarer Weise.» [129, S.1439]

Будучи приверженцами принципа «multiplicatio», швабские первопечатники стремились не к достижению надрегиональной коммуникации, а к освоению и воспроизведению «престижных форм», при этом в их репертуар в рассматриваемом регионе попадали и некоторые юго-западные изоглоссы. Это явление Н.Р.Вольф характеризует как «scheinbare Regellosigkeit.» [129, S.1439]² Следование «принципу престижности» лишало узусы первопечатников юго-запада черт устойчивой «квази-нормы», так как с их точки зрения не все инорегиональные черты (юго-восточные и восточно-средне немецкие) имели этот статус, но и местный (в частности канцелярский) узус уже не воспринимался как образец.

¹ М.М.Гухман отмечала, что в издании народной книги «Фортунат» (1509 г.) у С.Отмара юго-западные черты представлены полнее, чем в его же упомянутом издании 14-й долютерговской библии. [10, S.137]

² Это мы отмечали и в нашем материале как, например, полногласные формы у К.Финера или дифтонг *ai* в ульмском оттиске И.Цайнера вместо ожидаемых (!) апокопы и узкого дифтонга *ei*.

4.2. Период 1520 - 1550-х годов

Решающее значение для активизации книгопечатания юго-запада имели 1520 - 1530 годы, когда регион стал одним из очагов Крестьянской войны и распространения поддержанной местными князьями и швейцарскими конфедератами Реформации. Немецкое печатное слово стало орудием пропаганды и агитации. «медиумом» протестантско-католической полемики. В условиях роста немецких изданий (Verdeutschungsprozess), когда их соотношение с латинскими в рассматриваемый период составляло уже 1/3, усилилась ориентация на массового демократического читателя.

Расширился по сравнению с предшествующим периодом рынок печатной продукции, став выгодным капитализированным производством. Только в период 1525-1530 гг. в Германии было издано больше книг, чем за все предыдущее пятидесятилетие существования печатного дела. Если в 1519 году вышло 40 наименований немецкой печатной продукции, то в 1525 году уже 498 (!), а печать стала своеобразным «средством массовой информации». [101. S.392] Изменения в репертуаре изданий (листовки, полемические брошюры и т.п. Tagesliteratur) сопровождалось стремительным увеличением тиражей (до 5000, а у листовок и более экземпляров) в первую очередь реформационной и полемической литературы и десятками переизданий, а также уменьшением формата.

Печатники юго-запада нередко становились участниками бурных событий эпохи, подвергались преследованиям властей и цензуры, что приводило к появлению анонимных тиражей. Типографии искажали выходные данные оттисков и скрывали имена авторов. Например, известный аугсбургский печатник М.Раммингер участвовал в городских волнениях лета 1524 года, когда магистрат запретил местным типографам издание реформационной литературы (в соответствии с постановлением Вормского эдикта 1521 г.) и привел их к присяге. В 1522 году во Фрейбурге (Баден) католики публично сожгли анабаптистские книги. С активизацией контрреформации в 1550-х гг. была введена всеобщая церковная («Index librorum prohibitorum») и имперская цензура

Наступление протестантизма выразилось в доминировании в рассматриваемый период религиозно-пропагандистской литературы и библистики. В «десятилетие Лютера» (1520-е гг.) доля его изданий в общенемецкой продукции составляла до 30%. Примечательно, что в период с 1522 по 1546 гг. в юго-западных типографиях появилось 46% всех изданий библии Лютера, т.е. больше, чем в самом Виттенберге.

Издательские центры также переориентировались в меняющейся ситуации. Так, Аугсбург в 1530-е гг. был метрополией протестантской печати, но одновременно он являлся и центром публикации имперских канцелярских

документов Габсбургов. В Швейцарии (Цюрих) сложилась значительная местная переводческая (У.Цвингли и Л.Юд) и издательская (Х.Фрошауэр) традиции реформатской библиестики. Ульрих Вюртембергский субсидировал типографии в Тюбингене и Урахе для распространения протестантской печати в соседних габсбургских владениях.

Эмансипация родного языка Реформацией и становление протестантской системы образования на юго-западе, расширение грамотности через общедоступные школы увеличили спрос на немецкую книгу и учебник. Неслучайным следует считать появление в 1530-40-е гг. именно на юго-западе (Аугсбург, Цюрих, Страсбург) первых немецких грамматик, пособий по чтению (В.Иккельзамер, Э.Мейхснер и др.), а также латинско-немецких словарей (П.Дазиподиус, Й.Фризиус, П.Колинус). Секуляризации монастырских библиотек, инициативы гуманистов способствовали появлению в регионе одних из первых городских публичных библиотек (в 1531 г. в Страсбурге, в 1536 г. в Аугсбурге).

Книгопечатание с начала XVI века стало «медиумом» и современной многожанровой светской литературы. Юго-западу (особенно Эльзасу) принадлежал в это период определенный приоритет в развитии бюргерской сатирической литературы общенемецкого масштаба. Вюртембергские гуманисты также внесли значительный вклад в развитие народно-комедийных жанров. Активная издательская традиция характеризовала и швейцарских литераторов, поэтика которых постепенно обособливалась от немецких традиций. (См. 1.4.) На фоне многообразной анонимной демократической литературы Крестьянской войны и Реформации, проникавшей в печать, местные реформаторы выступали и как литераторы, как, впрочем, и некоторые печатники (особенно это отличало базельскую традицию: Б.Йобин, И.Фробен, также «Gelegenheitsdrucker» П.Генгенбах и С.Франк).¹

Наступление контрреформации (наиболее активное в Бадене и Эльзасе) подорвало с 1550-х гг. сложившиеся издательские традиции, особенно в Страсбурге. В целом начавшийся спад книгопечатания был связан и с общим экономическим регрессом юго-запада во второй половине XVI века.

Динамика развития книгопечатания на юго-западе в квантитативном аспекте в период расцвета систематизирована в фундаментальных исследованиях Г.Штоппа (1931-1981). [119, S.237-261] Его данные по четырем основным показателям (а - г) можно представить на фоне общеверхненемецких (в %) в виде следующей таблицы:

¹ Интересны факты возникновения «самиздата», когда, например, Т.Мурнер в конце 1520-х гг. сам организовал, находясь в эмиграции в Люцерне, печатню для быстрой публикации своих антиреформационных полемических сочинений.

Таблица 3

Распространение книгопечатания на юго-западе в XVI веке

Период	Города, где имелись печатни	%	Общее число печатников	%	Центры книгопечатания	%	Число печатников в центрах	%
1500-1550 гг.	23	30	149	38	3	43	97	46
1550-1600 гг.	26	25	124	24	2	20	58	20
	а		б		в		г	

Таким образом, в каждом городе юго-запада, где имелось печатное дело, в первой половине XVI века в среднем работало 6,5 печатника (этот показатель снижается к концу века до 4,8), а в издательских центрах (т.е. с числом печатников более 15) этот показатель первоначально равнялся 32,3 (в конце века - 29). [119, S.245] (См. Рис. 29)

Постепенно изменяется также показатель концентрации издательской деятельности в регионе: если до 1550-х гг. 65% всех типографий находилось в Страсбурге, Базеле и Аугсбурге, то к концу века уже только 47%, поскольку снижается издательская активность в Аугсбурге и Страсбурге, но увеличивается доля печатной продукции из Швейцарии (Цюрих, Берн), что подтверждается также данными Й.Бенцинга. [43, S.521-526] Однако основными центрами-конкурентами в течении всего рассматриваемого периода оставались Страсбург (не менее 40 печатников) и Базель.

Если, используя методику Г.Штоппа, разбить Druckerstädte по числу печатников на 5 групп (а: 1 - 4; б: 5 - 14; в: 15 - 24; г: 25 - 34; д: 35 - 44), причислив к «центрам» группы в - д, то изменение концентрации издательского дела в регионе можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 4

Динамика концентрации книгопечатания на юго-западе в XVI веке

Города, где имелись печатни/ период	а	б	в	г	д	Итого
до 1550 г.	16	4	1	1	1	23
до 1600 г.	20	4	-	2	-	26

Таким образом, концентрация книгопечатания в малых городах (группы а - б), составлявших основу урбанистической системы юго-запада, с 1550-х гг. незначительно возрастает: от 2,6 до 2,8 печатника в одном месте. Сопоставив эти данные с показателями уменьшения концентрации книгопечатания в Druckerzentren, можно говорить об определенной *стагнации* в регионе. Это

подтверждается также технологическими показателями, например, сокращением числа прессов в Страсбурге: 1530-40 гг.: 23, 1540-50 гг.: 14.

Впрочем, если суммировать все данные Г.Штоппа, то можно определить долю юго-запада в общеверхненемецком печатном производстве до 1550-х гг. в 39,3%, что выше, чем у любого другого региона. Хотя данный показатель снижается к концу XVI века до 22,3% и происходит увеличение доли восточно-средненемецкого (до 29,8%) и западно-средненемецкого (до 30%) ареалов, где с 1550 -х гг. Франкфурт на Майне становится центром книготорговли, роль юго-запада не становится периферийной (для сравнения - доля юго-восточного ареала к 1600 г. равна лишь 17,5%).

4.2.1. «Языки печатников» и юго-западный территориальный вариант литературного языка

Датируемое вторым десятилетием XVI века начало унифицирующего воздействия книгопечатания на литературный немецкий язык (в первую очередь в фонетико-орфографической сфере) традиционно оценивается через феномен «языка печатников» (*Druckersprache*, в других вариантах *druckersprachliche Varietäten*, *gedruckte Sprache*, *Drucksprache*, также «практика издательской деятельности»).¹ М.М.Гухман отмечает в полемике с А.Бахом: «Язык печатных изданий представляет собой своеобразное переплетение устоявшихся традиций письменного языка определенных центров и диалектных особенностей, характеризующих язык города или самого печатника, а также новых тенденций, характерных для немецкого литературного языка конца XV - начала XVI вв.» [2, С. 338]. В то же время «языки печатников» не могут рассматриваться в этот период вне связи с языком рукописи или типографского оригинала при его перепечатке, а соотношение *lokale Schreibtradition/Druckersprache* остается сложным.

Определяя «язык печатников» как одну из *форм презентации* региональных вариантов письменно-литературного языка, Н.И.Филичева полагает, что с начала XVI века «...канцелярии уступают свою важную роль в качестве *движущей силы* (курсив наш. - С.Д.) и образца в языковом выравнивании книгопечатанию и языку первопечатников, образцовым авторам

¹ Г.Вельманн оценивает последствия этого воздействия как «инновационный сдвиг»: «...Schub bei der Innovation von Textstrukturen, - formen, - arten und - stilen.» [124, S.270] Нельзя не согласиться с мнением некоторых исследователей о расплывчатости понятия «язык печатников». Например, Г.Й.Бокор предлагает ввести понятие «*Verlegersprache*», полагая, что издатель с начала XVI в. был более активен во влиянии на языковую форму готовящейся к печати рукописи. [54, S.37,40]

(в особенности, М.Лютеру), а также грамматистам и педагогам.» [37, С.120, 128] Но, помещая «языки печатников» в процессе преодоления территориального варьирования литературного языка между «Kanzleisprachen» и «ранними нормализаторами», исследователи расходятся в оценке характера и глубины этого воздействия. В интересующем нас аспекте это касается вопроса о соотношении узуса юго-западного ТВЛЯ и местных «языков печатников» пост-инкунабульного периода.

«Druckersprachen» предстают со второй четверти XVI века как коллективные, коррелирующие узусы, отличающиеся от узусов первопечатников предшествующего периода (сокращение диапазона стихийного варьирования, возросшая роль корректуры и определенность внутри- и инорегиональных языковых приоритетов). Особенностью «языков печатников» юго-запада (в частности крупнейшего центра - Страсбурга) являлась их ориентация не на образцовые тексты (здесь лидирует Лютер) или местные канцелярские языки (что было типично, например, для Виттенберга), а на значительные типографские центры [116, S.15], т.е. взаимная корреляция («ausstrahlender Druckort» по терминологии Г.Винклер). [127, S.97]

Селективность как объективное, связанное с техникой набора свойство печатного слова (Zwang zur Auswahl, Vereinheitlichung der Versionen) не была социофункционально детерминирована как в языке правовых документов. [66, S.1416] Вряд ли также можно согласится с тем, что, будучи частично даже выходцами из среды канцеляристов, печатники XVI века повсеместно следовали канонам канцелярского языка.

«Языки печатников» юго-запада XVI века одновременно: 1) фиксировали и закрепляли основные особенности (изоглоссы) местного ТВЛЯ (особенно это заметно при корректуре перепечатанного инорегионального текста)¹ и 2) улавливали черты интегративных отношений между ТВЛЯ южно-немецкого лингвоареала и культурного континуума.

При этом некоторые печатники юго-запада создавали гиперкорректные формы, не владея актуально, как и их предшественники-первопечатники, инорегиональными узусами. Например, П.Генгенбах из нижеалеманского Базеля повсеместно трансформировал «квази-аугсбургские» формы *u: > eu* даже там, где юго-восточная дифтонгизация не имела места. [11, С.76.88] Исследователи отмечают: «Im Verlauf der Vereinheitlichungstendenzen wird zunächst die jeweils spezifische regionale Angleichung anzunehmen sein; die hier durcherhöhte passive Allgemeinverständlichkeit kann dann zum

¹ Это показал на примере рукописного/печатного текстов поваренной книги семейства Вельзеров в Аугсбурге Г.Штопп: Н. Stopp. Schreibsysteme in Handschrift und Druck // Sprachwissenschaft. 1980, №5. - S.43-52.

überregionalen Ausgleich führen.» (курсив наш. - С.Д.) [116, S.21]¹ Эта амбивалентность «языков печатников» неодинаково проявлялась в разных функционально-стилистических сферах местного ТВЛЯ и субареалах юго-запада.

Хотя приведенные выше количественные показатели свидетельствуют о приоритете юго-запада как центра книгопечатания до 1550-х гг., это не означает господства узуса местного ТВЛЯ в печатной продукции в самом ареале, или о его активном распространении за его пределы. Не касаясь подробно вопроса о престижности юго-западного ТВЛЯ, отметим известные факты экспансии инорегиональных изданий из Виттенберга (восточно-средне немецкий ареал) и традиционную ориентацию печатников Аугсбурга и Страсбурга на юго-восточный ТВЛЯ. [16, С.63-64]

Отсутствие монолитности «языка печатников» юго-запада констатирует Г.Мозер, который подразделяет их на три типа (субареала): 1) швабский (центры Аугсбург, Ульм, Тюбинген), 2) верхнерейнский (центры Страсбург и Базель) и 3) внутришвейцарский (центры Цюрих и Берн). (См. Рис. 30) [83, S.233] Примечательно, что главные центры книгопечатания юго-запада расположены на его карте в зоне распространения Gemeines Deutsch и «языков печатников» 1 и 2 типов (Г.Мозер не выделяет в южно-немецком континуме юго-западный ТВЛЯ!).

«Innenschweizerisch» (по-Мозеру) развивается с некоторым опозданием. Местные особенности фиксируются печатниками Цюриха (в течение рассматриваемого периода не более 15 типографий) - некоторое время единственного значительного центра швейцарского субареала. Базель вошел в состав конфедерации в 1501 году, а в Берне типографии появились лишь в 1537 году.

В этой связи Фр. Гартвег предлагает различать региональные – надрегиональные «языки печатников»: «...die schichten- und territorialspezifische Sprachbarrieren überwinden helfen und zumindest die passive Allgemeinverständlichkeit verbreiten.» [64, S.45] К первому типу он относит «внутришвейцарский», ко второму – «аугсбургский».

4.2.2. Юго-западный узус в ведущих жанрах печати 1520-х годов

Один из крупнейших специалистов по «языкам печатников» эпохи Реформации А.Гетце отмечал в качестве особенности «бурного десятилетия» 1520-х гг. преобладание практики быстрой печати и переизданий, часто анонимных.[61, S.V] Основой печатной продукции становятся листовки (Flugblatt, Flugschrift, büchlin) объемом от одной до нескольких страниц.

¹ Как отмечает Фр.Гартвег, в узусах печатников XVI века «hyperlokale Reaktionen» также не были редким явлением. [65, S.166]

Пик публикации этих изданий, нередко сбывавшихся прямо на рынках, приходится на 1520-1526 гг.

Отражение основных изоглосс юго-западного ТВЛЯ через призму «языков печатников» этого периода можно проследить на материале фундаментального исследования оттисков 1519-29 гг. (среди них около 30 источников юго-западной локализации) М.М.Гухман «Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны». [11, С.140-197; 12] Хотя автор анализирует определенный тип печатной продукции (листовки), ее данные достаточно репрезентативны в контексте данной работы, поскольку многожанровая литература Реформации этого типа до 1530-х гг. являлась доминирующей и в книгопечатании рассматриваемого региона, где по степени значимости в ее выпуске располагались Аугсбург, Страсбург, Базель и Цюрих.

Политико-агитационная мобильная «малая печать» приобрела в форме листовки действительно массовый характер в социальном и территориальном смысле. Отличаясь информативностью, злободневностью и пропагандистской направленностью на широкого читателя, она обладала и значительной социополитической дифференцированностью. Заостренная полемичность листовок, стремление выразить актуальное содержание порождали их жанровую и стилистическую гетерогенность. [11, S.253] Н.Р.Вольф справедливо рассматривает их как предшественников газет, о чем свидетельствует и появление характерных титулов – «Newe Zeitungen», «Relationen».¹ [130, S.103]

1520-е годы наметили в целом заметный сдвиг в языковой ситуации на юго-западе: 1) активизировалась интеграция местного, юго-восточного (Gemeines Deutsch) и восточно-среднемецкого ТВЛЯ, 2) усилилась обособленность и замкнутость швейцарского субареала, 3) наметилась общая «демократизация» письменно-литературных языковых форм. Последнее позволяет предположить, что вместе с увеличением доли обиходно-разговорных черт повсеместно возрастает и региональная окраска юго-западной печатной продукции, что однако было опровергнуто М.М.Гухман.

Система предложенных М.М.Гухман для анализа региональной специфики языка листовок признаков и их компоновка (фонетические, морфологические) во многом совпадает с выделенной в данном исследовании группировкой юго-западных изоглосс. Из юго-западных первичных черт М.М.Гухман не рассматривает (или характеризует не во всех текстах) рефлексы дифтонга *ie*, отражение краткости гласного в открытом слоге, а из вто-

¹ Впервые в Германии данный тип печатной продукции появляется опять же на юго-западе - в 1502 г. в Аугсбурге. Например, «Newe Zeyttung» под редакцией имперского секретаря А.Карла выходит относительно регулярно с 1536 г. в типографии Г.Штейнера (в Аугсбурге с 1522 по 1547 гг.) объемом около 20 страниц.

ричных – узкий дифтонг *ei*, аффрикату *ch*, и форму причастия II *gsin*. При этом она также включает в сетку общерегиональных признаков переход *a>o*, который трактуется нами как локальная (диалектная) черта. [11, С.155-182]

При анализе «языков печатников» Аугсбурга М.М.Гухман приводит тексты 6 листовок (в частности, известное статейное письмо восставших крестьян), изданные в большинстве упомянутым выше Мельхиором Раммингером.¹ В корпус страсбургских текстов ей включены 7 листовок, частично анонимных, например, известный «*Karsthans*» (печатники в основном И.Прюс и И.Шотт). «Языки печатников» Базеля и Цюриха рассматриваются соответственно на материале 3-х и 4-х листовок (печатники П.Генгенбах и Х.Фрошауэр). Это в основном полемические сочинения Цвингли и С.Гофмейстера. Все данные тексты опубликованы в 1520-26 гг. [11, С.264-273]

Для характеристики отражения дифтонгов *ie* и *ei*, нами были использованы как вспомогательные данные, которые приводит А.Гетце в своей известной монографии «*Die hochdeutschen Drucker der Reformationszeit*». А.Гетце не дает подробного анализа корпуса текстов, ограничиваясь лишь краткой характеристикой признаков узусов ведущих 75 типографов верхненемецкого гиперареала, печатавших на родном языке, из которых 38 связаны с юго-западом (т.е. 51%): 11 в Аугсбурге, 10 в Страсбурге, 8 в Базеле и 2 в Цюрихе (остальные 7 в прочих городах региона). В отношении цюрихских печатников он также констатирует спорадическое употребление аффрикаты *ch*. [61, S.2-38]

Полученные обобщенные данные можно систематизировать в виде следующих таблиц:

Таблицы 5-5а

**Отражение основных особенностей ТВЛЯ юго-запада
в «языках печатников» крупнейших центров книгопечатания
(по данным М.М. Гухман и А. Гетце)²**

Центры/ изогlossы	i: u: ü:	ie uo üe	gan/ stan	-nd	синкопа/ апокопа
Аугсбург	- - -	(+)(+)(+)	(+)	(+)	(+) / (+)
Страсбург	(+)(+)(+)	(+)(+)(+)	(+)	(+)	(+) / (+)
Базель	(+)(+)(+)	(+) ++	(+)	(+)	(+) / (+)
Цюрих	+++	(+) ++	+	+	(+) / (+)

¹ М.Раммингер (ум. ок. 1544 г.) был уроженцем Аугсбурга и упоминается здесь с 1509 г. как переплетчик. С 1520 г. открывает печатню и активно издает произведения реформаторов, практикуя частые перепечатки. С 1526 г. постепенно разоряется. [43, S.16-17]

² Первичные юго-западные изогlossы выделены **жирным** шрифтом, вторичные – *курсивом*. Условные обозначения в таблице см. в заключении главы 3. Также: ? – нет точных данных.

Продолжение табл. 5-5а

Центры / изоглоссы	ei ou	o ð > u ÿ	делабиализация	-nis -le
Аугсбург	(+)(+)	*	(+)	*
Страсбург	(+)(+)	*	(+)	*
Базель	(+)(+)	*	?	*
Цюрих	(+) +	(+)	(+)	(+)

Таким образом, только *цюрихские печатники* последовательно отражали особенности юго-западного ТВЛЯ. Аугсбургские издания фиксировали колебания в основном между юго-восточным (как ставшим первичным здесь) и юго-западным (реже восточно-средне немецким) узусом. В Страсбурге - культурной метрополии юго-запада начала XVI века наблюдалась конвергенция всех трех типов ТВЛЯ. Не случайно исследователи отмечают здесь до 1530-х гг. «absoluten Wildwuchs im Buchdruck.» [116, S.23]

М.М.Гухман также делает интересные выводы о маркированности отдельных изоглосс. Так, делабиализация и переход **a** > **o** оцениваются ей в «языках печатников» как явления низкой, социально маркированной языковой сферы. [11, С.164-165] Как *провинциальные* уже воспринимались частью печатников юго-запада, по ее мнению, дифтонг **ou** и старые монофтонги, при этом максимальной социальной значимостью обладали черты аугсбургского узуса: «Что касается юго-запада, то здесь вытеснение местных форм из языка политической литературы должно быть целиком объяснено социальным престижем аугсбургского варианта.» [11, С. 238-239]

Из всех печатников 1520-х гг. лишь швейцарцы были склонны к «переводу» на местный юго-западный узус инорегиональных текстов, но при этом их язык был практически тождественен языку авторов, если они были местными. Иная ситуация сложилась в Аугсбурге и Страсбурге, где типографы активно элиминировали региональные черты в произведениях местных авторов. [11, С.147, 260] Впрочем, как отмечает М.М.Гухман, в практике аугсбургских печатников их собственное влияние было слабее в морфологии, чем в фонетико-орфографической сфере. Например, при отражении форм множественного числа глаголов **-nd** первичной была не издательская практика, а язык автора листовки. [11, С.100-102]

Так, М.Раммингера отличало в целом достаточно корректное отношение к языку авторов именно листовок. Например, тексты известного протестантского проповедника и активного инсургента К.Шаппелера (1472-1551) из Меммингена (Южная Швабия) он (из-за симпатии к реформатам?) издал с минимальными правками, как, впрочем, и швейцарскую анонимную стихотворную листовку «Das Kegelspiel».[11, С.33, 73]

Таким образом, в издательской практике печатников юго-запада 1520-х гг. действовали разнообразные модели:

«язык автора» ⇒ «язык оттиска»
 («язык автора» ← «язык печатника») ⇒ «язык оттиска»
 («язык печатника» → «язык автора») ⇒ «язык оттиска»

Достаточно спорным является, по мнению М.М.Гухман, вопрос о влиянии на отражение в листовках региональных изоглосс жанрово-стилистических особенностей текстов, что было опосредовано многими факторами. Поскольку письменно-литературный язык начала XVI века еще не имел оформленных кодифицированных норм, регулировавших стилистический отбор языковых единиц, не сложилась система стилей, происходила гетерогенизация разноуровневых явлений (лексических, фонетико-грамматических), которые не были непосредственно соотнесены друг с другом. [11, С.250-251] М.М.Гухман констатирует, что, вероятно, лишь ограниченное отражение апокопы конечного *-e* в аугсбургских текстах было непосредственно связано с архаизирующей тенденцией «книжного языка». [11, С.240]

Например, во многих политических листовках-диалогах не существовало размежевания языка персонажей как представителей разных социальных групп по региональным маркерам, что свидетельствовало об отсутствии сознательной стилизации авторами, или о нивелировании регионализмов как ситуативных признаков речи персонажей печатником (если они и имели место у автора!).¹ Так, в эльзасском издании «Karsthans» М.М.Гухман отмечает недифференцированность употребления юго-западных черт в репликах героев как репрезентантов разных социо-территориальных и коммуникативных сообществ (Карстганса², студента, Лютера, Мурнера). [11, С.202] (См. о сходных явлениях в языке юго-западных хроник в разделе 3.3.)

По наблюдениям М.М.Гухман, активное взаимодействие различных ТВЛЯ на юго-западе приводило к гипервариантности узусов печатников 1520-х гг. Тем не менее, типографы и корректоры выступали в рассматриваемую эпоху в качестве более или менее сознательных участников нормализационных процессов наряду с представителями других слоев городской

¹ Однако в швейцарских текстах контраст юго-западных/инорегиональных черт имел стилистическую окраску. Например, в цюрихской листовке 1526 г., где описывался диспут папистов и крестьян, сторонников новой веры, прямая речь vicaria окрашена формами Gemeines Deutsch.

² «Ганс с мотыгой» – популярный образ демократической литературы и местного фольклора.

интеллигенции. [11, С.249] Цепочка престижных центров печати выстраивалась при этом следующим образом:

Аугсбург

↓ ↘

Страсбург → Базель

Однако вопрос об отношении «языка печатника/автора» к региональному письменному узусу 1520-х гг. и первичности одного из них нельзя считать решенным, и исследователи приходят в зависимости от подбора источников подчас к противоположным результатам.¹ М.М.Гухман в своей позднейшей публикации, посвященной языку анонимной южно-немецкой листовки «An die versammlung gemeiner pawerschaft» (1525 г.) вообще отказывается от возможности квази-локализации этого издания только на основе выделяемых изоглосс, приписываемых *a priori* определенному ареалу юга Германии. [12, С.172]

Подводя итог своим исследованиям языка политической литературы 1520-х гг., М.М.Гухман отмечает: «[Es] verstärkt unsere Zweifel an der Richtigkeit der traditionellen Schemen der territorialen Varianten der Literatursprache. Es werden einzelne Erscheinungen, aber nicht verschiedene Subsysteme (mit den ... erwähnten Ausnahmen) einander gegenübergestellt». (выделено мною. - С.Д.) [11, С.264] За исключением Швейцарии (минус Базель!) большинство территории юго-запада представляло собой «зоны варьирования», где преобладала лишь какая-то определенная группа изоглосс, а взаимная корреляция элементов юго-западного узуса ослабевала: «В этих условиях выделение замкнутых территориальных вариантов литературного языка оказывается нередко противоречащим объективной реальности». [11, С.196]²

¹ Фр. Гартвег показал, что при переиздании аугсбургских «12 статей» (1525 г.) страсбургские печатники (это в основном Kleindrucker) увеличили локальную фонетико-орфографическую окраску текста, хотя и не в такой степени как это практиковали швейцарские типографы. [65, S.179-180] Фундаментальное исследование К.Штокман - Ховекамп «языков печатников» Страсбурга на материале листовок известного реформатора М.Буцера продемонстрировало, что в лексике регионализмы напротив вытесняются типографами и утрачивают характер региональных маркеров текста. [116, S.400] Г.Винклер, исследовав словарный состав 4 диалогических швейцарских листовок 1521-25 гг., также пришла к выводу о нехарактерности для них территориально маркированных единиц (не более 0,7% от всего словарного состава) и о преобладании общеврхненемецких лексем. [127, S.325, 338]

² М.М.Гухман предлагает исходить из количественного анализа вариантных явлений при определении региональной доминанты в группе автотонных текстов. [11, С. 150]

4.2.3. Региональные изоглоссы в рукописных/печатных текстах «homines litterati» крайнего юго-запада

Примечательно, что впервые в 1531 году язык аугсбургского печатника Г.Шенсбергера-младшего уже определялся ранними «нормализаторами» (авторами грамматик, письмовников и т.п.) как образцовый *Gemeines Deutsch*, т.е. как репрезентант юго-восточного узуса. Констатация факта постепенного «вытеснения» к 1530-м годам юго-западного ТВЛЯ в швейцарский субареал делает необходимым обращение к практике местных печатников, деятельность которых, как отмечалось, разворачивалась с некоторым запозданием. Новые типографии появляются в рассматриваемый период в Аргау в 1511 году, в Люцерне в 1524 году, в Граубюндене ок. 1550 года, остальные позднее: в Шафгаузене в 1577 году, в Сент Галлене в 1578 году, во Фрейбурге ок. 1580 года. Но основными центрами книгопечатания конфедерации оставались до 1530-х годов Базель и Цюрих. В XVI веке в Швейцарии постоянно работало примерно 70 печатников, из них около 50 в Базеле и около 15 в Цюрихе.

В.Мозер несколько категорично замечает, что появление в 1537 году в Берне типографии Матиаса Апиария¹ изначально характеризовалось твердым следованием, как и в Цюрихе (но не в Базеле!) (См. раздел 4.2.2.), юго-западному узусу: «Diese Offizin scheint nun noch durchweg auch unter den Söhnen am hochalemannischen Schriftdialekt festgehalten zu haben». [86, S.124] Берн, где сложилось аристократическое правление и Реформация окончательно победила лишь в 1528 году, являлся в данный период вторым после Цюриха конфессионально-политическим форпостом конфедерации (достаточно автономным!), контролируя большинство территорий западной Швейцарии.

Уникальный материал для исследования соотношения узусов автора/печатника крайнего юго-запада представляют собой тексты крупного бернского протестантского литератора-драматурга, политика, художника (в том числе иллюстратора собственных сочинений) и гуманиста **Никласа Мануэля**. (См. 1.4.) С 1512 и с 1528 годов он с перерывами занимал должности в советах Берна, в 1516 году участвовал как полковой писарь бернских наемников в итальянских войнах, в 1523-28 годах был заместителем в Эрлахе около Берна. С начала 1520-х годов Н.Мануэль выступил как активный литератор-пропагандист швейцарской национальной идеи и новой веры в поэзии, в жанрах масленичной комедии и сатирической драмы.

¹ М.Апиарий (ум. в 1554 г.) был уроженцем северной Баварии, работал переплетчиком в Нюрнберге и Базеле (с 1525 г.), затем с 1533 г. до переезда в Берн был печатником в Страсбурге, издавая и произведения реформаторов.

Рисунок Мануэля к драме
«Торговец индульгенциями»
(1525 г.)

Степень единства юго-западного узуса в его отношении к «языкам печатников» Швейцарии можно проследить на материале следующих источников, принадлежащих Н.Мануэлю¹:

- 1) два письма-прошения совету Берна (Эрлах, 1525 г.),
- 2) шутовское послание (т.н. Weinbrief) совету Берна, которое можно рассматривать как литературный текст в жанре псевдо-эпистолярной травести (Эрлах, 1526 г.)²,
- 3) стихотворная драма «Spiel vom großen Unterschied zwischen dem Papst und Jesum Christum» (бернское издание М.Апиария, 1540 г.)³.

¹ См. Источники: А.Г. - S.69-72, R.H.R. - S.211-221.

² Автор называет рукописное послание, аллегорически повествующее об изготовлении эрлахского вина, *historie*.

³ Пьеса была написана в 1522 г. в жанре диалогической масленичной комедии (Faßnacht-schimpff), поставлена как уличное действие, а впервые напечатана в 1524 г. (Цюрих ?). В целом, Берн не отличался оживленной литературной жизнью. Примечательно, что в практике швейцарских реформатов, как подчеркивает Я.Бехтольд, тексты протестантской драмы существовали в рукописных (постановочных) и печатных (для чтения) вариантах. [41, S.273]

Г.Баумгартен обратил внимание на некоторые различия в языковой практике Н.Мануэля как чиновника и как драматурга. В частности, он отмечает использование в его драмах регионально окрашенных форм глаголов **geben/nehmen** и словообразовательного суффикса существительных **-ing**, что отсутствует в официальной переписке Мануэля (форма на **-ung**), а в текстах его драм иногда подвергается правке печатником (форма на **-ig**). При этом Г.Баумгартен исходит из тезиса о том, что бернский «Kanzleisprache» являлся каналом проникновения в местный письменный узус общенемецкого предстандарта. [42, S.28,33] Однако при рассмотрении нашего материала ситуация представляется не столь однозначной.

Во всех трех типах текстов Н.Мануэля юго-западные черты представлены достаточно последовательно и полно за некоторым исключением: из первичных – дифтонг **üe** и краткость гласного в открытом слоге, а из вторичных – делабиализация **ö ü**.¹ Из рассматриваемых текстов указанный дифтонг не встречается в письмах из Эрлаха. Наиболее последовательно он отражен в «Weinbrief» и реже в драме. Примечательно, что **üe** отсутствовал уже в основном и в швейцарских памятниках городского права, в исходящей переписке конца XV века и в хрониках XVI века. (См. выше 3.2.2., 3.2.3., 3.3.)

Одинаково вариативны во всех четырех источниках случаи синкопы/апокопы. Краткость гласного в открытом слоге более последовательно обозначалась в тексте драмы. Как локальная изоглосса повсеместно отмечается также алеманский переход **a>o**.

К очевидному влиянию «языка печатника» М.Апиария (активно владевшего интерферированными узусами базельских и страсбургских коллег) в драме следует отнести лишь редкие случаи нейтрализации глагольной флексии **-nd (erkanten, predigen)**² и перехода **o>u** перед носовыми (*besonder*).

Совершенно иная практика отличала Апиария при переиздании инорегиональных текстов не связанных с конфессионально-политической борьбой и предназначенных для широкого рынка, что достаточно симптоматично для Швейцарии. В качестве примера мы приведем фрагмент из его издания 1539 года «Germaniae Chronicon» (1537 г.) известного радикального протестантского литератора и просветителя С.Франка, содержащий описание Рейна.³ Оттиск Апиария демонстрирует почти полный переход на узус формирующегося общенемецкого предстандарта и спорадические юго-западные

¹ Во всех текстах не зафиксирована также аффриката **ch** и форма Part. II **gsin** (последняя ввиду ограниченности объема материала ?).

² М.М.Гухман подтверждает, что в рукописях драм Н.Мануэля, например, в «Der Ablafkrämer» (1525 г.), посвященном запрету продажи индугльнций в Берне. форма **-nd** сохранялась абсолютно стабильно. [11, С.145]

³ См. Список источников: G.Ph. - S.338 - 339.

изоглоссы: из первичных – **ie, u; uo** (в единичных словах *vsß, spiesß, zuo, fuosß*), флексию **–nd** (в форме *seind*), синкопу/апокопу, из вторичных лишь **ei**, делабиализацию и **o>u** перед носовыми (последние две изоглоссы также в отдельных словоформах). Эти редкие явления несомненно нельзя считать «переводом» первоисточника на юго-западный узус.

Примечательно, что сам Н. Мануэль включал признаки юго-восточного узуса в пьесах в речь идейных противников, т.е. из стилистических соображений, например, в реплики крупнейшего представителя католического лагеря – И.Экка, что было достаточно новаторским, если вспомнить материал швейцарских листовок или хроник. (См. 3.3. и 4.2.1.) При этом использовались и гиперкорректные формы, что имело, по мнению Г.Трюмпи, характер пародии: «Lass meich (= mich) ungefazit! dass deich (= dich) sant Veltins arbeit besteht, els buoben! eich (= ich) hab sunst gnuog, das meich betrübt, wolts du meich gespoien?» [121, S.15] Как отмечает М.М.Гухман: «Здесь узус юго-восточного варианта не только не обладал престижностью, но и воспринимался как проявление враждебной идеологии.» [13, С.55]

Показателем устойчивости юго-западных изоглосс в языке драмы (пьеса Мануэля написана с использованием парной рифмы) является их употребление в рифмах (это дифтонги **ie, üe**, монофтонги **ü: i: u:**, узкие дифтонги **ei** и **ou**, флексия **–nd, o>u** перед носовыми и форма глагола **han**), где отмечен только один случай «дисгармонии» с использование дифтонга **ie**:

«So gantz schemig und einfaltig uff dem Thier /
Lieber min etter Ruoedi, wie gfalt er dir...»
[R.H.R. - S.214.]

Средством выражения разговорности в драме, хотя она состоит не из стилизованных под живую речь реплик, а из риторичных микро-монологов, является не увеличение региональной окраски языка в целом, а использование стяженных региональных форм типа: *sym* (*sinem*), *treyt* (*tragit*), *gend* (*gebend*), *sönd* (*sollend*) и сниженной лексики (на это указывает и подзаголовок пьесы – «kurzwillig schimpf»). Речь персонажей драмы – простых крестьян и авторские ремарки не отличаются в плане региональной фонетико-морфологической окраски. В письмах Мануэля встречаются лишь контракции типа *eim*<*einem*.

Для иллюстрации приведем реплику одного из героев пьесы, обличающего папистов:

«Botz verden katigen treckigen schweiß
Wie sind die keyben¹ so glatt und feiß /
Wie hend wir die schoelmen muessen mesten

¹ Здесь: Menschen, die an den Galgen gehören; Kavader.

Sy fressend und trinckend allweg das besten
Und gebietend uns by Gotts ban
Und wend uns ouch weder eyer noch fleysch lan /
Und fressend aber sy alles daß sy gelust
Raephuonli / guot feyßt kappunen / und anders sunst /
Das bringt man inen uff ross und waegen
Des inens der tüffel muesse gesegen.»

[R.H.R. – S.219-220]

Таким образом, в плане презентации (достаточно полной!) регионально-го узуса в автохтонном тексте определенного жанра «язык печатника» и язык швейцарского автора оказываются чрезвычайно близкими.¹ Это позволяет говорить о значительной устойчивости юго-западного ТВЛЯ в верхне-алеманском субареале 1520-30-х годов, где локальный канцелярский узус, письменно-литературная традиция и «языки печатников» небольших центров традиционно выступали в относительном единстве.

4.2.4. Цюрихские печатники и язык швейцарской Реформации

Бескомпромиссное завершение диспута между Лютером и Цвингли осенью 1529 года в Марбурге явилось точкой отсчета конфессионально-политического обособления Швейцарии, что имело и языковые последствия. Столицей швейцарской Реформации стал отличавшийся традициями бюргерско-демократического управления Цюрих, где Цвингли пытался с начала 1520-х гг. воплотить свои теократические идеи.

Письменно-языковая практика цвинглианцев была направлена не на преодоление «горизонтальных» (межрегиональных), что ставил своей целью Лютер, а «вертикальных» (социальных) языковых барьеров. Не замыкаясь в теологических постулатах, швейцарские реформаты в рамках пресвитерской церкви искали в языковой практике выход в социально-конкретных ситуациях в форме диспута и проповеди, демократизации языка (*maximal vertikale Kommunikation auf «die einfaltig mensch»*) и активной делатинизации. [96, S.10-11]

Реформаторы-радикалы оперировали понятием «язык конфедератов», что впервые датируется 1523 годом в цюрихской листовке, посвященной диспуту Цвингли с констанцскими католиками: «Redtstu uff des Zuinglins predge, die er von vnser frowen gethon hat, so gebrist dir, das du nüt

¹ Многие исследователи, в частности С.Зондерэггер, полагают, что из всех жанров письменности в Швейцарии XVI в. местный узус был наиболее устойчив в жанре драмы, отчасти в хрониках и в меньшей мере в ученой прозе (особенно в северной Швейцарии), при этом наибольшей стабильностью обладали дифтонги *ie uo*. реже *üe*. [111, S.1838]

Evdgnossische sprach kannst.» [121, S.15] Понятие «*der Helvetier tütsch*» употребляет в своих трактатах Э.Чуди («*Rhaetia*», 1538 г.) и некоторые швейцарские литераторы-реформаты (также: *lingua helvetica*, *Helvetisch*, *schwyzersch*, *unsere eydgenossische Landtsprach*). [121, S.23-24] Но, как констатировал Фр.Клуге, языковой сепаратизм швейцарцев не приобрел экспансивного характера: «...*die Schweiz [konnte sich] in einen Kampf um die sprachliche Führerschaft überhaupt nicht einlassen.*» [73, S.89] В этой связи сомнительно звучит утверждение А.Социна, что Цвингли ставил своей целью утверждение на юго-западе «*gemeinschweizerische Schriftsprache.*» [108, S.226]

По воспоминаниям Г.Буллингера, Цвингли использовал в проповедях региональные языковые формы: «Он говорил почти на местном языке и был неблагосклонен к чуждой высокопарной болтовне, к канцелярской запутанности и украшательству ненужными словами». [123, S.103] А.Бах, характеризуя языковую конфронтацию Цвингли и Лютера на диспуте в Марбурге, замечал: «Лютер же выступал и против языка Цвингли, говоря, что швейцарцу собственный непонятный диалект нравится больше, чем аисту шелканье клювом, и что вспотеешь, прежде чем его поймешь.» [2, С.178] Ознакомившись с произведениями реформатора в начале 1520-х гг. и высокомерно оценивая неизысканность его слога, Лютер называл его «грубый, запущенный, необработанный немецкий» (также *filzig*, *feindselig*): «Цвингли слишком старается говорить на грубом немецком, словно бы он без этого старания говорил недостаточно по-немецки». [108, S.226]

Сам Цвингли не придавал основного значения письменно-языковой деятельности, успев опубликовать лишь небольшие полемические сочинения на родном языке и ведя активную переписку. Большая часть его произведений явилась версификацией его последователей (особенно Г.Буллингера), изданной после гибели Цвингли. Б.Д.Позоровская приводит характерное мнение из писем реформатора о своей практике: «Все произведения не пишутся, а пекутся, как блины. Еще за долго до окончания наборщик стоит у дверей и требует рукопись. Отсюда – поспешность и частые повторы.» [26, С.393]

Книгопечатание цвинглианцы считали важнейшим компонентом своей языковой политики. Ведущими типографами реформатов периода расцвета цвинглианства (1520 – конец 1540-х гг.) А.Гетце называет шорихцев **Христофа Фрошауэра** (ок. 1490 – 1564) и **Ганса Гагера** (ум. в 1538 г.). [61, S.38-39]¹ Роль Фрошауэра для цвинглианцев можно сравнить с ролью Г.Луфта при публикации произведений Лютера в Виттенберге.

¹ Х.Фрошауэр был уроженцем северной Баварии и выходцем из клана аугсбургских печатников, став с 1521 г. монополистом в цвинглианской печати и публикации документов совета Цюриха. Большинство местных *Kleindrucker* работало у него подмастерьями или по заказам, поэтому можно говорить и об оттисках «группы Фрошауэра». Г.Гагер занимался в основном перепечатками.

Христоф Фрошауэр
(портрет работы Г.Аспера, ок. 1530 г.)

Характеризуя региональную окраску «языка Фрошауэра», А.Гетце отмечает почти полное сохранение с.в.н. монофтонгов, устойчивость юго-западных дифтонгов и глагольной флексии *-nd*, но одновременно значительную вариативность синкопы/апокопы, форм Part. II *gsin/gwesen* и другие наметившиеся отклонения от регионального узуса в разных его изданиях, обусловленных многими факторами. [61, S.57-58]

Интересно сопоставить практику Фрошауэра и степень единства его языка при издании нехудожественных текстов ведущих цюрихских реформатов, поскольку теологическая литература до середины XVI века доминировала в репертуаре местных печатников. С этой целью были использованы два тематически связанных (проблематика войны и мира) и стилистически близких (умеренная полемичность) текста Цвингли и Лео Юда (1482 – 1542)¹:

а) отрывок перевода Л.Юдом латинского трактата Эразма Роттердамского «*Querela Pacis*» – «*Ein klag des Frydens*» (1521 г.),

б) политико-теологическое послание Цвингли совету Цюриха «*Burgrecht-Gutachten*» по поводу союзнической позиции протестантских кантонов в отношении южно-немецких городов (ок. 1527 г.).²

¹ Л.Юд, будучи уроженцем Эльзаса, бежал от преследований католиков, стал ближайшим соратником Цвингли и принял участие в создании цюрихской библии.

² См. **Источники: R.H.R.** – S.61-68, 89-91. См. данные по сопоставлению в более широком жанровом контексте: С.И.Дубинин. Прагматика и корреляции региональных компонентов узуса немецкого письменно-литературного языка юго-запада в XVI веке // Прагматика высказывания и текста. Самара. 1999. - С.144-151.

Максимально регионально окрашен текст послания Цвингли, хотя он и тяготеет к «высокому стилю» (обилие аргументативных структур, латинизмов и канцеляризмов). Несомненно, что для Фрошауэра здесь первичен язык автора, авторитет которого был непререкаем. Из примарных черт юго-западного узуса в тексте отсутствуют лишь дифтонг *üe*, из вторичных – форма Part. II *gsin*. Несколько менее устойчивы монофтонг *ü*:, дифтонг *ie* и флексия *–nd*. Непоследовательно отражена краткость гласного в открытом слоге. Алеманская аффриката *ch* представлена в единичной форме отрицания *ghein*.

Примечательна «политическая маркированность» инорегионального дифтонга *ai*, который Цвингли-Фрошауэр воспроизводят только в титуле германского императора: *kaiserlich majestät*. Текст Цвингли также значительно окрашен разговорно-диалектными формами: алеманское *a>o* (хотя достаточно редко в форме *ston*), стяжения и ассимиляции (*zemen = zusammen, eim = einem, diset = diesseits, gen = gegen, vert = fern*), *ei>e* (*helig, beden*), полногласная флексия опатива (*wurdind*). Фрошауэр сохраняют также присущие, вероятно, рукописи реформатора графические варианты *ein/einn/eun*, что для его собственной отточенной корректуры было нетипично.

Региональная окраска текста Л.Юда, имевшего до 1590 года еще два переиздания, несколько снижена за счет элиминирования некоторых изоглоссов – в первую очередь примарных: дифтонга *ie* и флексии *–nd*. Уменьшается также доля разговорно-диалектных форм (отсутствует переход *a>o*, редки стяженные формы: *neiß = ni weiß, ein = einen* и полногласие в конечных слогах: *lieby = Liebe, fundy = fände*). Это свидетельствует о гибкой корректуре печатником и обнаруживает тенденцию к межрегиональному выравниванию в направлении восточно-средне немецкого узуса, что подтверждается спорадическим графическим отражением *Auslautverhärtung* в форме *stadt* (традиционно *stätt*).

Очевидно, что издание перевода было предназначено не только для внутришвейцарского рынка, что наглядно проявилось и в издании Фрошауэром библейских текстов. Не только печатники, но и цюрихские литераторы-протестанты и Л.Юд избирательно относились к узусу общенемецкого предстандарта: «Die Zürcher Theologen selbst bedienten sich nur höchstens dann des Gemeindeutschen, wenn die betreffende Schrift für nichtschweizerische Leser bestimmt war.» (выделено мною. – С.Д.) [86, S.233]

Вершиной языковой деятельности цвинглианцев стало создание собственного варианта библии, работу над которой группа *Zürcher Prädikanten* (при ведущей роли Цвингли и Юда) начала с 1520-х гг. Как продукт коллективного творчества перевод тем не менее базировалась на известном цюрихцам по базельским публикациям тексте Нового Завета Лютера (1522 г.). В результате, как отмечает С.Зондерэггер: «Die Zürcher Bibel ist weder

sprachgeschichtlich noch in ihrer einzelnen Ausgaben eine Einheit.» [112, S.68] Как начальные фрагменты, так и полный ее текст (формат двухтомника *in folio*, 1531 г.) были опубликованы Фрошауэром раньше (!) появления полного варианта лютеровской библии (1534 г.), явившийся «erste im deutschen Sprachgebiet protestantische Vollbibel im Druck.» [112, S.70]¹

Однако еще в 1524-25 гг. вышло три цюрихских переиздания базельских перепечаток первых выпусков библии Лютера Фрошауэром и Гагером. Не содержа заметных текстовых изменений, эти оттиски имели фонетико-орфографические исправления «под юго-западный узус» (в первую очередь это восстановленные монофтонги **i: u: ü:** и глагольная флексия **-nd**). Но исследователи не считают это продуктом деятельности переводческой группы Цвингли-Юда, а объясняют влиянием «языка печатника».² Оттиски получили хождение только в Цюрихе, хотя ориентировались на южно-немецкий рынок, который в этот период захватили базельские печатники (более 10 перепечаток только библии Лютера!).

По уточненным данным с 1524 по 1531 гг. у Фрошауэра вышло 4 малоформатных издания частей цвинглианской (цюрихской) библии и 3 их перепечатки Гагером без указания переводчиков. В предисловии в изданию 1531 года (автор – Цвингли?) впервые указано: «nach unserem oberländischen teutsch.» Меньшую зависимость от текста Лютера имели переводы некоторых частей Старого Завета, где цюрихцы хронологически опередили своего «конкурента». По мнению С.Зондерзггера, издания 1524-29 гг. достаточно полно отражали узус юго-западного ТВЛЯ, хотя постепенно проявлялось влияние общенемецкого «предстандарта». [112, S.69, 75-77]

Однако к 1540-м гг. традиция издания цюрихской библии усилиями Фрошауэра ослабела и она не получила значительного распространения на юго-западе. Последние попытки ее проникновения в 1550-е гг. в Базель не выдержали местной конкуренции. Одновременно цюрихские печатники продолжили переиздавать библию Лютера. Не став в чистом виде «языковым *Credo*» цвинглианцев, цюрихская библия обнаруживает как отклонения от узуса Цвингли, так и активное воздействие «языка печатника» (Фрошауэра).

Отход от узуса Цвингли как одного из соавторов библии С.Зондерзггер продемонстрировал на примере отрывков перевода из Псалтыря (псалом 23. «О пастыре»), хотя в этом фрагменте библии (Старый Завет) это нельзя объяснить влиянием как первоосновы текста Лютера, который появился позже. [112, S.79] В приведенных ниже фрагментах заметны (помимо отдельных

¹ Репринт издания цюрихской библии вышел лишь относительно недавно: Die Zürcher Bibel von 1531. Faksimile-Ausgabe / Vorrede von H.R.Lavater, Zürich, 1983.

² См. подробнее: J.J.Mezger. Geschichte der deutschen Bibelübersetzung in der schweizerisch-reformierten Kirche von der Reformation bis zur Gegenwart. Basel, 1876. - S.28-142.

текстовых несовпадений) элиминирование важнейших компонентов юго-западного узуса – монофтонгов и синкопы/апокопы, также дифтонга **ou** (выделено *курсивом*). Для сравнения приводится также текст Лютера¹.

Цвингли, перевод ок. 1525 г. :

Er lobt die grossen guotaten
gottes under der glychnus
eins hirten, der sine schaff
trülich weidet.

Er bringt min sel wider;
er trybt mich uf dem
pfad der gerechtigkeit
um sines namens willen.
Du bereitest in minem
ansicht den tisch vor
minen fygenden; du
machst min houbt
feisst mit öl; min
trinckgschirr ist vol.

Цюрихская библия, 1531 г. :

Er lobt die grossen guotthaten
Gottes / vnder der glychnuß
eines hirten der *seine* schaaft
trüwlich weydet.

Mit denen erfristet er
mein seel / *treibt* mich
auff den pfad der
gerechtigkeit umb *sey*nes
nammens willen.

Du richtest mir ein
tisch zuo vor *meinen*
*feyn*den / du begeüssest
meyn haupt mit gesaelb /
vnd fülleest mir *meinen*
baecher.

¹ См. Источники: В. - S.562.

Библия Лютера, 1534 г.:

Er erquicket meine Seele. / Er
 führet mich auf rechter Straße um seines
 namens Willen.

Du bereitest vor mir einen Tisch / im Angesicht
 meiner Feinde. Du salbest mein Haupt mit Öl /
 und schenkst mir voll ein.

В целом региональная окраска шюрихской библии 1531 года может быть оценена как остаточная. Из первичных изоглосс относительно последовательно отражены только дифтонг **uo** и глагольная флексия **-nd**, менее дифтонг **ie**, из вторичных – дифтонг **ei**. Отмечается также алеманский переход **a>o**. В.Мозер констатирует спорадичность старых дифтонгов и **uo** в первую очередь в завершающих фрагментах шюрихского текста (апокрифы), где корректура Фрошауэра несколько ослабевала («etwas nachlässig gedruckt»). [86. S.179] Здесь отсутствует фактор «языка Лютера», поскольку к переводу апокрифов виттенбергский реформатор обратился лишь около 1533 года.

Приведем характерный отрывок из Старого Завета (Евангелие от Матфея, 14, 3-8), где нивелирующее воздействие одновременно оказывали «язык Лютера» и «язык печатника» (юго-западные изоглоссы выделены **жирным шрифтом**)¹:

Und do er zuo Bethanien was in Simonis des aussetzigen hauß / und sasß zetisch / do kam ein weyb die hatt ein glaß mit ungefelschtem und kostlichem narden wasser. Und sy zerbrach das glaß / und goss es auff seyn haupt. Do warend etlich die wurdend entrüstet / und sprachend: Was sol doch diser verlust: man koende dass wasser mer dann umb dreyhundert pfennig verkaufft haben / und das selbig den armen geben. Und murrend über sy.

Jesus aber sprach: Lassend sy mit friden / was bekümmierend ir sy: Sy hat ein guot werck an mir gethon.

Нивелирующее влияние «языка печатника» можно отчетливее продемонстрировать при сопоставлении фрагментов текстов разных изданий шюрихской библии: 1) части Нового Завета (1524 г. – 1531 г.) и 2) части Старого Завета (1529 г. – 1531 г.).² Элиминированные формы в издании 1531 года даны *курсивом* в скобках, при этом влияние «языка Фрошауэра», очевидно, было значительнее во втором случае:

¹ См. Источники: R.H.R. – S. 270-271.

² Данные отрывки приводятся в исследованиях В.Хааса и П.Глаттхарда. [63. S.220; 60, S.327]

1) Евангелие от Матфея, 16, 5-12:

Vnn do sine(*seine*) jünger warend hinüber g'uaeren(*gefaren*) / hattend sy v'gessen(*vergessen*) brot mit inen zenemmen. Jesus sprach zuo jnen: Sehend zuo / vnn(*und*) huetend üch vor dem hebel d'(der) Phariseer vnn Saduceer. Do dachten sy by(*bey*) inen selbst / vnn(*und*) sprachend / wir haben(*habend*) kein brot mitt vns genommen. Do das Jesus vernam / sprach er zuo inen Jr kleingloebigen / was bekümmierend jr üch(*euch*) doch das ir nit habend brot mitt üch(*euch*) genommen? v'nemend(*vernemend*) jr noch nüt(*nichts*)? gedenckend ir aber nit an die fünff brot vnd' die fünff tusent(*tausent*) / vnn(*und*) wie vil koerb huoben(*huobend*) ir do vff(*auf*)? ouch(*auch*) nit an die syben brot vnder die vier tusent(*tausent*) / vnn(*und*) wie vil koerb huobend ir do vff? wie verstond(*v'stond*) ir denn nit / das(*daß*) ich üch(*euch*) nit sag vom brot / wenn ich sag / Huetend üch(*euch*) vor dem hebel der Phariseer vnn(*vnd*) Saduceer? Do verstuonden sy das(*daß*) er nit gesagt hett(*hat*) / ds sy sich hüten soltend(*söltind*) vor dem hebel des brots / sonder(*sund*') vor der leer der Phariseer vnn(*vnd*) Saduceer.

2) Юдифь, 1, 1-4:

Arphaxat der Meeder Künig / hat vil völker vnder synen(*seinen*) gewalt bracht / vnd hat ein träffenliche herrliche statt gebuwen(*gebawwen*) die hieß Egbathanis. Die muren(*mauern*) warend uss(*auss*) gehownen(*gehawwnen*) quadersteynen sibentzig ellenbogen hoch / dryssig(*dreyssig*) ellenbogen wyt(*weyt*). Er macht thürn dran hundert ellenbogen hoch. Zun vier orten aber was ein yetliche syten(*seyten*) zwentzig schuoch breyt. Die thor warend in der höhe wie die thürn. Diser künig trost(*tröster*) sich sines(*seines*) gwaltigen zügs(*zeügs*) vnn siner(*seiner*) herrlichen wägen.

Очевидно, что меньшей устойчивостью обладают первичные признаки юго-западного узуса, а из них в первую очередь с.в.н. монофтонги.¹ Интересно, что первый фрагмент демонстрирует «обратные колебания» узуса по отношению к переизданию 1531 г. (см.: *sund*'<*sonder*, *huobend*<*huoben*, *daß*<*das*, *vnn*<*vnd* и даже явно диалектальное *söltind*<*soltend*), что свидетельствует о еще неуверенной корректуре.

Большинство исследователей полагает, что переход в цюрихской библии к употреблению дифтонгов не был уступкой библии Лютера, а должен был способствовать ее распространению за пределами конфедерации: «Froschauer [wollte] damit sprachlich noch größere Concessionen an einen und zwar diesmal ganz bestimmten ausländischen Abnehmerkreis machen.» [86, S.178] Не смотря на все симпатии к цвинглианцам Фрошауэр оставался в Цюрихе крупнейшим «рыночником», активно осваивая поставки на юге

¹ Эту тенденцию на материале нескольких переизданий цюрихской библии отмечает С.Зондерэгер. [111, S.1899]

Германии и во Франкфурт, что сближало его с практикой базельских печатников.¹ Число его оттисков колеблется от 600 до 900(!). [43, S.522]

В этой связи тезис В.Мозера: «Die Bibel ist somit auch in Zürich zunächst das fortschrittlichste und keineswegs das rückständigste Denkmal» [86, S.187] был удачно дополнен С.Зондерэрггером относительно роли «языков печатников» в оформлении цюрихской библии: «Denn es gehört zum Wesen der Zürcher Bibel, daß sie sprachlich viel anpassungsfähiger blieb, als die nach Luthers Tod für Jahrhunderte weitgehend erstarrte Luther-Bibel.» [111, S.1899]

Балансируя в своей практике между Lockal-/Exportdruck, private/offiziell-obrigkeitliche Ausgabe [60, S.328], швейцарские печатники 1520-50-х гг. различных по величине городов относились избирательно к отражению компонентов узуса юго-западного ТВЛЯ. При этом их инновационным ориентиром (особенно благодаря типографам Базеля) становится общенемецкий «предстандарт».² Из всех первичных изоглосс в рассмотренных памятниках (см. разделы 4.2.2. 4.2.4.) наиболее устойчив лишь дифтонг **uo**, из вторичных – **ei**. С другой стороны, из примарных черт наименее устойчив дифтонг **üe** и краткость гласного в открытом слоге, из вторичных – аффриката **ch** и форма Part. II **gsin**. Вряд ли данную «конфигурацию» можно оценить как систему признаков, что возвращает нас к положению М.М.Гухман о нерелевантности узуальной модели-схемы при оценке региональной окраски языка произведений печати первой половины XVI века. [11, S.196] (См. 4.2.1.)

Подводя итог, следует отметить, что книгопечатание юго-запада 1470-1550-х гг. не стало автономным фактором эволюции местного ТВЛЯ, выступая в комплексе с другими движущими силами этого процесса (местная школа, ранние нормализаторы, конфессиональный и литературный про-

¹ Подробнее о посреднической роли печатников Базеля в экспансии общенемецкого предстандарта на крайнем юго-западе см.: A.Gessler. Beitrag zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache in Basel. Basel, 1888, а также работы А.Социна [108, S.236-242], С.Зингера [105, S.117-119], Фр.Клюге [73, S.79-91], А.Летшера [76, S.56-70] и др.

² Дольше всех (до 1570-х гг.) региональные языковые особенности и традиции узуса Цвингли отстаивал в цюрихской печати Г.Буллинггер. Примечательны в этой связи акценты при характеристике С.Гельбером в швейцарском Фрейбурге (!) «языков печатников» конца XVI века: «*Vnsere Gemeine Hoch Teütsche* wirdt auf drei weisen gedruckt: eine möchten wir nennen die Mittel Teütsche, die andere die Donawische, die dritte *Höchst Reinische*: (*dan das Wort Oberland nicht meer breüchig ist.*) ... *Höchst Reinische* lestlich die, so *vor izeigen jaren* gehalten haben im Drucken die Sprach der Eidgenossen oder Schweitzer, der Walliser, vnd *etlicher beigesessener* im Stiff Stanzant, Chur, vnd Basel.» [55, S.150] (выделено нами. - С.Д.) Гельбер намекает на непопулярность цвинглианского «*unser oberländisch teutsch*», переходя на общенемецкий узус и маркируя «раритетность» прежней практики местной печати. (См. 2.4.2.)

цесс). Не обладая таким непосредственным регламентирующим воздействием как канцелярии, книгопечатание в первую очередь стимулировало функционально-стилистическое развитие местного письменно-литературного узуса и одновременно включило его в поэтапный процесс интеграции с ведущими ТВЛЯ.

Тезис Фр.Гартвера: «Reformation und Buchdruck [haben] durch ihr Zusammenwirken vielleicht im Elsaß die Emanzipation und die Entfaltung eines eigenständigen zukunftssträchtigen regionalen Schriftdialekts verhindert, [der] vorwiegend von Brant und Murner in den ersten Jahrzehnten des 16. Jahrhunderts geprägt wurde.» [67, 404-406] тем более справедлив в отношении Швейцарии. Именно в Эльзасе и Швейцарии благодаря высокоразвитой (во втором случае скорее своеобразной!) литературной традиции узус местных писателей конца XV – начала XVI вв. имел шансы стать (в «рукописном языке») конституэнтном ареального своеобразия юго-западного ТВЛЯ.

Однако эта тенденция была нейтрализована воздействием «языков печатников» и их издательской практикой. Если протопечатники юго-запада еще действовали по инерции средневековой письменной традиции и отдавали часто предпочтение «языку автора-литератора», то типографы-издатели 1520-50-х гг. подвергали тексты языковой переработке в борьбе за читателя, слабо ориентируясь на приоритеты местного письменно-литературного узуса и отражая его изогlossы «по остаточному принципу».

Ваключение

N

одводя итог нашему исследованию, следует сделать некоторые заключительные замечания. Необходимо, во-первых, отметить, что нужно разграничивать роль юго-запада как *культурного* и как *лингвистического* ареала в развитии общенемецкого литературного языка XV-XVI веков.

Юго-западный ТВЛЯ, не дав существенных структурных новаций формирующемуся общенемеckому «предстандарту», тем не менее, значительно стимулировал его социо-коммуникативные параметры.¹ Это произошло за счет опережающего развития в регионе книгопечатания, художественной литературы и словесности, лексикографии², деятельности «ранних нормализаторов». Совершенствование стилистических параметров национального литературного идиома стимулировалось активной переводческой деятельностью юго-западных гуманистов и высоким развитием местной канцелярской письменности. В этом заключалась, по нашему мнению, «латентная активность» Westoberdeutsch в истории общенемецкого литературного языка на раннем этапе.

Как культурный ареал немецкий юго-запад (в особенности Эльзас, Вюртемберг и Баден) способствовал становлению общенемецкого литературного языка и через активную иррадиацию узуса «предстандарта». Однако перманентная политическая, конфессиональная и культурная расчлененность немецкого юго-запада, его расположенность в романо-германском пограничье отдаляли его от процессов общенемецкой национальной и языковой интеграции.

Постепенно отступая с середины XVI века под давлением общенемецкого «предстандарта», юго-западный ТВЛЯ нивелировал свои ареальные языковые особенности. В плане нараставшего взаимодействия с «предстандартом» он, как убедительно показал В.Беш, распался на *две зоны*: 1) конвергентной рецепции по моделям *Mischvorgänge - Sprachwandel - Sprachersatz* в *швабском* и *эльзасском* субареалах, 2) консервации региональных черт в

¹ Мы вновь подчеркиваем, что не касались проблем лексического узуса и единиц юго-западного происхождения в лексическом стандарте немецкого литературного языка.

² См., например, С.И.Дубинин. Региональное варьирование немецкого литературного языка и лексикографии XVI века // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. Самара, 1998.

определенных сферах письменности (в первую очередь в канцелярской) и их поэтапного вытеснения общенемецкими единицами в ситуации устной и письменной диглоссии в *швейцарском субареале* (Koine und Schriftsystem ohne direkte Abhängigkeit, lokale Schreibsprache und höhere Schriftsprache). [45, S.332-334]

Н.Н.Семенюк справедливо замечала, что в целом слабая стабильность позднесредневековых письменно-литературных форм всего южно-немецкого гиперареала была обусловлена функциональным объемом местных литературных идиомов, степенью развития сфер письменности, гомогенностью и стабильностью их «норм». По ее мнению, на юге и западе немецкой языковой области *центральные сферы* письменности (художественная и научная литература, ставшие доминантными для судеб литературного идиома особенно с XVII века) были развиты слабее на фоне деловой письменности, что обусловило функциональную ограниченность южно-немецкого литературного варианта. [31, С.72]

Уточняя это положение для ситуации XV-XVI веков, следует подчеркнуть, что на юго-западе центральные сферы письменности скорее стали «зоной экспансии» общенемецкого «предстандарта» при решающей роли печатников в этом процессе, а ослабление литературной традиции произошло уже на рубеже XVII века.

Даже в максимально обособленном швейцарском субареале местный «канцелярский язык» представлял собой к началу XVII века «auslaufende Tradition». [11, S.1900] Ситуация «sprachliches Abseits» в Швейцарии не привела, как отмечает А.Летшер, к образованию здесь особого национального языка подобно нидерландскому на северо-западе. [76, S.56-57]

Многие экстра- и интралингвистические причины «упадка» юго-западного ТВЛЯ были различимы уже в конце XV - середине XVI веков. Очевидно, что австрийское владычество и распространение Реформации (особенно в Вюртемберге) не прошли бесследно для судеб местного письменно-литературного узуса, являясь культурно-политическими стимулами экспансии *Gemeines Deutsch* и *Ostmitteldeutsch*. Политико-конфессиональный фактор обусловил и языковое обособление Швейцарии.

Ослаблению позиций юго-западного ТВЛЯ в функциональной парадигме способствовало: 1) сужение его ареальной базы, 2) рецептивность и интерферированность крупнейших швабского и нижнеалеманского диалектного субареалов (что особенно важно – интердиалектных форм), 3) пассивность всего юго-запада, лишенного как лингвоареал четкого «ядра», в плане «языковых излучений».

Если принять точку зрения некоторых лингвистов о том, что доминантой структурной истории (*innersprachliche Geschichte*) литературного немецкого языка является *фонология* (также графематика), то литературный стандарт можно рассматривать как оптимально функционирующую систему, сбалан-

сированную для обеспечения его функциональной значимости. Это реализуется в становлении четкого противопоставления фонологических оппозиций (в частности долготы/краткости гласного), в оптимальной нагруженности системы и оптимальности состава фонем, в обеспечении выраженности грамматических функций и этимологической ясности графематики.¹

Анализ структурных признаков юго-западного ТВЛЯ позволяет констатировать их значительную ареальную архаичность (средневерхненемецкое состояние!) и сконцентрированность в основном в достаточно узкой сфере ударного вокализма.² Фонологическая система юго-западного ТВЛЯ не включилась в основные ранненововерхненемецкие новации и стала лишь их «реципиентом»: 1) юго-восточной дифтонгизации с.в.н. долгих *i: u: ü:* и монофтонгизации с.в.н. дифтонгов *ie io üe*, 2) средневерхненемецкого удлинения кратких гласных в открытом слоге и распределения форм синкопы/апокопы.

Приближаясь в структурном отношении к архаичному средневерхненемецкому состоянию, юго-западный фонетический узус унаследовал некоторые его «Systemkollisionen» (термин В.Фляйшера). Так, с.в.н. система гласных отличалась некоторой перегрузкой подсистемы долгих узких *i: u: ü:*: «Durch die Aufnahme der neuhochdeutschen Diphthonge *ei au eu* wurde die Reihe der engen Langvokale spürbar entlastet. Allerdings ergab sich damit im Graphemsystem ein anderer Zusammenstoß mit den Entsprechungen der mhd. Diphthonge *ei ou öu.*»³ Поскольку юго-западный узус уже в XV веке был частично охвачен дифтонгизацией, а монофтонгизация распространилась позже, то возникли «коллизия» старых/новых дифтонгов и увеличение числа

¹ Эта точка зрения наиболее полно обоснована Г. Пенцлем, а также в ранних работах В. Фляйшера. См., в частности, H. Penzl. *Wie entstand die deutsche Schriftsprache? // Kontroversen, alte und neue.* Göttingen, 1986. - Bd. 4. - S.165-169.

² Относительно разрозненных морфологических и фономорфологических изоглосс (единая глагольная флексия мн. числа -nd, атематические глаголы *gan/stan* и супплетивная форма Part. II от глагола *sin*) можно, видимо, говорить о еще более древних ареальных чертах (древневерхненемецких или даже свевско-герминонских?). См. также: А.Л. Зеленецкий. Истоки немецкого языка. Калуга, 1992. - Ч. 1. - С.55-61. Ч. 2. - С.97, 108.

³ Это проявилось в частности в отмечаемом выше неразличении многими юго-западными канцеляристами и печатниками в графике фонем [ei] < (с.в.н. *ei*) и [ai] < (дифтонгизация с.в.н. *i:*). (См. Рис. 32.) На это повлияло господство в швабской графической традиции уже в XV веке престижного *Ostoberdeutsch*. См. подробнее: N.R. Wolf. *Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Frühneuhochdeutschen // Deutsche Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* Berlin - N.York. 2 Halbband. - S.1305-1308. W. Fleischer. *Die Entwicklung des neuhochdeutschen Graphemsystems // Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie.* Leipzig, 1969. - Bd-2. - S.214-216.

фонем. (См. Рис. 31. Стрелками обозначены основные новонемецкие новации).

Поэтому узус юго-западного ТВЛЯ предстает в XV-XVI вв. как несбалансированная система, что привело к слабой устойчивости ее элементов. Одновременно и ареальная база местного литературного идиома отличалась значительной интерферируемостью инорегиональными влияниями. (См. Гл. 2.) Характерной особенностью стало вытеснение юго-западного ТВЛЯ в средние/низшие уровни письменной коммуникации, что наглядно проявилось в местной деловой письменности. (См. Гл.3.)

Как показал наш материал, критерий «Geltungshöhe» большинства признаков юго-западного узуса оказался достаточно низким. Юго-западные изоглоссы также находились, как отмечалось, и за рамками «neuhochdeutsches Strukturprinzip», что лишало их устойчивости в конкуренции с признаками юго-восточного и восточно-среднемецкого ТВЛЯ.¹

Исследование юго-западных изоглосс через призму «канцелярских языков» и «языков печатников» констатировало различную степень их устойчивости и при попытке анализа по внутрисистемному признаку: 1) ареальные (первичные/вторичные) и 2) узуальные (рефлексы диалектного уровня, например, швабские а:>au и | - Laut, алеманское а>о, стяжения и др.) черты. Их взаимные корреляции (также и в ситуации интерференции инорегиональных черт) выглядят достаточно несбалансированно в текстах юго-западной локализации, где при их репрезентации первичными являются прагматические факторы (деловая проза) или эстетическая функция (хроники, драмы).

Практика юго-западных печатников демонстрирует с XVI века устойчивую ориентацию на узус Gemeines Deutsch. Кратковременный всплеск региональной окраски оттисков отличал лишь деятельность протопечатников конца XV века в малых городах региона. При этом первопечатники не продолжили традицию, сложившуюся в юго-западной деловой письменности, т.к. узус «канцелярских языков» юго-западного типа не был для них образцом.

Несомненно, что сложившуюся картину следует дополнить исследованиями лексического уровня (в частности, уникальной юго-западной лексикографической традиции), а также языка отдельных крупных писателей юго-запада (в «допечатный период») и практики первых местных «нормализаторов», что является целью наших ближайших изысканий. Думается, что картина «угасания» юго-западного ТВЛЯ предстанет при этом более детально и обнаружит на отдельных этапах оптимистические сюжеты.

¹ См. критерии, предложенные В.Бешем (2.4.1.).

Библиография
Источники
Приложение

Библиография

1. Бабенко Н.С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии XVI века // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999.
2. Бах А. История немецкого языка / Пер. Н.Н.Семенюк. М., 1956.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. - Т.1.
4. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М. - Л., 1964.
5. Варбанец Н.В. Печатники-просветители в XV веке // Федоровские чтения. 1979. М., 1982.
6. Варбанец Н.В. Й.Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980.
7. Ле Гоф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
8. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1969.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
10. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку М., 1959. - Т.2.
11. Гухман М.М. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. М., 1970.
12. Гухман М.М. О языке немецкой листовки «An die Versammlung gemeiner Pawschaft» (1525 г.) // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
13. Гухман М.М. Соотношение социального и других типов варьирования литературного языка (XIII - XVI вв.) // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
14. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
15. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX - XV вв. М., 1983.
16. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI - XVIII вв. М., 1984.
17. Дубинин С.И. Исторические истоки лексического своеобразия немецкого литературного языка в Швейцарии. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1987.
18. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М. - Л., 1956.
19. История Европы. От средневековья к новому времени. М., 1993. - Т.3.
20. Кернер М. Городские инвестиции в Швейцарии XVI века // Средние века. 1980. - Вып.43.

21. Колеснический Н.Ф. Феодалное государство VI - XVI вв. М., 1967.
22. Мадуева И.Н. Лексическое варьирование и развитие черт наддиалектности в памятниках немецкой деловой письменности XIV - XV вв. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1993.
23. Миронов С.А. Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
24. Немиллов А.Н. Специфика гуманизма и Северного Возрождения (типология и периодизация) // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.
25. Немиллов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
26. Позоровская Б.Д. Ульрих Цвингли // Биографические повествования. Челябинск. 1995.
27. Полтавский М.А. Становление и развитие австрийской народности // Вопросы истории. 1983, № 3.
28. Полтавский М.А. История Австрии. Пути государственного и национального развития. М., 1992. - Ч.1.
29. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV - XVII вв. М., 1955.
30. Реутин М.Ю. Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение. М., 1996.
31. Семенюк. О функциональном аспекте типологического изучения германских литературных языков // Типология германских литературных языков. М., 1976.
32. Семенюк Н.Н. К характеристике разных видов варьирования в истории немецкого языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
33. Семенюк Н.Н. О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка (13 - 15 вв.) // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
34. Средневековая Европа глазами современников и историков. М., 1994. - Ч.1.
35. Сидельник В.Д. Литература Швейцарии // История всемирной литературы. М., 1985. - Т.3.
36. Ташенко Т.Н. Палеография немецких документов XVI века // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. - Вып.11.
37. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М., 1992.
38. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления (XIV - XV вв.). М., 1988.
39. Шушарин Д.В. Имперские города, князья и император в Швабском союзе: военно-финансовый аспект // Средние века. 1993. - Вып. 56.
40. Ягребидцкая А.Л. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV - середины XVI века // Средние века. 1963. - Вып.24.
41. Bacchold J. Geschichte der deutschen Literatur in der Schweiz. Frauenfeld, 1892.
42. Baumgarten H. Stadtmundart. Stadt - und Landmundart. Beiträge zur bernischen Mundartgeographie. Bern, 1940.
43. Benzing J. Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Wiesbaden. 1982.

44. Besch W. Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. München, 1967.
45. Besch W. Schriftsprache und Landessprachen im Deutschen // Rheinische Vierteljahrsblätter. 1979, Jg.43.
46. Besch W. Frühneuhochdeutsch // Lexikon germanistischer Linguistik. Tübingen, 1980.
47. Besch W. Dialekt, Schreibsprache, Schriftsprache, Standardsprache. Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. Berlin - New York, 1983. - 2 Halbband.
48. Besch W. Entstehung und Ausprägung der binnensprachlichen Diglossie im Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin - New York, 1983. - 2 Halbband.
49. Besch W. Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Standardsprache // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch u.a. Berlin - New York, 1985. - 2 Halbband.
50. Besch W. Standardisierungsprozesse im deutschen Sprachraum // Sociolinguistica. Internationales Handbuch. Tübingen, 1988. - Bd.2.
51. Bibliographie frühneuhochdeutscher Quellen / Hrsg. von W. Hoffmann und F. Wetter. Frankfurt - Bern - N.York, 1974. (2 Aufl. - 1987)
52. Boesch B. Die deutsche Urkundensprache. Probleme ihrer Erforschung im deutschen Südwesten // Rheinische Vierteljahrsblätter, 1968, N 32.
53. Bodmer J.P. Chroniken und Chronisten im Spätmittelalter. Bern, 1976.
54. Bokor H.J. Ausgleichtendenzen in frühneuhochdeutschen Druckersprachen. Marburg, 1987.
55. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. Hamburg, 1986. - Bd.2: Das Frühneuhochdeutsche.
56. Fleischer W. Frühneuhochdeutsche Geschäftssprache und neuhochdeutsche Norm // PBB (Halle/Saale), 1966, Bd. 88.
57. Frings Th. Sprache und Geschichte. Halle/Saale, 1956. - Bd.1: Rheinische Sprachgeschichte.
58. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Hrsg. von O.Reichmann und K.-P.Wegera. Tübingen, 1993.
59. Geldner F. Die deutschen Inkunabeldrucker. Stuttgart, 1968. - Bd.1.
60. Glatthard. Die eidgenössisch-alemannische Schreibsprache in der Auseinandersetzung mit der ostmitteldeutsch-neuhochdeutschen Schriftsprache // Das Reich und die Eidgenossenschaft 1580-1650. Freiburg, 1986.
61. Götze A. Die hochdeutschen Drucker der Reformationszeit. Straßburg, 1905.
62. Haag K. Die Grenzen des Schwäbischen in Württemberg. Stuttgart, 1946.
63. Haas W. Zur Rezeption der deutschen Hochsprache in der Schweiz // Sprachstandartisierung / Hrsg. von G.Lüdi. Freiburg, 1994.
64. Hartweg Fr. Buchdruck und Druckersprachen der frühneuhochdeutschen Periode // Flugschriften als Massenmedien der Reformationszeit. Stuttgart, 1981.
65. Hartweg Fr. Die Sprache der elsässischen Nachdrucke der «12 Artikel der Bauern» 1525 // Virtus et Fortuna. Festschrift für H.G. Roloff. Bern - N.York, 1983.

66. Hartweg Fr. Die Rolle des Buchdrucks für die frühneuhochdeutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
67. Hartweg Fr. Oberdeutsche, alemannische oder elsässische Schibboleths? // Standardsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Stadt Straßburg. Göppingen, 1988.
68. Hildebrandt R. Der Beitrag der Sprachgeographie zur Sprachgeschichtsforschung // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1984. - 1 Halbband.
69. Kastner H. Die Textsorten des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
70. Kettmann G. Studien zum graphematischen Status der Wittenberger Druckersprache in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts // Zeitschrift für Germanistik. 1987, N 2.
71. Kleiber W. Westoberdeutsch // Lexikon germanistischer Linguistik. Tübingen, 1980.
72. Kleiber W. Der Historische Südwestdeutsche Sprachatlas in sprachhistorischer Perspektive // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York. 1984. - 1 Halbband.
73. Kluge Fr. Von Luther bis Lessing. Leipzig, 1918.
74. Kunze K. Der «Historische Südwestdeutsche Sprachatlas» als Muster historischer Dialektgeographie // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin - N.York, 1982. - 1 Halbband.
75. Leopold J. Das Verlagsprogramm des Augsburger Druckers A. Sorg // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geschichte. 1974, N 48.
76. Lötischer A. Schweizerdeutsch. Frauenfeld - Stuttrart, 1983.
77. Matheier K.J. Wege und Umwege zur neuhochdeutschen Schriftsprache // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 1981, N 9.
78. Maurer Fr. Neue Forschungen zur südwestdeutschen Sprachgeschichte // Vorarbeiten und Studien zur Vertiefung der südwestdeutschen Sprachgeschichte. Stuttgart, 1965.
79. Mommsen K. Das Basler Kanzleiwesen des Spätmittelalters // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1974, Bd. 74, H. 1.
80. Möller R. Regionale Schreibsprachen im überregionalen Schriftverkehr. Köln - Wien - Weimar, 1998.
81. Moser H. Die Kanzlei Kaiser Maximilians I. Graphematik eines Schreibusus. Innsbruck, 1977. - Bd. 1.
82. Moser H. Kanzleisprachen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
83. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte. Tübingen, 1969.
84. Moser H. Mittlere Sprachschichten als Quellen der deutschen Hochsprache // H. Moser. Raum- und Sozialformen der deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1979.
85. Moser V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Heidelberg, 1929. - Bd. 1.

86. Moser V. Schriften zum Frühneuhochdeutsch / Hrsg. von H.Stopp. Heidelberg, 1982.- Bd. 1.
87. Müller E.E. Zur historischen Mundartforschung // PBB. 1953, Bd.74, H.3.
88. Müller E.E. Wortgeschichte und Sprachgegensatz im Alemannischen. Bern - München, 1960.
89. Oberrheiner, Schwaben, Südalemannen. Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens / Hrsg. von Fr. Maurer. Straßburg, 1942.
90. Peters. Einleitung // K.Gessners «Mithridates». Neudruck von 1555. Aalen, 1974.
91. Piirainen I.T. Die Diagliederung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
92. Philipp G. Einführung ins Frühneuhochdeutsche. Heidelberg, 1980.
93. Von Polenz P. Deutsche Sprachgeschichte. Vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart Berlin - N.York, 1991. - Bd.I.
94. Reiffenstein J. Metasprachliche Äußerungen über das Deutsche und seine Subsysteme // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
95. Reiffenstein J. Zum Konzept einer regionalen Sprachgeschichte am Beispiel des Ostoberdeutschen // Festschrift für R.Große. Frankfurt/Main, 1995.
96. Schenker W. Die Sprache H.Zwinglys im Kontrast zur Sprache Luthers. Berlin - N.York, 1977.
97. Schieb G. Die deutsche Sprache zur Zeit der frühbürgerlichen Revolution // ZPSK, 1975, Bd.28, H.5/6.
98. Schildt J. Herausbildung und Entwicklung der deutschen Sprache // Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Leipzig, 1983.
99. Schirokauer A. Germanistische Studien / Hrsg. von Fr. Strich. Hamburg, 1957.
100. Schirokauer A. Frühneuhochdeutsch // Deutsche Philologie im Aufriß. Berlin - München, 1957. - Bd.1.
101. Schmidt J. Die Druckersprache als Massenmedium und die deutsche Literatur im 16. Jahrhundert // Wirkendes Wort, 1968, N 18.
102. Schulte Chr. Gibt es eine oberdeutsche Form des Frühneuhochdeutschen? // Zur Entstehung des Neuhochdeutschen / Hrsg. von I.T.Piirainen. Bern - Frankfurt/Main, 1972.
103. Schützeichel R. Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache // Nassauische Annalen, 1967, N 78.
104. Seidler H. Stilistische Differenzierung des Deutschen in hisorischer Sicht // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1984. - 1 Halbband.
105. Singer S. Schweizerdeutsch. Frauenfeld - Leipzig, 1928.
106. Skala E. Süddeutschalnd in der Entstehung der deutschen Schriftsprache // PBB (Halle/Saale), 1970, Bd.92.
107. Skala E. Urkundensprache, Geschäfts - und Verkehrssprachen im Spätmittelalter // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband

108. Socin A. Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn, 1888.
109. Sonderegger St. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. Berlin - N.York, 1979. - Bd 1.
110. Sonderegger St. Leistung und Aufgaben der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung des Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin - N.York, 1983. - 2 Halbband.
111. Sonderegger St. Die Entwicklung des Verhältnisses von Standardsprache und Mundarten in der deutschen Schweiz // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.
112. Sonderegger St. Zur sprachlichen Stellung der Zürcher Bibelübersetzung 1524 - 1535 // Festschrift für J.Reiffenstein. Göppingen, 1988.
113. Sonderegger St. Frühneuhochdeutsch in der Schweiz // Vielfalt des Deutschen. Festschrift für W.Besch. Frankfurt/Main, 1993.
114. Sprachatanten des Deutschen. Laufende Projekte. Tübingen, 1989.
115. Steppuhn U.D. Ansätze einer sozial-wissenschaftlichen Betrachtung des Frühneuhochdeutschen // Zur Entstehung des Neuhochdeutschen / Hrsg. von I.T.Piirainen. Bern - Frankfurt/Main, 1972.
116. Stockmann-Hovekamp Chr. Untersuchungen zur Straßburger Druckersprache in den Flugschriften M.Bucers. Heidelberg, 1991.
117. Stöckicht O. Sprache, Landschaft und Geschichte des Elsaß. Marburg, 1942.
118. Stopp H. Schreibsprachwandel. Zur großräumigen Untersuchung frühneuhochdeutscher Schriftlichkeit. München, 1976.
119. Stopp H. Verbreitung und Zentren des Buchdrucks auf hochdeutschem Sprachgebiet im 16. und 17. Jahrhundert // Sprachwissenschaft, 1978, Bd.3.
120. Stopp H. Das in Augsburg gedruckte Hochdeutsch // Zeitschrift für deutsche Philologie, 1979, Bd.98 (Sonderheft).
121. Trümpy H. Schweizerdeutsche Sprache und Literatur im 17. und 18. Jahrhundert. Basel, 1955.
122. Tschirch Fr. Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1989. - Bd.2.
123. Weithase J. Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. Tübingen, 1961. - Bd 1.
124. Wellmann H. Textbildung (nach der Frühzeit des Buchdrucks) // Deutsche Sprachgeschichte. Grundlagen. Methoden. Perspektiven / Hrsg. von W.Besch. Bern - Frankfurt/Main, 1990.
125. Werbow S.N. Das gemeine Teutsch. Ausdruck und Begriff // Zeitschrift für deutsche Philologie, 1963, Bd.82, N 112.
126. Wiesinger P. Die Einteilung der deutschen Dialekte // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin - N.York, 1983. - 2 Halbband.
127. Winkler H. Der Wortbestand von Flugschriften aus den Jahren der Reformation und des Bauernkrieges in seiner Einheitlichkeit und landschaftlicher Differenziertheit. Leipzig, 1970.
128. Wolf N.R. Regionale und überregionale Norm im späteren Mittelalter. Innsbruck. 1975.

129. Wolf N.R. Autographen als Quelle für die Sprachgeschichtsforschung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin - N.York, 1985. - 2 Halbband.

130. Wolf N.R. Das Deutsch des Spätmittelalters (1250 - 1450). Das Deutsch der frühen Neuzeit (1450 - 1650) // W. Schmidt. Geschichte der deutschen Sprache / Bearb. von H.Langner. Stuttgart - Leipzig, 1993.

Источники

1. **П.1.** - Urkunden, Briefe und Actenstücke zur Geschichte Maximilians I. und seiner Zeit / Hrsg. Von J. Chmel. Stuttgart, 1845.

2. **П.2.** - Urkunden, Briefe und Actenstücke zur Geschichte der Habsburgischen Fürsten / Hrsg. von J. Chmel. Wien, 1850. - Bd.2.

3. **A.G.** - A.Götze, H.Volz. Frühneuhochdeutsches Lesebuch. Göttingen, 1967. 5 Aufl.

4. **B.** - Die Bibel. Nach der Übersetzung M.Luthers 1534 mit Konkordanz. Berlin - Altenburg, 1990.

5. **Ch.** - Die Chroniken der deutschen Städte: Straßburg / Hrsg. von G.Hegel. Leipzig, 1871. - Bd.2.

6. **D.P.** - Deutsche Privatbriefe des Mittelalters / Hrsg. von G. Steinhausen. Berlin, 1899. - Bd.1.

7. **Fr.K.** - Fr. Kaufmann. Geschichte der schwäbischen Mundart im Mittelalter und in der Neuzeit. Mit Textproben und einer Geschichte der Schriftsprache in Schwaben. Straßburg, 1890.

8. **G.K.** - G.Kettmann. Frühneuhochdeutsche Texte. Leipzig, 1985. 2 Aufl.

9. **G.Ph.** - G.Philipp. Einführung ins Frühneuhochdeutsche. Heidelberg, 1980.

10. **N.W.** - N. von Wyle. Translationen / Hrsg. von A. von Keller. Hildesheim, 1967.

11. **R.H.R.** - Renaissance, Humanismus, Reformation. Die deutsche Literatur in Text und Darstellung / Hrsg. von J.Schmidt. Stuttgart, 1991.

12. **R.Sch.** - R. Schwenk. Vorarbeiten zu einer Biographie des N. von Wyle und zu einer kritischen Ausgabe seiner ersten Translatze. Göppingen, 1978.

13. **S.B.** - S.Brant. Das Narrenschiff / Bearb. von E.Pradel. Leipzig, 1979.

14. **S.H.R.** - Spätmittelalter, Humanismus, Reformation. Texte und Zeugnisse / Hrsg. von H.Heger. München, 1975. - Bd.1.

15. **U.** - Urkunden zur Geschichte des Schwäbischen Bundes / Hrsg. von K. Klüpfell. Stuttgart, 1846. - Bd.1.

16. **W.Sch.** - Geschichte der deutschen Sprache. Mit Texten und Übersetzungen / Red. von W. Schmidt. Berlin, 1983. 4 Aufl.

17. **Z.S.** - Züricher Stadtbücher des 14. und 15. Jahrhunderts / Hrsg. von H. Nabholz. Leipzig, 1906. - Bd.3.

Приложение

Список рисунков

1. Диатопия немецкой языковой области.
2. Передняя Австрия в XV-XVII вв. (центры г.Энзисгейм и г.Фрейбург).
3. Территориально-политическая карта Швейцарии XIII-XVII вв.
- 3 а. Хронология расширения Швейцарской конфедерации.
4. Трехчастная структура юго-западного ареала (по Фр.Мауреру).
5. Ареальная структура Эльзаса (по О.Штекихту).
6. – 6 а. «Ступенчатый» верхнерейнский субареал (по К.Вагнеру и Т.Фрингсу).
7. Ареалообразующая роль Вюртемберга (по Фр.Мауреру и Т.Фрингсу).
- 7 а. Изоглоссы швабско-алеманской области (по Т.Фрингсу).
8. Юго-западные изолексы (по В.Кляйберу).
9. Реликтовое членение юго-запада (по Фр.Мауреру).
10. Изолинии Зундгау – Бодензее (по Фр.Мауреру).
11. Диалектное членение верхненемецкой области (по П.Визингеру).
12. Изоглоссы алеманской диалектной зоны (по П.Визингеру).
13. Изоглоссы алеманско-баварского пограничья по р.Лех (по А.Баху).
14. Изоглоссы «линии Шваривальда» (по В.Кляйберу).
15. Членение юго-западной диалектной зоны (по П.Визингеру).
16. Ареальная структура швабско-вюртембергской области (по К.Хаагу).
17. Членение южно-алеманской зоны (по В.Кляйберу).
18. Функциональная парадигма немецкого языка XIII-XV вв. и начала XVII в. (по Г.Мозеру).
19. Динамика ареальной базы общенемецкого «предстандарта» в XIV-XVII вв. (по Р.Шюацхайхелю и Т.Фрингсу).
20. Изолинии общенемецкого литературного языка (по Т.Фрингсу).
21. – 21 а. Аспекты ареального своеобразия юго-запада (по Л.Э.Шмитту и В.Бешу).
22. – 22а. Распространение нововверхненемецкой дифтонгизации (по К.Вагнеру и Г.Протце).
23. – 23 а. Распространение форм **gan / stan** (по Т.Фрингсу, Г.Протце и В.Бешу).
24. Распространение суффикса – **nus** (по В.Бешу).
25. – 25 а. Распространение форм причастия II. **gsin / gewesen** (по Г.Штоппу и В.Бешу).
26. Распространение единой глагольной форы мн. числа – **nd** (по В.Бешу).
27. Политико-территориальные силы Германии в конце XV века.
28. Образцы шрифтов южно-немецких печатников: а) швабахский, б) фрактур, в) шрифт И.Шенсбергера.
29. Центры печатного производства верхненемецкого ареала (по Г.Штоппу).
30. «Языки печатников» и ТВЛЯ в Германии в начале XVI века (по Г.Мозеру).
31. Таблица соотношения средневерхненемецких и новонемецких долгих гласных и дифтонгов (по Г.Меттке).
32. Правописание (XV в.) и распространение узкого дифтонга [ei] (по Фр.Мауреру).

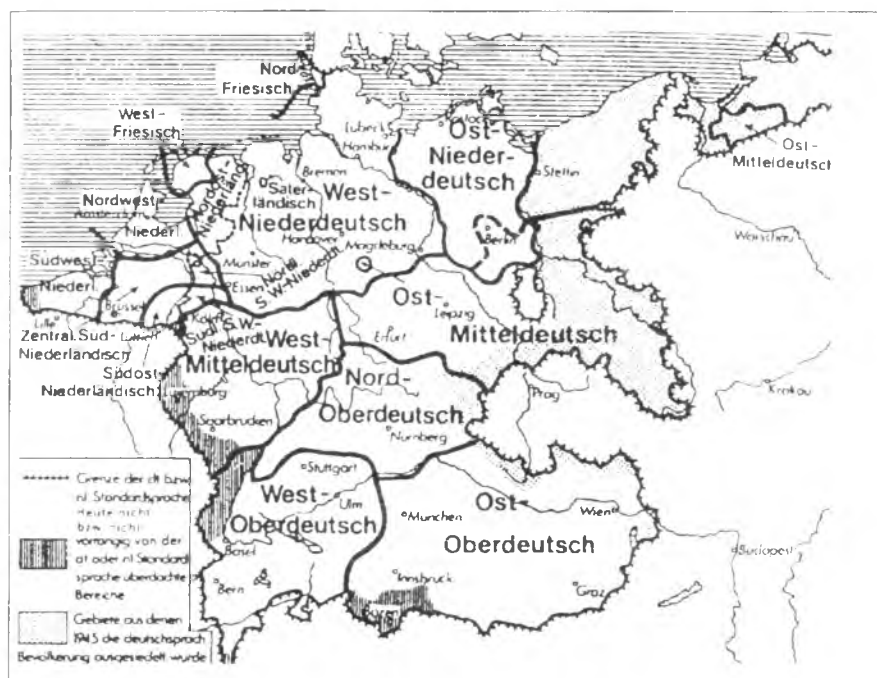

Рис. 1

Рис. 2

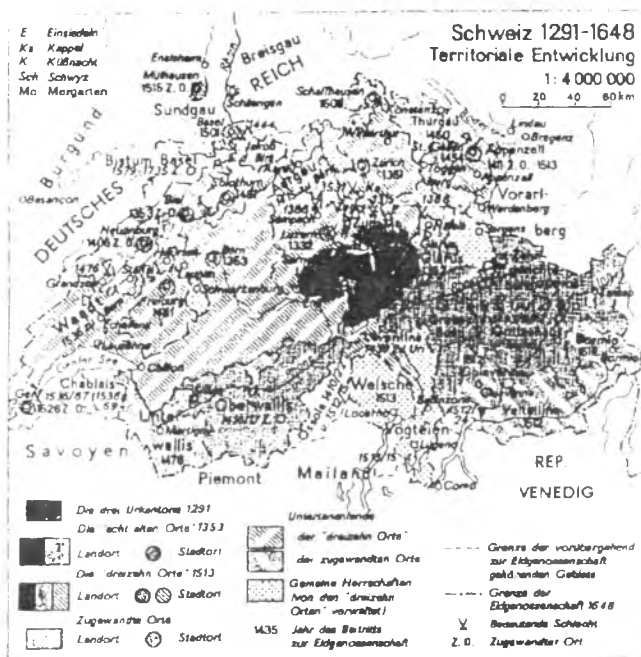

Рис. 3

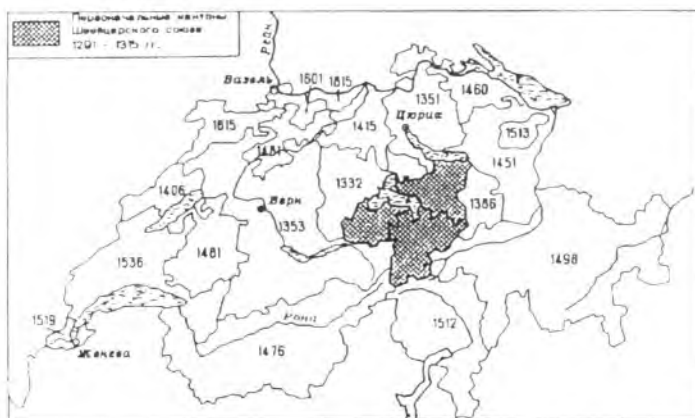
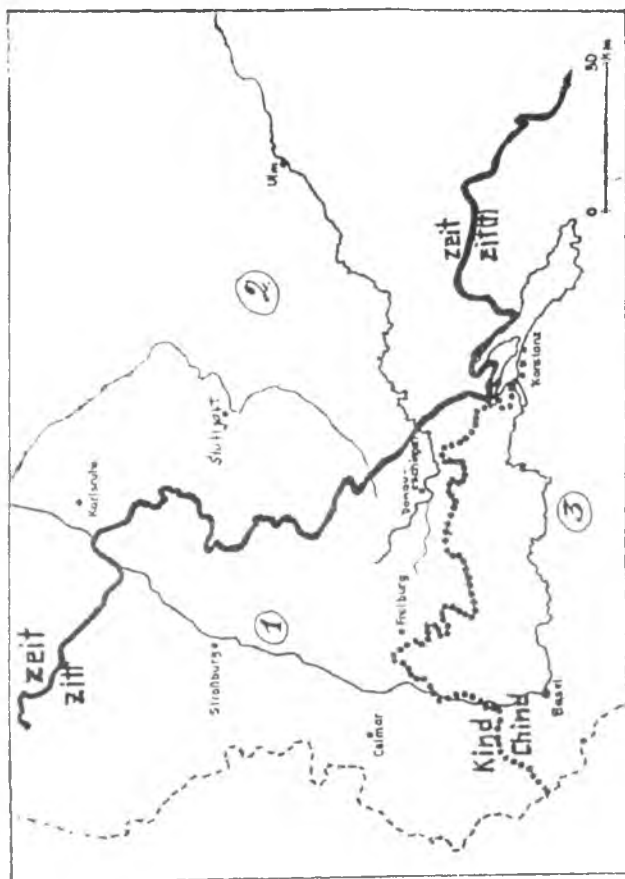

Рис. 3 а

- I. 1) «Obrerrhein» (Obrerrheinland) – Obrerrheinisch
 II. 2) «Schwaben» (Neckarland) – Schwäbisch
 3) «Südalpe» (Alpenvorland) – Südalpe

Рис. 4

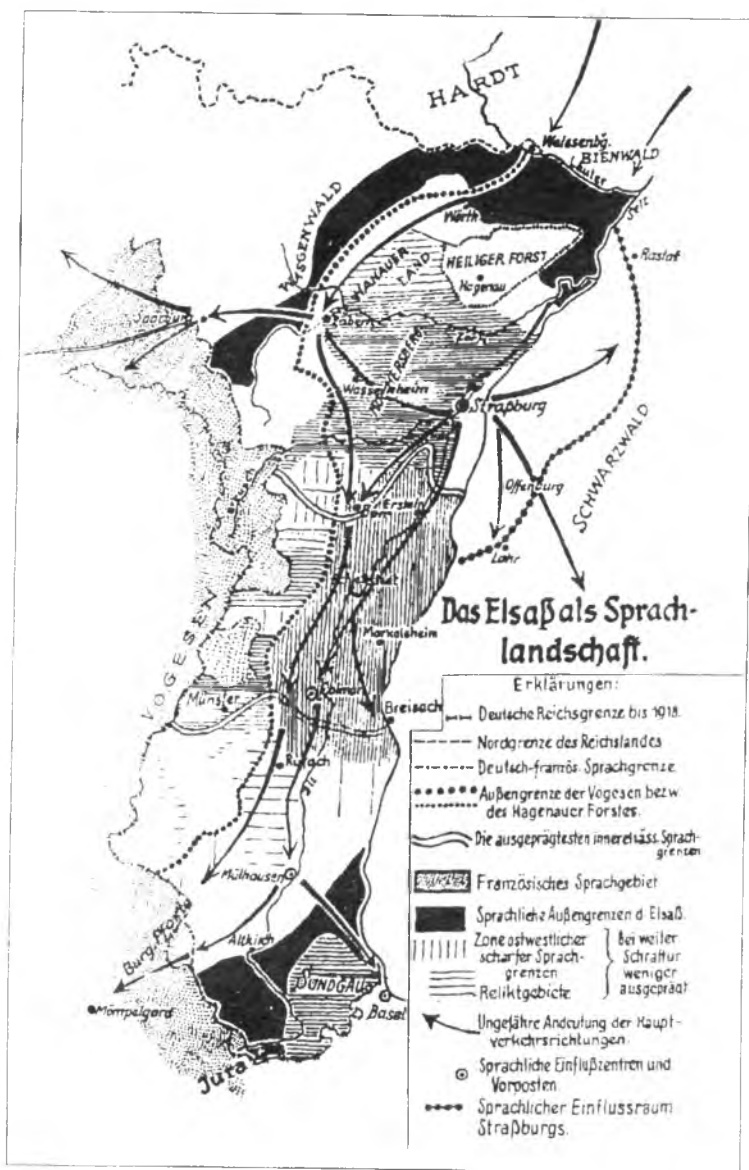

Рис. 5

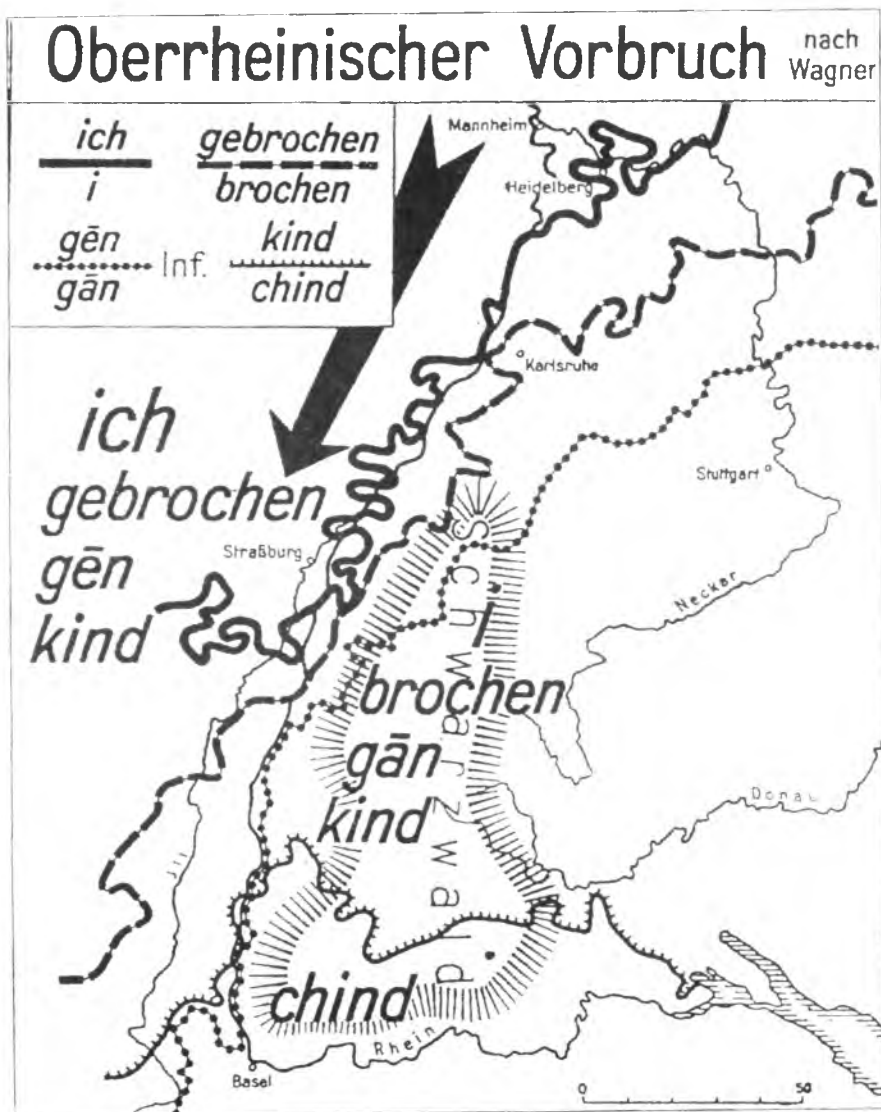

Рис. 6

Рис. 6 а

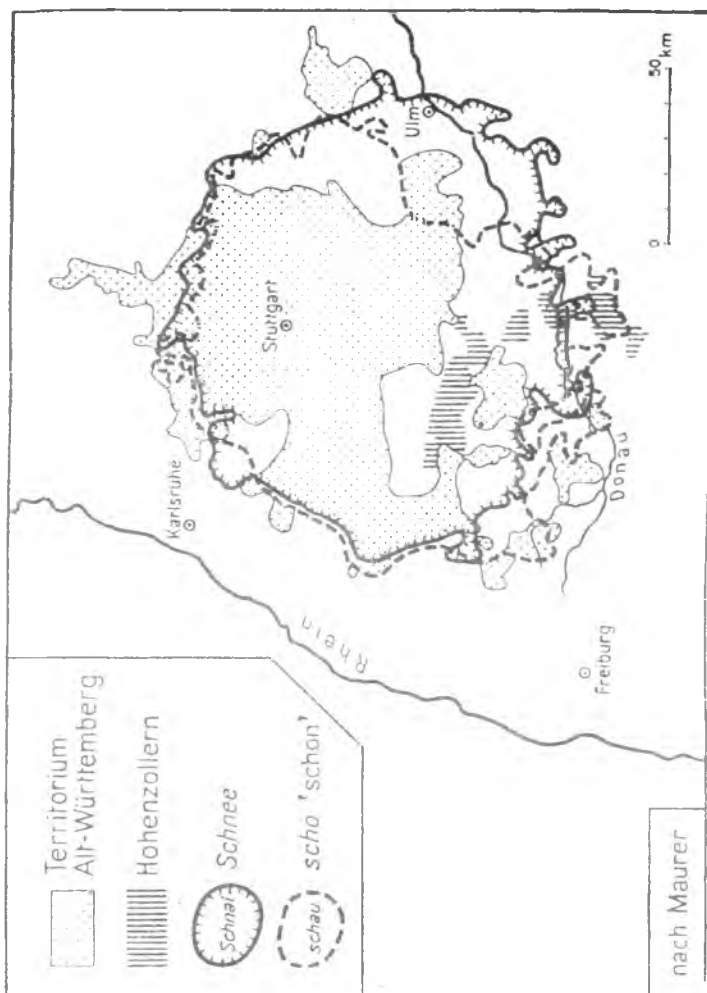

Рис. 7

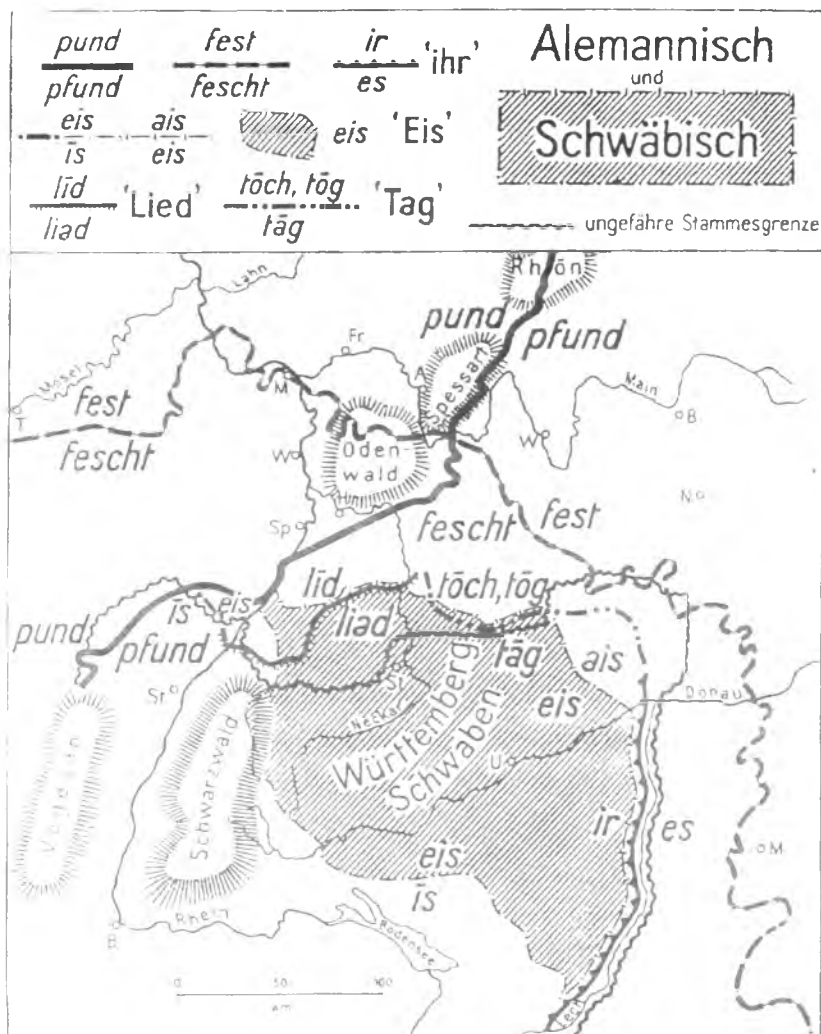

Рис. 7 а

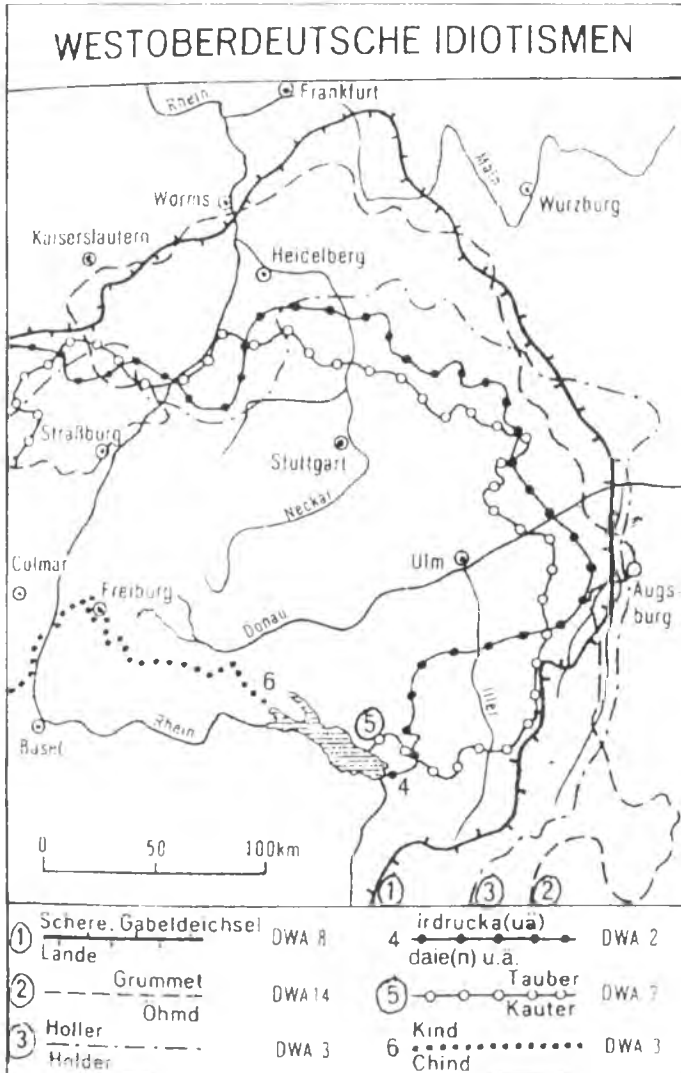

Рис. 8

Сüdwestdeutsche Reliktstafelung (nach Maurer): a, b, c.

Рис. 9

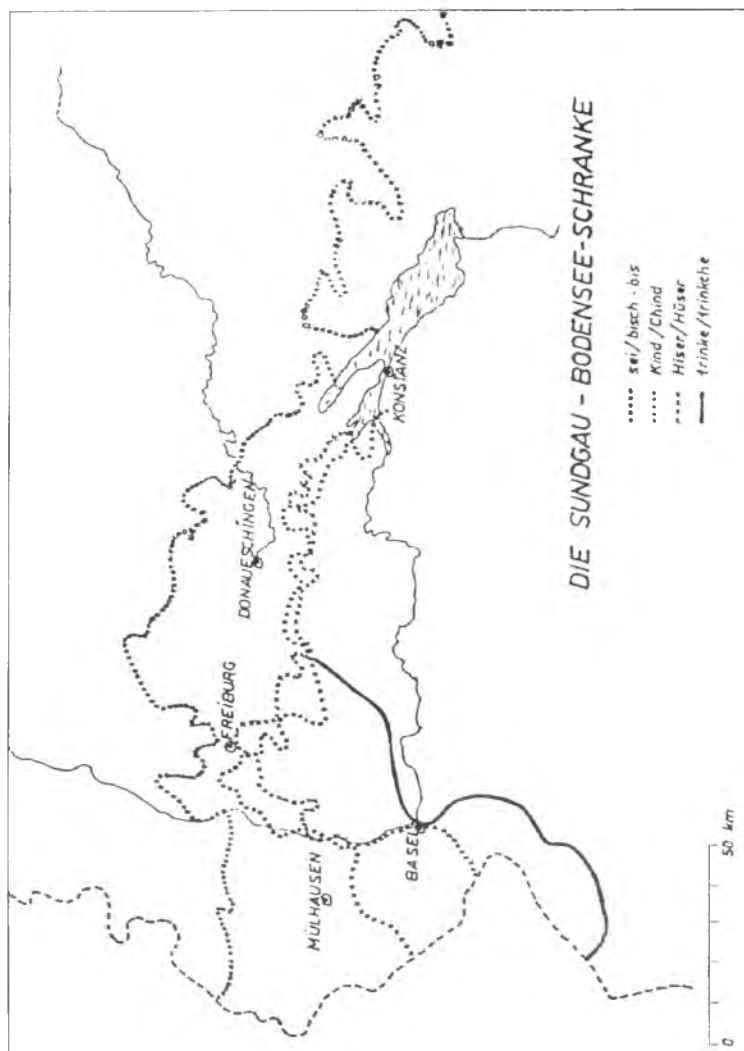
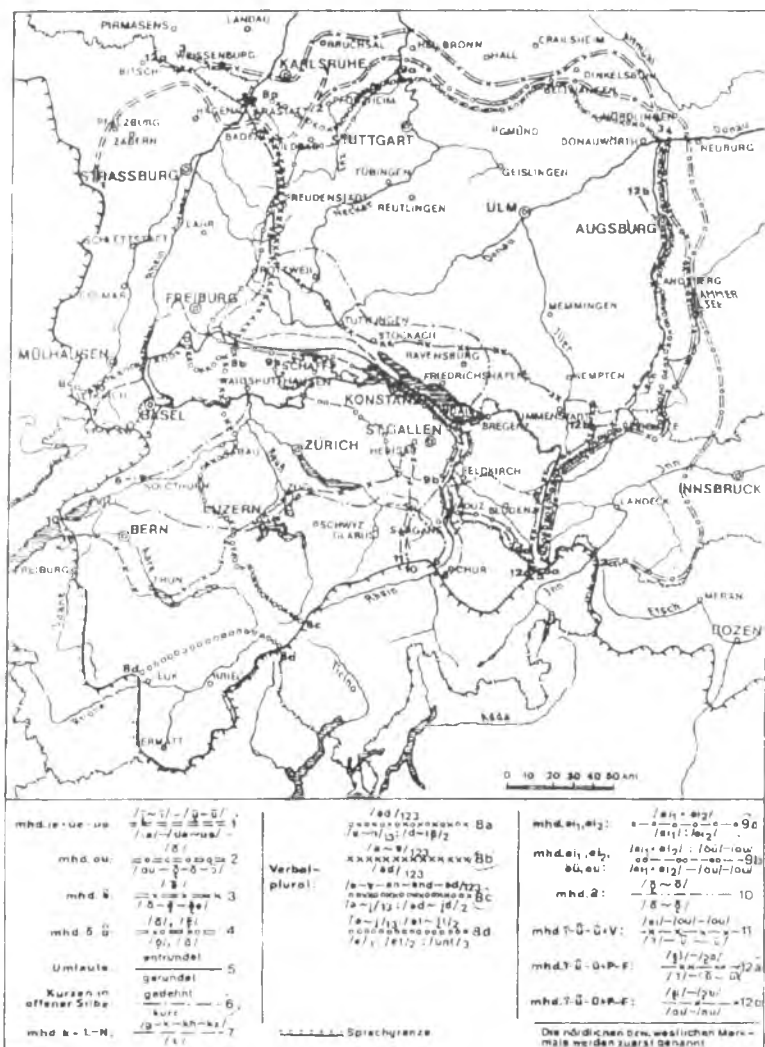

Рис. 10

Рис. 11

Die Einteilung der deutschen Dialekte

Das Alemannische

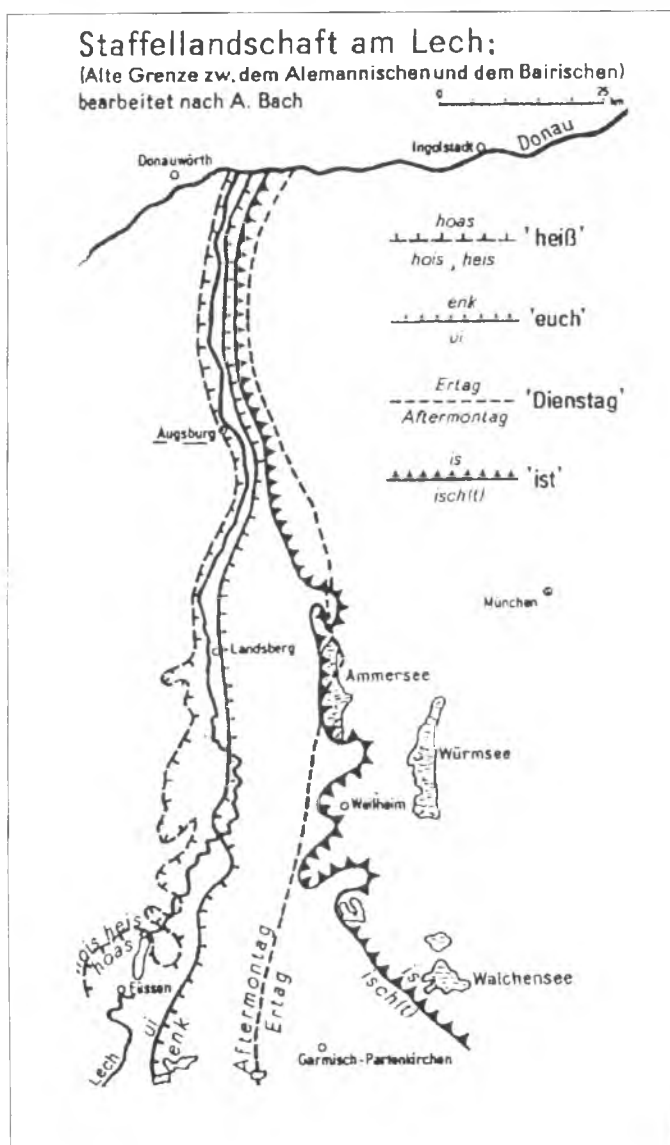

Рис. 13

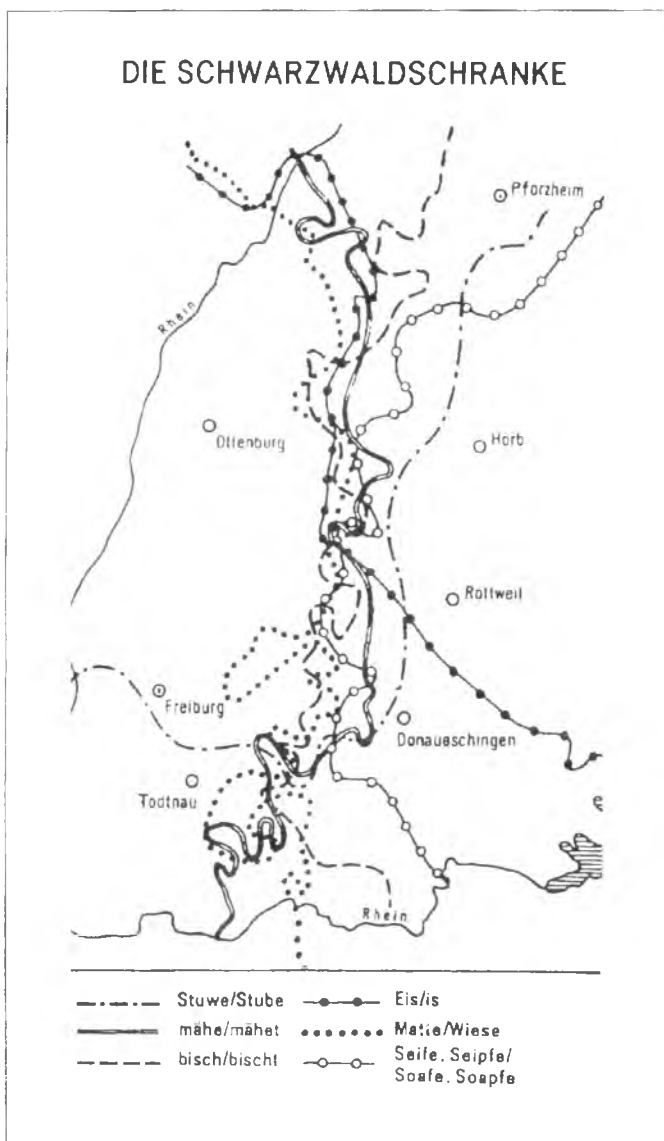
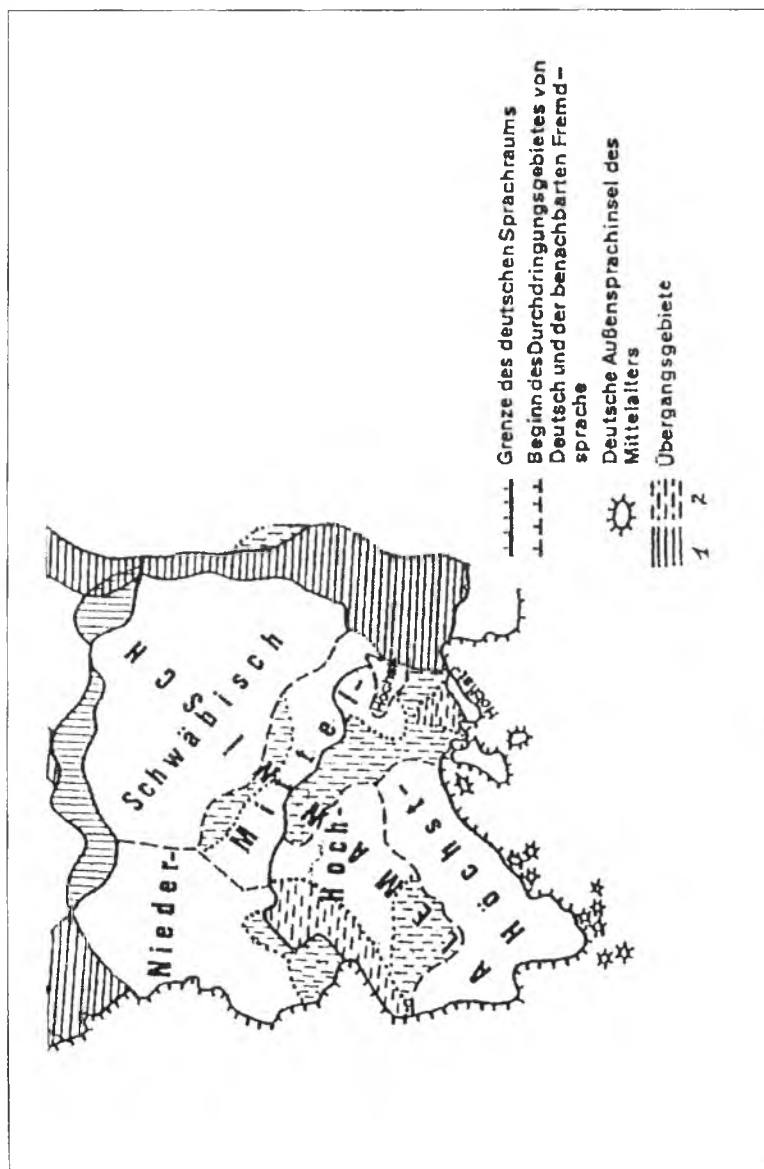

Рис. 14

Südwestdeutscher Dialektraum

Рис. 15

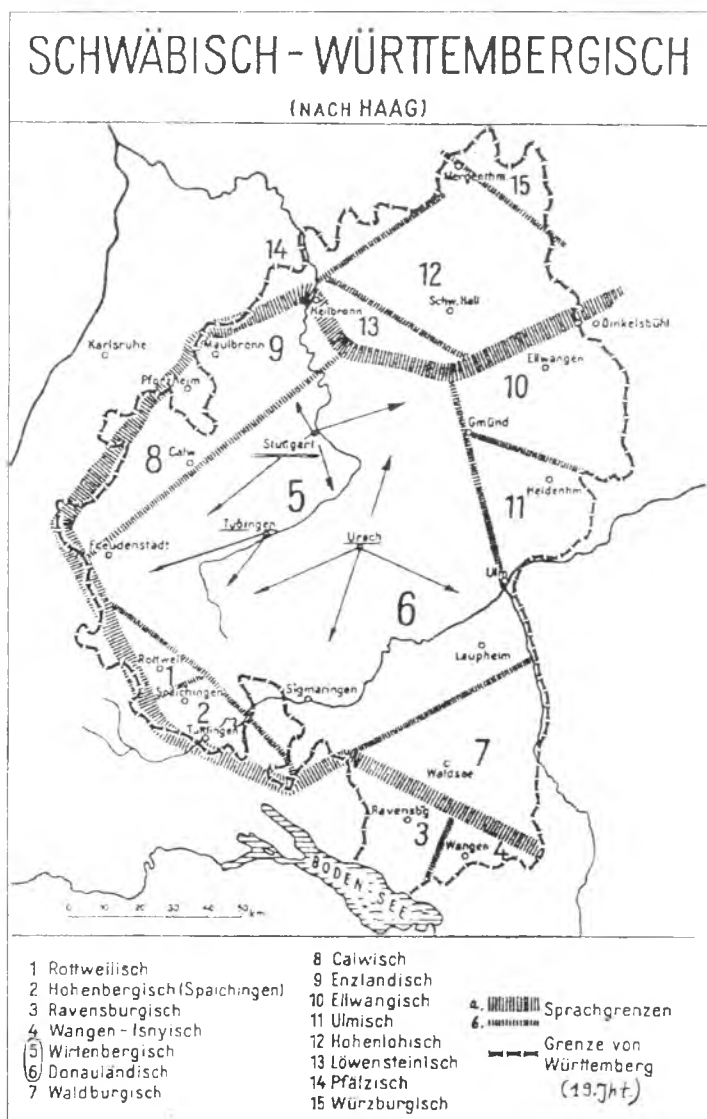

Рис. 16

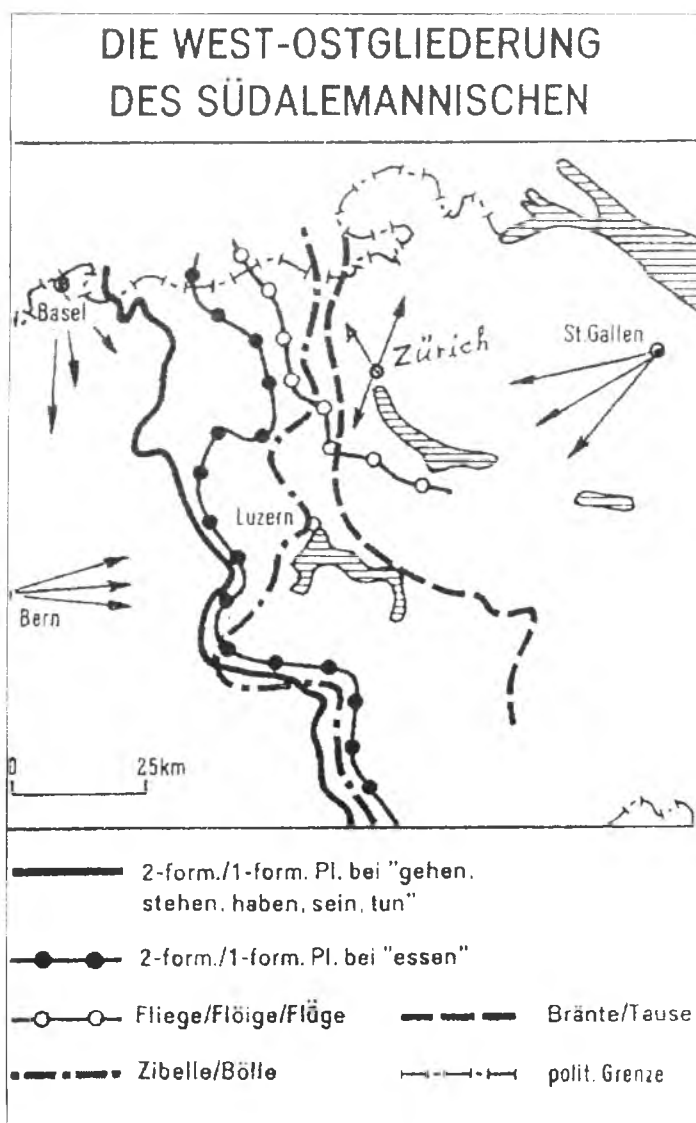

Рис. 17

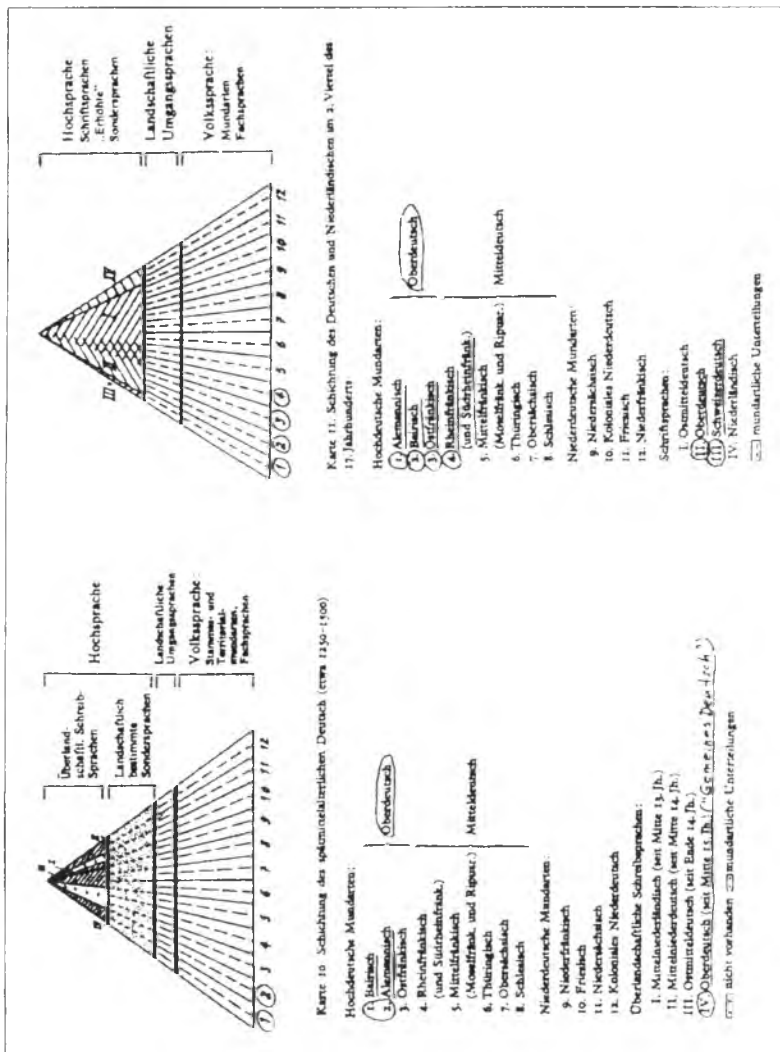

Рис. 18

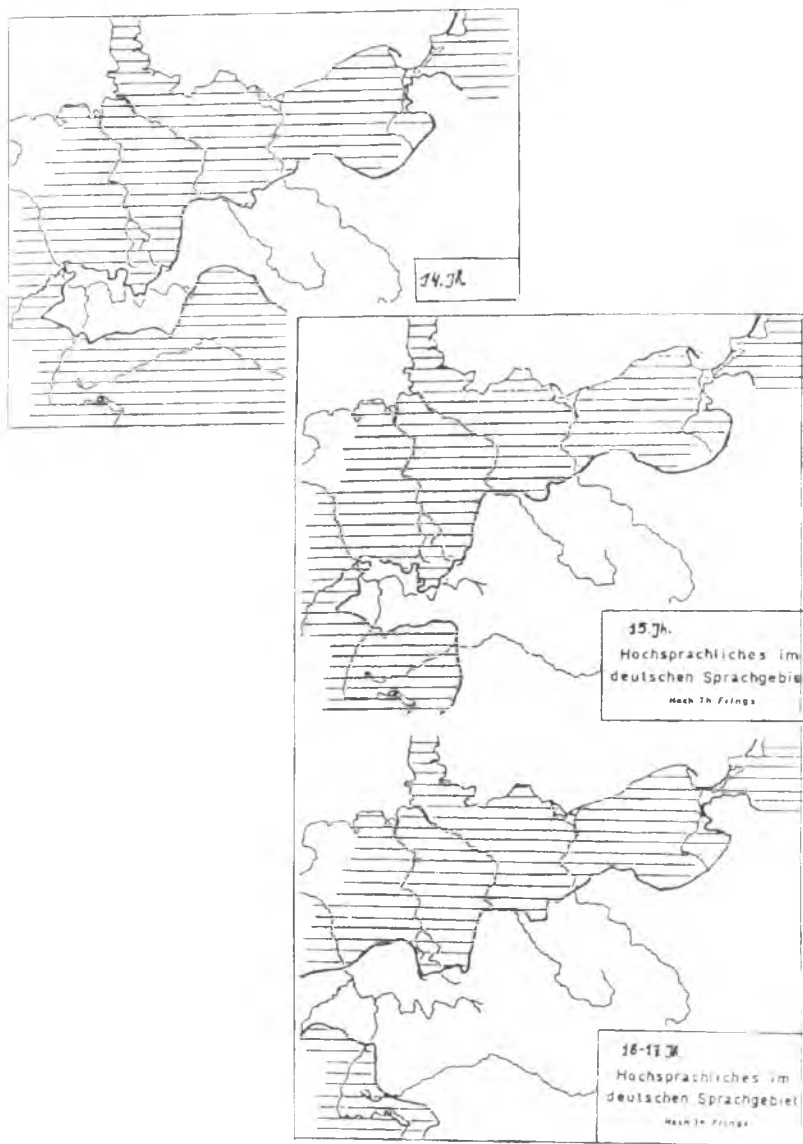
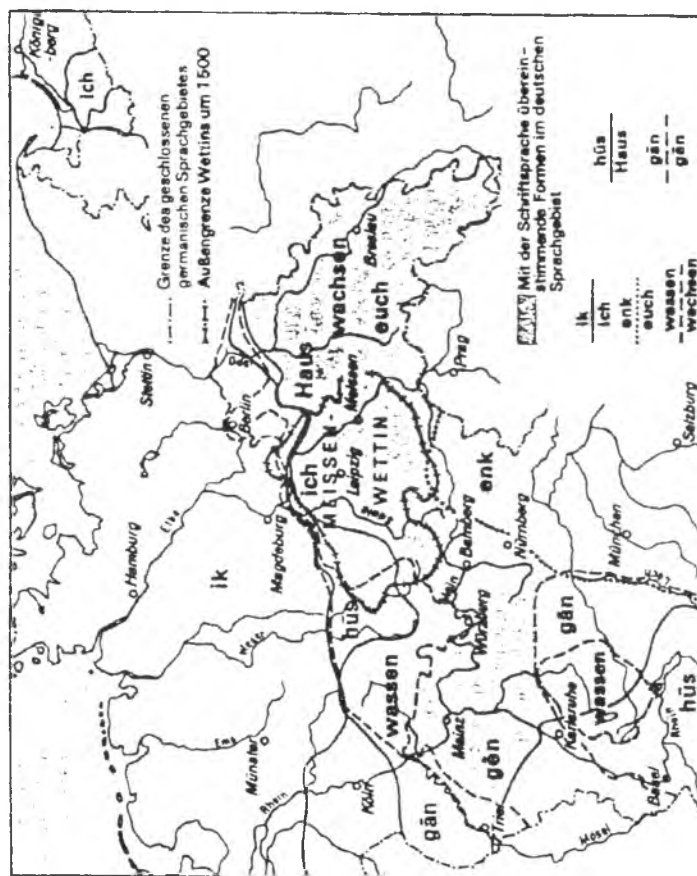
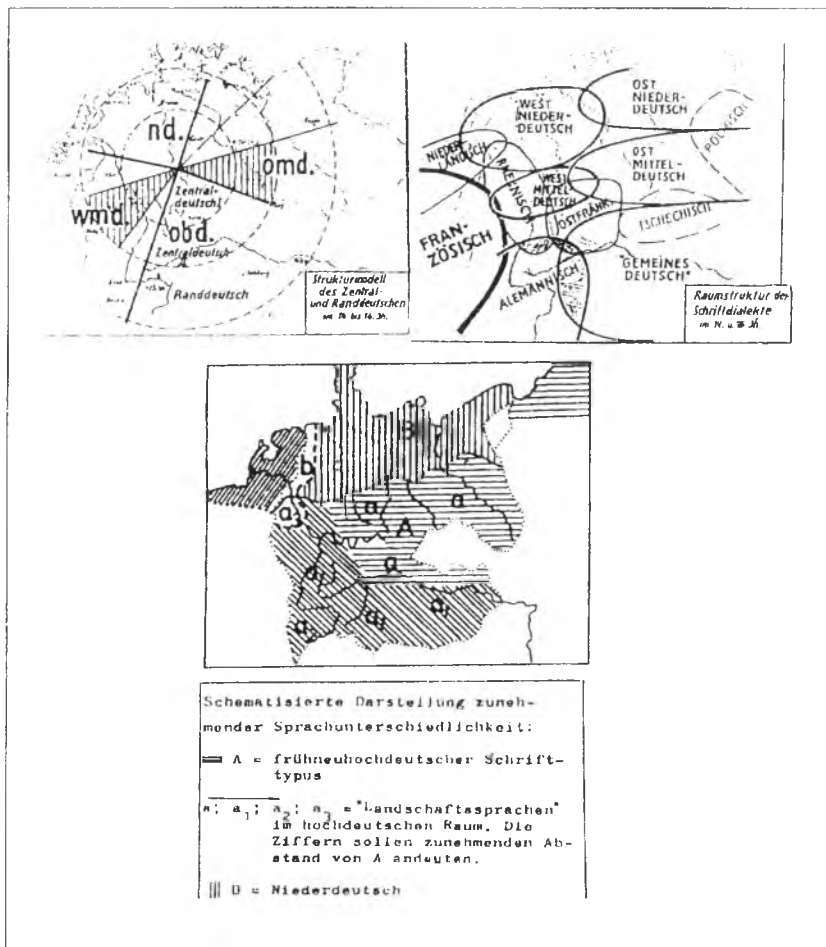

Рис. 19

Kombinationskarte von Theodor Frings

Аспекты ареальной специфики юго-запада.

Юго-запад как а) «окраинная зона»; б) «зона интерференций» региональных вариантов литературного языка XIV–XVI вв. (по Л.Э.Шмитту); в) схема структурных расхождений территориальных вариантов литературного языка (по В.Бешу)

Рис. 21-21а

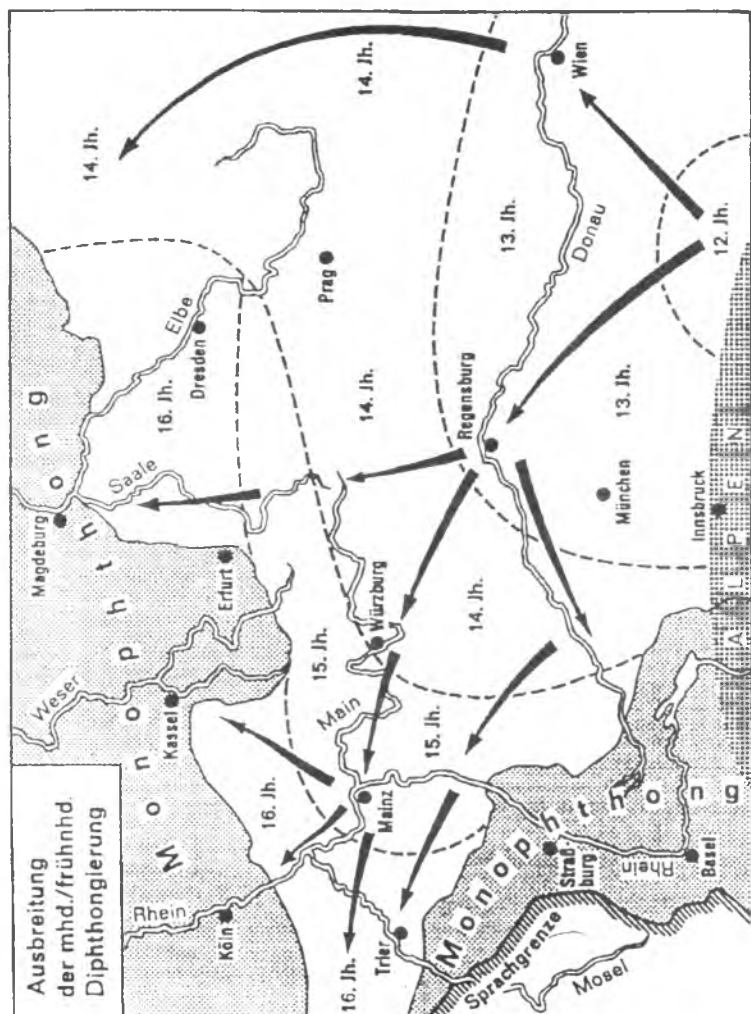

Рис. 22

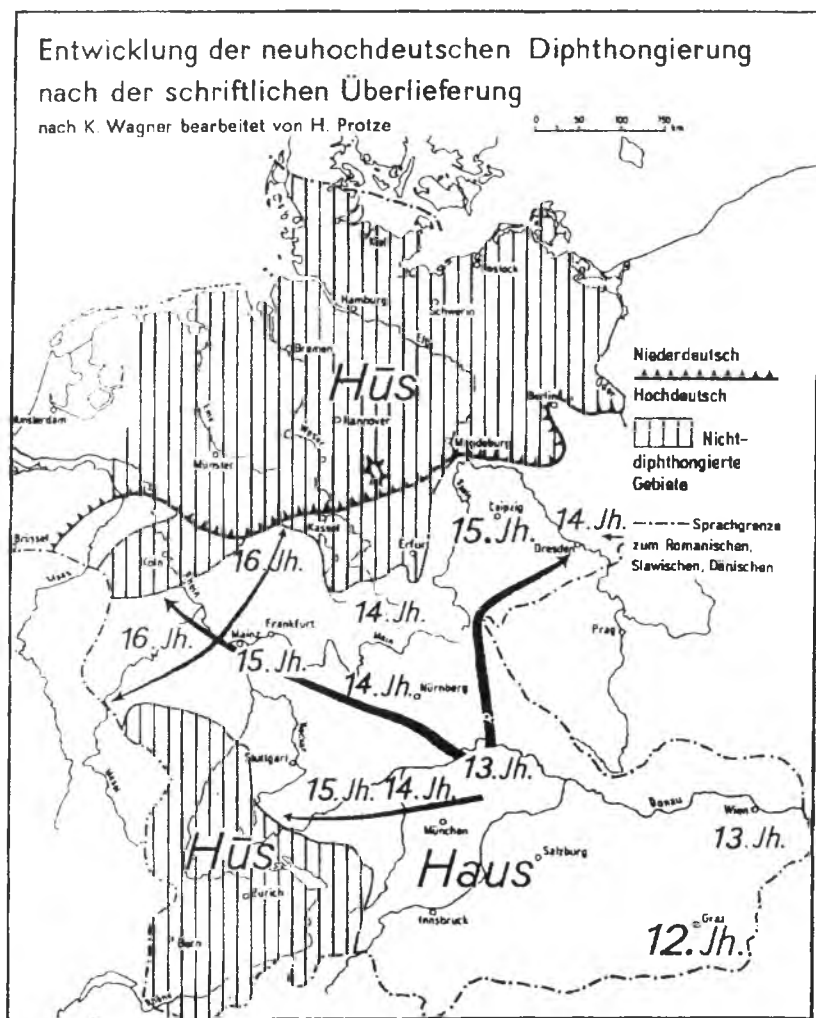

Рис. 22а

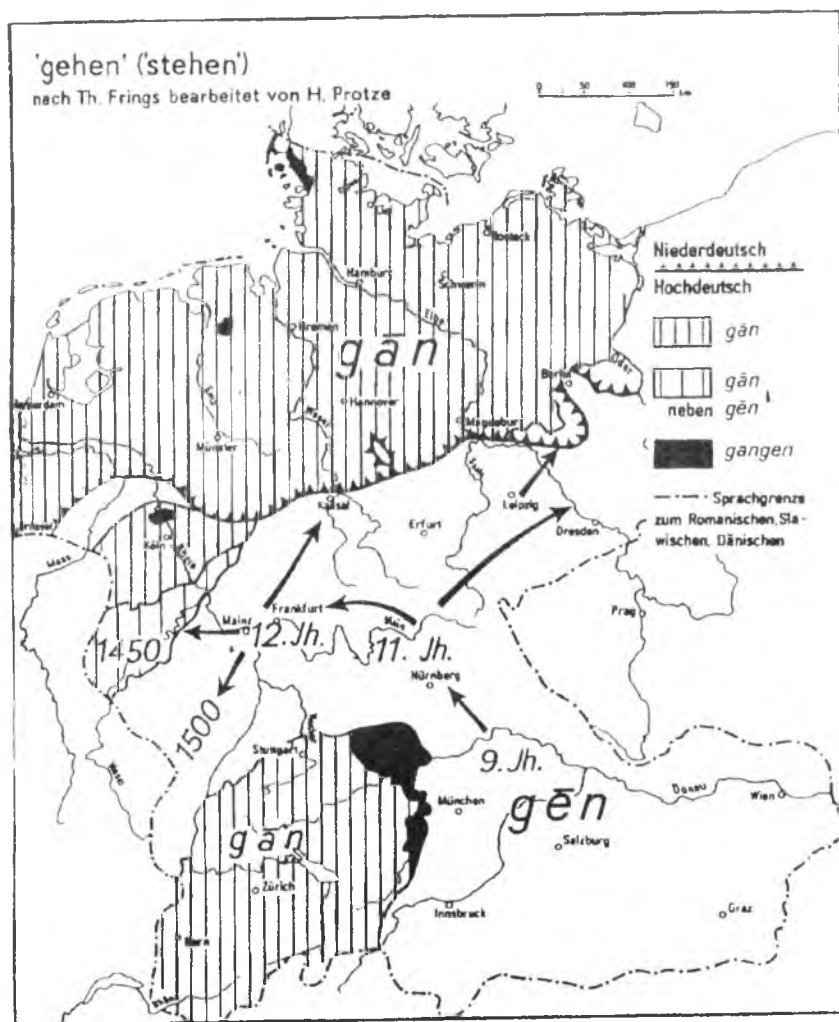

Рис. 23

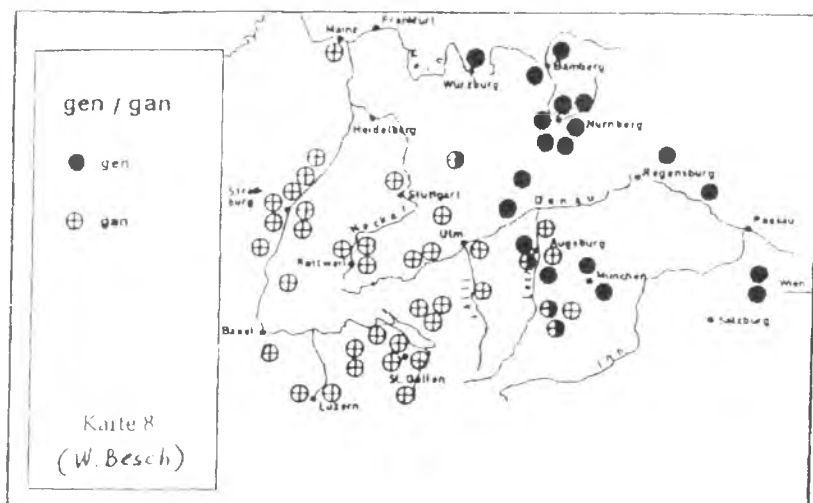

Рис. 23 а

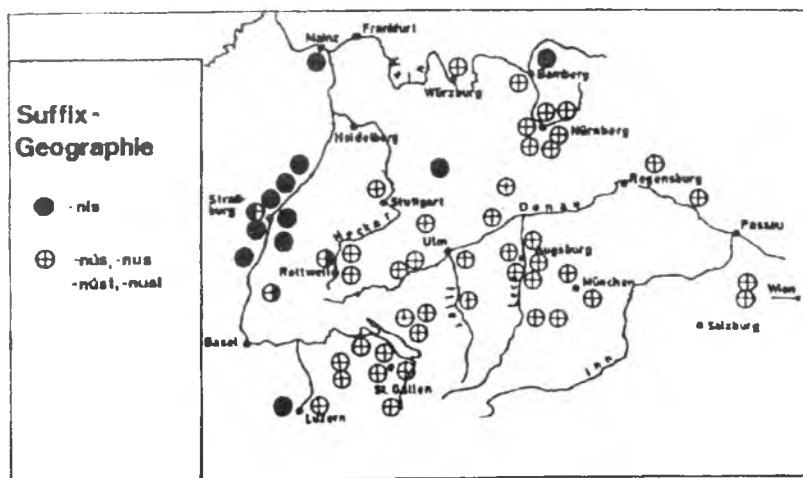

Рис. 24

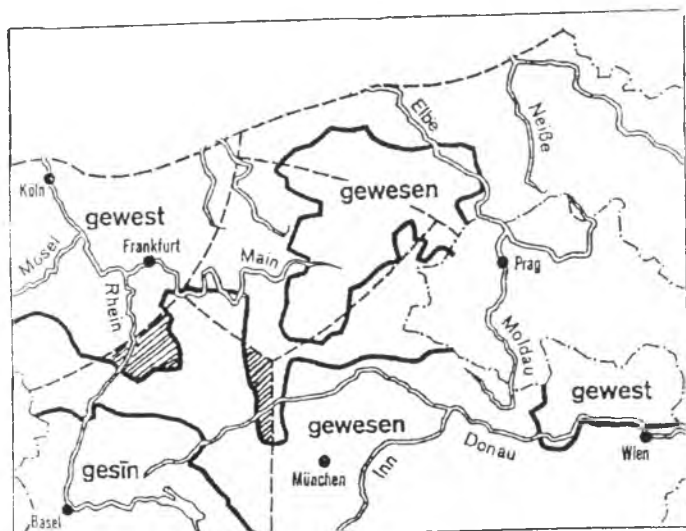

Рис. 25

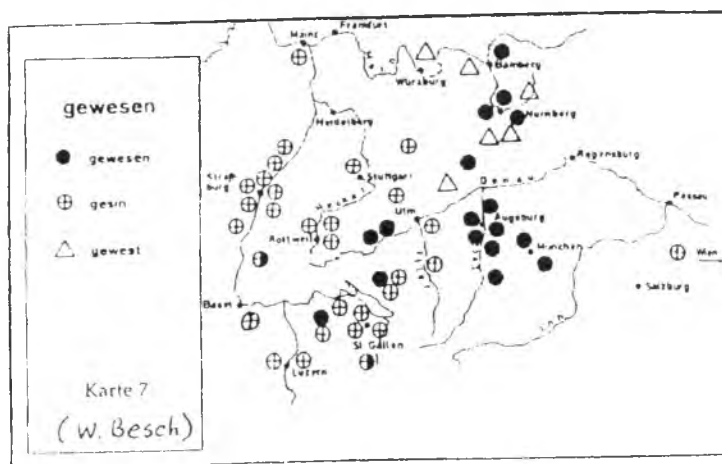

Рис. 25 а

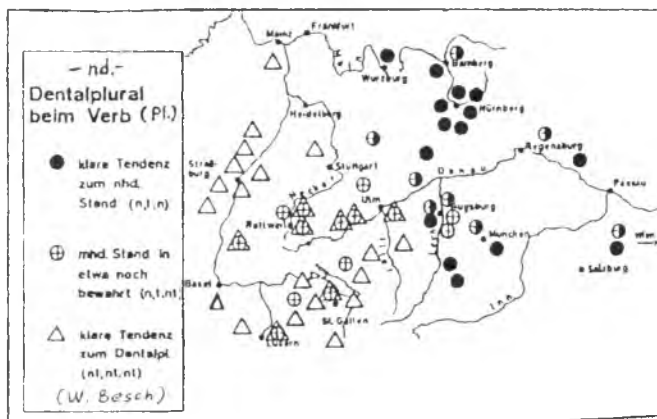

Рис. 26

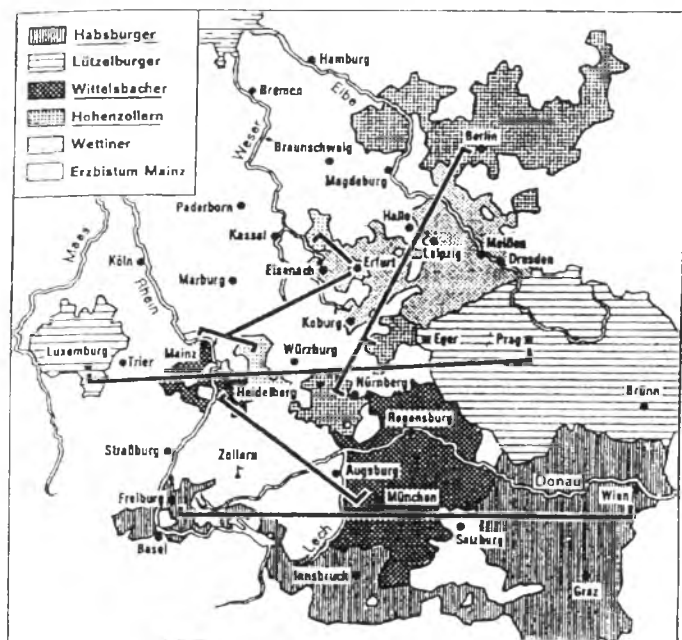

Рис. 27

schafft/so in Hochteütscher Nation/vnd vil ande
 rer ou/mit empörung vñ auffrür entstandē. 7c.
 ob jr empörung billicher oder vnpillicher ge
 stalt geschehe/ vnd was sie der Oberkait
 schuldig oder nicht schuldig seind. 7c.
 gegründet auß der heyligen Göt
 lichen geschufft/ von Oberlen
 dischen mitbrüdern gütter
 maynung außgangen
 vnd beschriben. 7c.

Heißt des Glückradts stund vnd zeýt
 Gott wayßt wer der oberist bleybe.

Man muß die Mutter im
 Hause, die Kinder auf der
 Straße, den gemeinen Mann
 auf dem Markt darum fra
 gen und denselbigen auf das

Mathei ccccxliiii

büß. Vnd wie er petrum. and ieam.
jacobum vnd johannem berüffet. vñ
vil kranker gesundt machet.

Ward ihesus gefürt
von dem geÿst in die wü-
ste daz er wurd versüchet
von dem teufel. vnd do er

A B B C D D E F
G H I K L M N O P
R S S T U W X Z
a b c d e f g h i k l m n o
p r s t u v w x y z ß

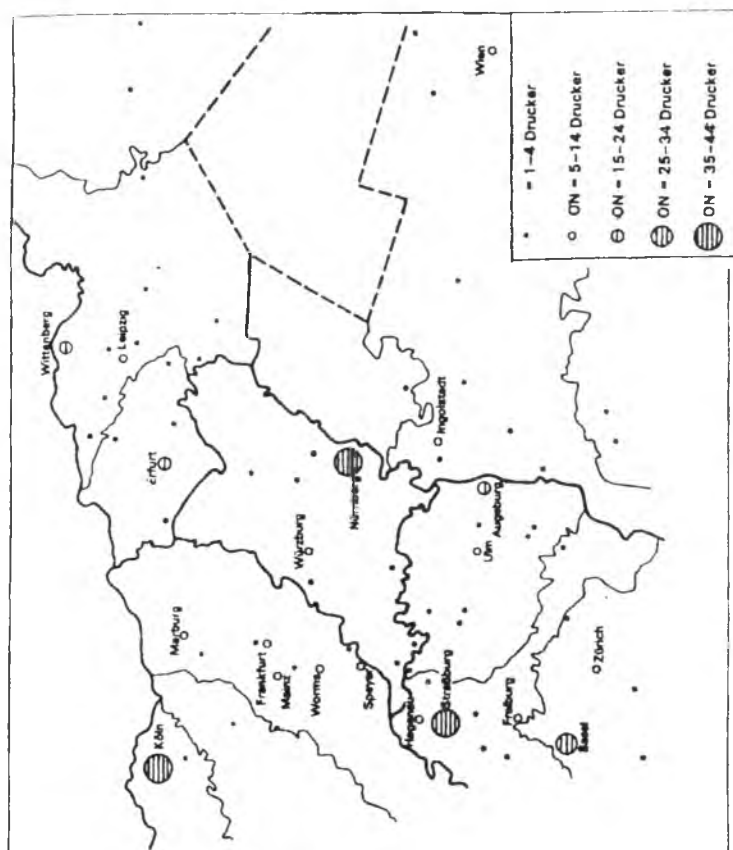

Рис. 29

Рис. 30

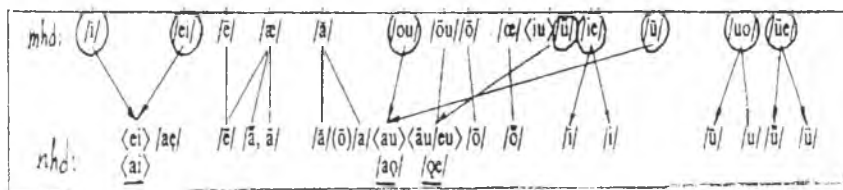

Рис. 31

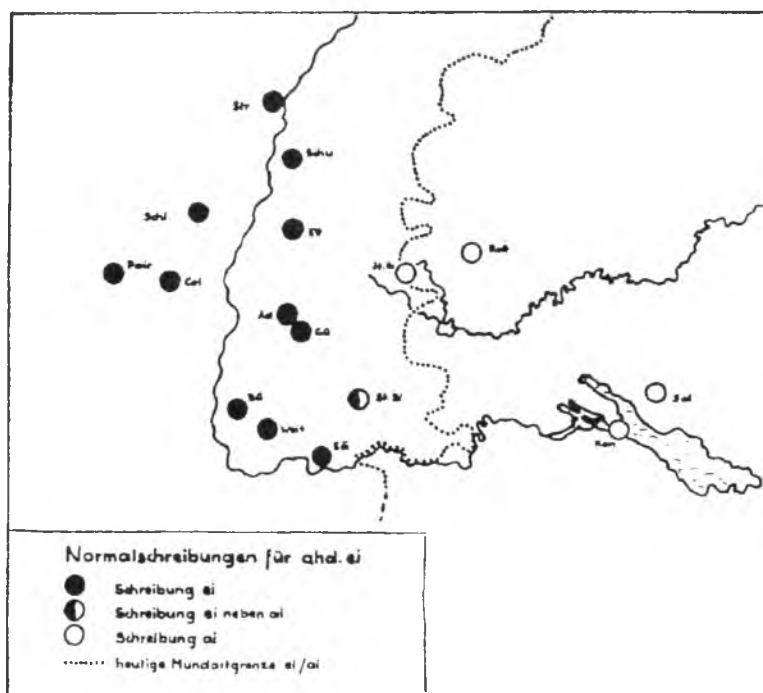

Рис. 32

Sergej I. Dubinin

DIE DEUTSCHE SCHRIFTSPRACHE IM SPÄTEN MITTELALTER: SÜDWESTDEUTSCHES AREAL

Zum Inhalt:

Einleitung

Entstehungsgeschichte der deutschen Schriftsprache als plurizentrisches Modell. «Periphere» territoriale Varianten der spätmittelalterlichen deutschen Schriftsprache.

1. Historische Geographie des deutschen Südwestens (XV-XVI Jht.)

Dynamik der politisch-administrativen Karte. Besonderheiten der sozial-ökonomischen Entwicklung. Historisch-kulturelle Situation. Literarische Landschaft.

2. Areal-linguistische Besonderheiten des Südwestens

Aspekte der subarealen Gliederung. Rekonstruktion des funktionalen Sprachparadigmas. Territoriale Variante der deutschen Schriftsprache des Südwestens: soziale und funktional-stilistische Spezifika; Areale Basis und Usus; Linguistische Besonderheiten und metasprachliche Äußerungen der Zeitgenossen.

3. «Kanzleisprachen» und Usus der deutschen Schriftsprache des Südwestens (bis ca. 1520)

Stratifikation der Sachprosa und örtliche Kanzleitraditionen. Pragmatik und Variieren der Regionalmerkmale: Dokumente des Schwäbischen Bundes und des Stadtrechts; «Sender/Empfänger»- Korrelationen; Privatbriefe der Adeligen; Sachprosa und «libri chronic».

4. Drucker und die deutsche Schriftsprache des Südwestens

Paradoxa der Inkunabelzeit 1470-1510: Handschriften und Drucktexte; Nachdrucke («fremde» und stereotype Texte). Regionale Druckersprachen um 1520-1550: führende Genres während des Bauernkrieges; Handschriftliche und gedruckte Texte der schweizer «homines litterati» (N.Manuel); Züricher Drucker und die Sprache der schweizer Reformation (Chr. Froschauer - H.Hager; Züricher Bibel).

Schlussbemerkungen. Bibliographie. Quellen. Karten.

Über den Autor:

Dr.Do. Sergej Dubinin

Lehrstuhl für deutsche Philologie

Staatsuniversität Samara

☒ Rußland, 443100, Samara, Polewaja 68"а" - 23

➔ E-mail: sid@ssu.samara.ru

Сергей Иванович Дубинин

**Немецкий литературный язык
позднего средневековья**
юго-западный ареал

Редактор Е.А.Краснова
Художественный редактор Л.В.Крылова
Компьютерная верстка, макет Л.Л.Паймулина

Л.Р.№ 020316 от 04.12.96. Подписано в печать 12.10.00. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,6; уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 400 экз. Гарнитура «Times New Roman». С.62. Заказ № 2301
Издательство «Самарский университет», 443011, г.Самара, ул.Акад. Павлова, 1.
ОАО ПО «СамВен», 443099, Самара, ул.Венцека, 60.